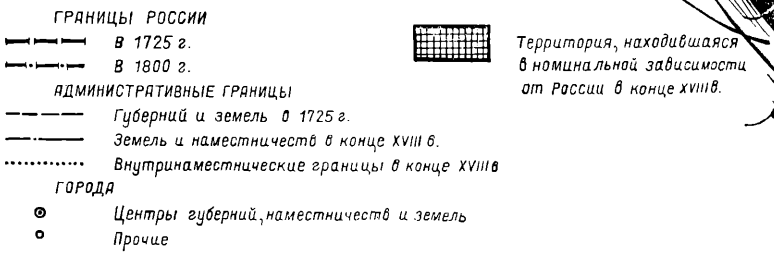
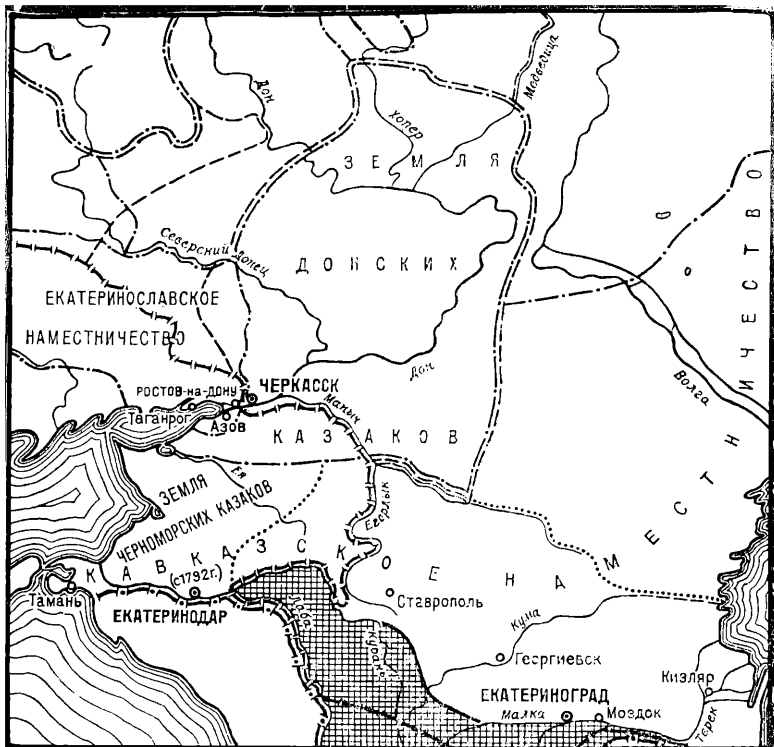

ДОН
И СТЕПНОЕ
ПРЕДКАВКАЗЬЕ

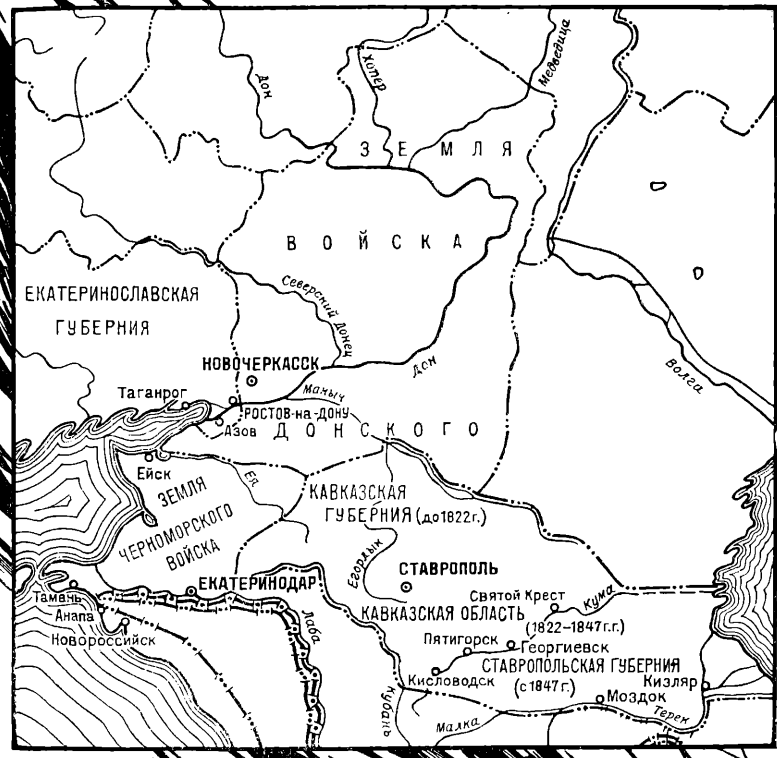
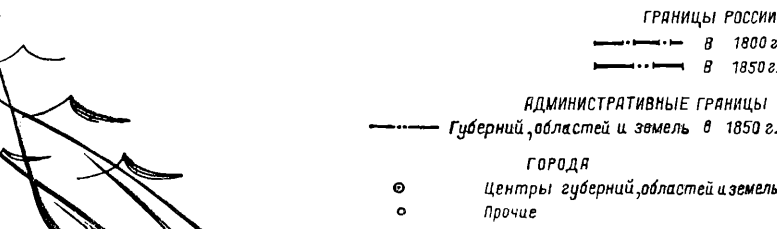
XVIII-ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

ДОН И СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В 1 ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ДОН И СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В XVIII ВЕКЕ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ДОН
И СТЕПНОЕ
ПРЕДКАВКАЗЬЕ

XVIII-ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIXв.

Заселение
и хозяйство

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1977

*Печатается по решению
бюро отделения гуманитарных наук
Северо-Кавказского научного центра высшей школы*

Ответственный редактор А. П. Пронштейн

Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство). Издательство Ростовского университета, 1977.

240 с.

Монография представляет первую часть коллективного труда, который будет состоять из двух томов. В ней рассматривается заселение Дона и степного Предкавказья, развитие здесь сельского хозяйства, промышленности и торговли. Особое внимание уделяется творческой роли народных масс в освоении юго-востока страны.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей и студентов вузов и всех, кто интересуется историей.

Д 0164—039 7—77
М 175 (03) — 77

© Издательство Ростовского университета, 1977.

В истории нашей Родины период XVIII — первой половины XIX в. отмечен крупными переменами.

Заметные сдвиги в области производительных сил произошли в сельском хозяйстве и в промышленности. Они влекли за собой изменения в социальном строе. С одной стороны, шел процесс развития феодально-крепостнических отношений: власть помещиков над крестьянами усиливалась, и крепостнические порядки распространялись «вширь» на огромные территории вновь заселяемых земель, в том числе на Украину, Землю войска Донского, степное Предкавказье. С другой стороны, под воздействием развивавшихся производительных сил в недрах феодально-крепостнической системы формировался капиталистический уклад. В 40-х годах XIX в. под влиянием экономической революции, которая «охватила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше», в России начался переход от мануфактуры к машинному производству¹.

В сельском хозяйстве также происходят качественные изменения: разрушаются основные условия барщинной системы и зарождаются буржуазные отношения. Как указывал В. И. Ленин, в России в этот период уже не существовало тех форм натурального самодовлеюще замкнутого феодального хозяйства, которое было бы слабо связано с остальным миром, а производство хлеба на продажу, «...особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старом режима»².

Таким образом, в России в то время наблюдалось переплетение старых и новых производственных отношений и до известного момента их одновременное развитие³. Но постепенно все с большей силой обнаруживалось несоответствие феодальных производственных отношений развивавшимся производительным силам, что привело во второй четверти XIX в. к кризису всей крепостнической системы.

Одним из средств, с помощью которых русское самодержавие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 22, с. 535.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 3, с. 184.

³ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. — В кн.: Доклады юветской делегации на X международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. М., 1956, с. 11.

вие пыталось задержать надвигающийся кризис крепостнической системы, была активная внешняя политика, направленная на расширение территории страны, присоединение новых земель. В итоге только за последние сто лет предреформенного времени территория Российской империи увеличилась на три миллиона квадратных верст и достигла почти 18 млн. квадратных верст¹. Наличие в руках царизма огромных земельных фондов, постоянно пополняемых в результате освоения и присоединения новых территорий, способствовало укреплению его экономического и политического престижа. Самодержавие, учитывая новые явления в экономике, изменения в социальных отношениях и социальной структуре общества, гибко приспосабливалось к ним, проводя при этом реакционную политику, направленную на сохранение феодального строя в России, поддерживало господствующий класс феодалов и душило освободительное и общественное движение. Результатом этого явилось создание чиновничье-дворянской абсолютной монархии с «бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвященного абсолютизма»².

Однако никакими средствами самодержавие не могло воспрепятствовать развитию классовой борьбы, которая в условиях разложения и кризиса феодально-крепостнического строя усиливалась с каждым десятилетием. Рассматриваемый в настоящей монографии период характеризуется нарастанием и обострением классовой борьбы, выливавшейся в многочисленные народные выступления: восстание К. Булавина, крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева, крестьянские волнения на Дону в 1818—1820 гг., первое в истории России революционное выступление — восстание декабристов, крестьянские волнения накануне падения крепостного права. Многие из этих выступлений происходили на Дону и в степном Предкавказье, оказывая значительное влияние на развитие классовой борьбы во всей стране.

Таков был общий ход исторического развития России в XVIII — первой половине XIX в. Однако развитие этого процесса в масштабах всей страны было результатом сложного переплетения своеобразных явлений, характерных для отдельных регионов Российской империи. В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на «пространственное и географическое распределение местностей», подчеркивая при этом не-

¹ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, т. 4. М., 1967, с. 1—2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 346; т. 20, с. 421.

обходимость изучать экономику и социальные отношения в стране в порайонном разрезе¹.

Одним из крупных регионов России, отличавшимся целым рядом своеобразных черт, без учета которых представление о процессах экономического и социального развития страны в XVIII — первой половине XIX в. было бы неполным, являлись Дон и степное Предкавказье.

Границы этого района к началу XVIII в. еще не были точно установлены, они складывались постепенно на протяжении всего изучаемого периода.

В XVIII — первой половине XIX в. границы Дона (земли, занимаемой донскими казаками) определялись следующим образом. На западе до разграничения с Запорожским войском в 1746 г. твердо установленной границы не было. С 1746 г. она шла от Таганрогского залива по р. Кальмиус и далее до Северского Донца.

На северо-западе, севере и северо-востоке граница до Булавинского восстания не была строго установлена и проходила примерно от Северского Донца до Дона в междуречье Оскола на западе и Айдара на востоке. После подавления Булавинского восстания и изъятия у войска Донского 1 млн. дес. земли, главным образом по Северскому Донцу, а также по Дону, Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле (сравнительно немного в их верхнем течении), граница прошла по Донцу немного выше ст-цы Луганской и далее к Дону до ст-цы Казанской, от нее до Хопра (выше ст-цы Михайловской), затем к Медведице (выше ст-цы Островской)² и от Медведицы к Иловле, неподалеку от ее впадения в Дон.

Восточная граница определилась окончательно в 50-х годах XVIII в. после разграничения с Волжским войском и шла от Иловли на юг до верховьев р. Сал. Эта граница не менялась до 1920 г.

Границы земли донских казаков в задонских степях и на юге были утверждены в 1800 г., а затем в 1817 г. Войску был прирезан небольшой участок между реками Эльбуздой и Еей. С тех пор южная граница донских земель оставалась неизменной до 1920 г. Территории Ростовского уезда (существовал с 1797 г.) и Таганрогского градоначальства (с 1802 г.) входили в состав Екатеринославской губернии. Эти административные единицы занимали небольшую территорию на юго-западе дон-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596; т. 16, с. 217—218.

² Все течение р. Бузулука осталось за войском Донским.

ских земель в низовьях Дона (исключая юрты Верхне- и Нижне-Гниловских и Елизаветинской ст-ниц) и по побережью Таганрогского залива у Таганрога.

Территория Предкавказья к началу XVIII в. еще не вся входила в состав России. Восточное Предкавказье, южная граница которого проходила по Тереку, а западная — по рекам Манычу и Егорлыку, вошло в состав России еще при Иване IV. Западное Предкавказье (правобережная Кубань) было присоединено значительно позже: территория к северу от р. Еи — по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., а земли к югу от Еи до Кубани (включая Таманский полуостров, который лежал тогда на правом берегу р. Кубани) — вместе с Крымом в 1783 г.

Южной границей Предкавказья являлась Кавказская укрепленная линия, которая проходила по правому берегу Кубани и по левым берегам рек Малки и Терека; северной — южная граница земли донских казаков; северо-восточной — верховья р. Маныча и низовья р. Кумы.

Административно западную часть Предкавказья составляли владения Черноморского казачьего войска (с 1792 г.), восточную занимала Кавказская губерния, переименованная в 1822 г. в Кавказскую область, а в 1847 г. — в Ставропольскую губернию. Граница между Черноморским войском и Кавказской губернией (обл.) проходила от Кубани к западу от селения Усть-Лабы на северо-восток до границы с Землей войска Донского¹.

Дон и степное Предкавказье — в XVII в. далекие и слабо заселенные окраины с примитивными формами хозяйственной жизни — начиная с XVIII в. стали районом массового заселения и быстрого хозяйственного освоения. Независимо от воли самодержавного правительства, а часто вопреки его интересам, освоение этих земель имело прогрессивное значение для развития производительных сил не только самого края, но и всей страны. Усилиями русского народа малообжитые террито-

¹ В настоящее время рассматриваемая в книге территория Донского района входит в состав Ростовской области (большей частью); северо-восток бывшей земли донских казаков составил западную часть Волгоградской области; западная часть донской земли вошла в состав Донецкой и Ворошиловградской областей; незначительная ее южная часть вошла в состав Краснодарского края.

Предкавказье в настоящее время разделено между Краснодарским краем, куда входит земля черноморских казаков и часть Кавказской губернии (обл.), прилегавшей к Кубани, и Ставропольским краем, занимающим центр и частично восток Предкавказья. Часть Предкавказья занимает крайний юг Ростовской области и запад Калмыцкой АССР. Район Кизляра входит в состав Дагестанской АССР.

рии со слабо развитыми формами хозяйственной жизни за короткое время превратились в край сравнительно развитой экономики с быстро растущим земледелием, скотоводством, городами, многочисленными селениями и станицами.

Своеобразными были в этом районе и процессы социального развития. В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин, отмечая широкий процесс расслоения крестьянства на южных и юго-восточных окраинах Европейской России, указывал на слабость развития крепостнических отношений здесь в дореформенный период как важнейшую причину быстрого развития капитализма¹. В этом регионе крепостничество не достигло, как в центральных районах страны, тех, по выражению В. И. Ленина, «грубых форм», которые ничем уже по существу не отличались от рабства².

Вместе с тем следует обратить внимание еще на одну особенность социального развития Дона и степного Предкавказья в дореформенный период. Значительную часть его населения составляло казачество. Даже накануне Великого Октября оно, по словам Ленина, представляло собой «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев... одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»³. Эти же черты отличали казачество и в предшествующее время. Стремясь превратить казачество в свою надежную опору, правительство и в эпоху феодализма, и в эпоху капитализма наделяло его особыми правами и привилегиями, поддерживало его сословную обособленность, а это оказывало отрицательное влияние на развитие буржуазных отношений. Все эти обстоятельства наложили отпечаток на организацию управления краем и на характер классовой борьбы, которая в отдельные периоды и в отдельных районах изучаемого региона достигала очень высокого накала.

Хотя Дон и степное Предкавказье с самых древних времен были тесно связаны между собой, а процессы хозяйственного и социального развития в этом большом регионе, особенно начиная с XVIII в., были во многом общими, в исторической литературе они не рассматривались в единстве. Интерес к этому обширному краю, история которого насыщена яркими событиями, возник уже во второй половине XVIII в. Но историков и экономистов долгое время интересовали лишь отдельные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 106; т. 16, с. 216—218.

² Там же, т. 3, с. 395.

³ Там же, т. 26, с. 15.

территории или события вне связи их с общим развитием края.

Некоторые стороны хозяйственной жизни Дона и Предкавказья описали участники экспедиций, организованных Академией наук в 60—70-х годах XVIII в.: С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштедт, П. С. Паллас. Вопросы хозяйственного освоения края нашли отражение в сочинениях историков и экономистов первой половины XIX в.: И. В. Ровинского, Вл. Броневского, П. Зубова и др. Написанные современниками изучаемого нами периода, они помимо некоторого историографического значения представляют интерес как исторические источники.

Значительно усилилось внимание к истории хозяйственного освоения края накануне и после падения крепостного права в России; ей посвящены работы И. В. Бентковского, П. Г. Бутова, Ф. А. Щербины, И. Сулина, П. П. Сахарова, Е. Д. Фелицына, Г. Прозрителева и др. Основываясь на господствовавшем в буржуазной исторической науке того времени представлении, что «история России есть история страны, которая колонизируется»¹, эти авторы стремились показать колонизационные процессы на юго-востоке России. Однако движущие силы их раскрывались не на основе анализа социально-экономических отношений в стране. По этой причине роль народных масс в творческом процессе освоения новых земель затухала, а сама колонизация выступала в виде процесса завоевания Кавказа царизмом.

Новый этап в изучении заселения и хозяйственного освоения Дона и Предкавказья открыли исследования советских историков, особенно послевоенного времени. В трудах В. П. Крикунова, Н. И. Стащук, И. Б. Иловайского, С. А. Чекуменаева, А. В. Фадеева, В. А. Голобуцкого, А. П. Пронштейна, В. А. Золотова и других с позиций марксистско-ленинской методологии проанализирован большой материал, на основе которого показано, что сложные процессы заселения и хозяйственного освоения земель Дона и степного Предкавказья определялись, с одной стороны, заложенной в производственных основах феодального общества тенденцией к земельной экспансии, стремлением феодалов к захвату новых территорий, а с другой — борьбой эксплуатируемых масс за освобождение от крепостного гнета, их тягой к бегству на вольные земли, за рубеж феодального государства.

Другой темой, которая привлекала внимание ученых, была

---

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. 1.—Соч., т. 1. М., 1956, с. 31.

история отдельных сословий на территории Дона и Предкавказья.

Особенно большой интерес вызывала история казачества. Дворянские историки XVIII — первой половины XIX в. видели в нем сословие, которому принадлежала немалая роль в освоении огромных пространств донских, кубанских, ставропольских земель и в защите юго-восточных границ России от внешних врагов. Вместе с тем хорошо было известно, что казачество не раз поднималось на борьбу за свои свободы, активно участвуя в крестьянских войнах и народных движениях в России XVIII в. Знали дворянские историки и об оппозиционных настроениях среди казачества в XIX в. Поэтому еще в первой трети XIX в. Н. М. Карамзин, Вл. Броневский и другие в целом отрицательно относились к казакам, рисуя их бродягами и разбойниками.

После разгрома крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, ликвидации Запорожского войска, преобразований на Дону и создания Черноморского войска правительство, особенно в XIX в., принимает меры к превращению казачества в замкнутое привилегированное сословие. Наделяя казачество рядом привилегий и поддерживая зажиточные элементы в его среде, раздавая старшинам армейские чины и дворянские звания, правительство добилось того, что в целом как сословие казачество стало проводником его завоевательной политики на Кавказе, активной силой в борьбе против антисамодержавных национальных и народных движений.

В связи с этим меняется отношение историков к казачеству. С середины XIX в. появляются работы по истории донского, черноморского и терского казачества И. Д. Попко, И. Краснова, А. М. Савельева, П. П. Короленко, Л. М. Савёлова, Ф. А. Щербины и др. При некотором различии во взглядах все эти авторы исходят из признания несомненных прав господства русского самодержавия над землями и народами Дона и Северного Кавказа и роли казачества как проводника политики самодержавия. Отсюда вытекало стремление затушевать классовые противоречия в среде казачьего сословия, представить его своеобразным орденом «рыцарей без страха и упрека», где все были равны. Чтобы придать «научную обоснованность» своим взглядам, некоторые из этих историков, например Ф. А. Щербина, характеризуют экономическое состояние казачьего хозяйства на Кубани, прибегали к использованию метода «средних цифр». Однако порочность такого «метода» была убедительно показана В. И. Лениным¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 138—140.

Поскольку в конце XIX — начале XX в. правительству удалось окончательно превратить казачество как сословие в послушное орудие своей империалистической политики, то не только казачьей, но и официальной правительственной историографии не имело уже смысла поддерживать отрицательное отношение к прошлому казачества, которое еще встречалось в трудах С. М. Соловьева, Д. Иловайского и других историков XIX в. Авторы выходящего с начала XX в. официального издания «Столетие Военного министерства» заявляли, что казаки всегда отличались «платонической преданностью русскому царю» и были «ярыми сторонниками того принципа, который теперь так широко распространяется среди нашего общества, именно принципа устранения средостения между царем и народом»¹.

С иных позиций подходили к истории казачества Дона и Предкавказья дворянские революционеры и революционные демократы, видевшие в ней прежде всего историю народа, побочную реку, впадающую «в большую реку русской истории»². Идеализируя строй казачества, они не смогли вскрыть социальных противоречий в его среде. Но классовую природу казачества и его роль в освободительном движении они оценивали верно — как выражение социального протеста угнетенных масс³.

Народники 70-х годов также рассматривали казаков как активную силу в борьбе против крепостничества и самодержавия⁴, а Г. В. Плеханов, хотя и отмечал в среде современного ему казачества падение революционного духа, мечтал о том времени, когда оно снова вступит в борьбу с самодержавной властью⁵.

Великая Октябрьская социалистическая революция, положив начало новой эры в истории человечества и совершив коренной переворот во всех сферах жизни, ознаменовала новый этап и в развитии исторической науки на базе марксистско-ленинской теории. В трудах основоположников марксизма-ленинизма советские ученые нашли не только теоретическую основу и решение важнейших проблем человеческого общест-

¹ Столетие военного министерства, т. II, ч. 3. Спб., 1907, с. 12—14.

² Белянский В. Г. История Малороссии Николая Маркевича. — Избр. философ. произв., т. I. М., 1948, с. 614.

³ Чернышевский Н. Г. Соч., т. I, М., 1939, с. 67; Добролюбов Н. А. Соч., т. 3, М., 1936, с. 128, 161, 198.

⁴ Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, с. 347.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. в 24 т., т. 2. М — Л., 1923—1927, с. 133. т. 5, с. 4.

ва, но также и освещение целого ряда конкретных вопросов.

К истории Дона и Северного Кавказа неоднократно обращался В. И. Ленин. В трудах «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» и других В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику казачества как социальной группы, раскрыл сословно-феодалный характер казачьего землевладения, показал степень развития крепостнических отношений и условий вызревания буржуазных отношений на юго-востоке страны, на Дону и Северном Кавказе¹.

Опираясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, советские историки уже в первые годы после победы Великого Октября развернули критику взглядов на казачество буржуазных историков и с новых позиций начали изучение истории казачества на Дону и в Предкавказье. За короткий срок был собран огромный материал, позволивший по-новому осветить важнейшие вопросы этой темы. Особенно больших успехов добились советские историки в послевоенный период: тогда был опубликован ряд крупных исследований по истории запорожского, донского, яицкого, черноморского и других казачьих войск, а также ряд общих и специальных трудов по истории СССР, Украины, Новороссии и Кавказа, где отводилось немалое место истории казачества. В этих работах получила отражение история становления и развития казачества как особого, военного привилегированного сословия, возникшего в эпоху феодализма и сохранившего в эпоху капитализма «особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»². Вместе с тем советские историки показали, что внутри казачьего сословия шел непрерывный процесс социальной дифференциации, определивший активное участие низших слоев казачества в классовой борьбе против феодальной, а затем буржуазной монархии в России.

Уже в дореволюционное время историков интересовали судьбы не только казачества, но и других слоев населения Дона и Кавказа. В работах, опубликованных после падения крепостного права, немалое внимание уделялось крестьянству. Однако, стремясь затуманить остроту классовых противоречий, большинство авторов доказывало, что немногочисленное крестьянское население Дона и степного Предкавказья в отличие от крестьян Центральной России не чувствовало «едкой

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 188, т. 4, с. 85—86, т. 16, с. 200, 314—315, 335—336; т. 34, с. 219, т. 35, с. 297, т. 36, с. 402 и др.

² Там же, т. 34, с. 219.

горечи крепостного права», «так как местные условия в большинстве случаев парализовали его развитие»¹. Правда, некоторые историки тех лет более объективно освещали процесс непрерывного усиления феодального гнета на Дону и в Предкавказье, где, по их словам, были крепостники не менее жестокие, чем известная Салтычиха². Но и они не выходили за пределы народнических воззрений на крепостничество и, как все народники, делая, по словам В. И. Ленина, «морализующие выводы», не смотрели «на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни» и не могли представить крепостничество как «совокупность общественно-экономических отношений»³.

В отличие от буржуазных ученых советские историки уделили большое внимание освещению с марксистско-ленинских позиций положения всех слоев неказачьего населения на Дону и в Предкавказье в дореформенную эпоху. Особенно большое значение в разработке истории донского крестьянства имеют труды В. И. Писарева, И. И. Игнатович, В. А. Золотова. Положение неказачьего населения в Ставрополье и на Кубани подробно исследовано в работах В. П. Крикунова, Н. И. Стацук, И. Б. Иловайского, С. А. Чекменева, А. В. Фадеева, В. А. Голобуцкого и др.

Тщательный анализ экономического развития и социальных отношений позволил в названных работах с научных позиций осветить историю классовой борьбы на Дону, Кубани и в Ставрополье на протяжении всего интересующего нас периода.

Следует, однако, заметить, что и при едином подходе с марксистско-ленинских позиций к истории изучаемого нами региона советские историки не пришли еще к единому мнению в оценке ряда вопросов, связанных с заселением, хозяйством и социальными отношениями на Дону и в степном Предкавказье. Все исследователи признают, что конкретным выражением переломной эпохи, которая отличает XVIII — первую половину XIX в., в данном регионе было одновременное развитие и сложное переплетение феодальных и буржуазных отношений. Но при этом одни утверждают, что не только в XVIII, но и на протяжении первой половины XIX в. феодаль-

¹ См., например: Карасев А. А. Донские крестьяне. — Тр. Областного войска Донского стат. комитета, вып. 1. Новочеркасск, 1867, с. 90.

² Сахаров П. П. Белое рабство на Дону. — В кн.: Донская церковная старина, вып. 3. Новочеркасск, 1911; Марков К. В. Крестьяне на Дону. — СОВДСК, вып. 11, 13.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 602.

ные отношения, хотя и более слабые, чем в центральной России, в значительной мере определяли весь строй жизни Дона и степного Предкавказья. Это выразилось в своеобразных формах и методах захвата и освоения свободных земель, превращении казачества в замкнутое привилегированное сословие, а старшинской верхушки — в чиновников-дворян, в преобладании феодальных способов эксплуатации трудового населения и соответствующих всему этому формам организации управления краем¹.

Другие ученые в противовес этому на первый план выдвигают черты, свидетельствующие о развитии буржуазных форм хозяйства. Так, И. Г. Рознер, не соглашаясь с А. П. Пронштейном, пишет, что «хозяйственная деятельность» на Дону уже в XVIII в. имела «товарный характер», а Н. В. Устюгов на основе известных фактов имущественного неравенства в 80-х годах XVIII в. говорит «о буржуазном расслоении донской станицы»². В. А. Голобуцкий считает, что и А. В. Фадеев, изучая социально-экономические отношения в степном Предкавказье, «переоценивает силу и значение феодально-крепостнических институтов»³. На основе собственного исследования экономических и социальных отношений в Черноморье он приходит к иному выводу, а именно, что уже в 10—20-х гг. XIX в., т. е. почти с момента основания Черноморского войска, «буржуазные отношения не только господствовали в богатом хозяйстве непривилегированного казака, но составляли характерную особенность также хозяйства черноморской старшины». В последующие десятилетия, как пишет тот же автор, буржуазные отношения еще больше «развивались и укреплялись»⁴.

Расхождения во взглядах советских ученых на важнейшие вопросы исторического развития Дона и степного Предкавказья вызывают необходимость тщательного анализа всего дошедшего до нас комплекса исторических источников с по-

¹ Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961; Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.

² См. рецензии на книгу А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке» И. Г. Рознера («Вопросы истории», 1963, № 5, с. 117) и Н. В. Устюгова («История СССР», 1963, № 6, с. 176).

³ Голобуцкий В. А. Рецензия на книгу А. В. Фадеева «Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период». — «Вопросы истории», 1958, № 9, с. 154.

⁴ Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1956, с. 256.

зий марксистско-ленинской методологии. Именно эту задачу поставил перед собой авторский коллектив.

Настоящая монография представляет собой первую часть исследования, которое будет состоять из двух томов. В первой части работы рассматривается заселение и хозяйственное развитие Дона и степного Предкавказья (при этом главное внимание обращается на раскрытие творческой роли народных масс в освоении степных просторов юго-востока страны), характеризуется развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. Во второй части авторы прослеживают социальные отношения, процесс превращения натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное, разложение феодальных и становление буржуазных отношений в ходе заселения и экономического освоения края, освещают классовую борьбу.

Книга написана на основе материалов центральных и местных архивов.

Из центральных учреждений с Доном, Кубанью и Ставрополем в наибольшей степени были связаны в XVIII в. коллегии Иностранных дел и Военная, а в первой половине XIX в. — Военное министерство и III Отделение собственной е. и. в. канцелярии. По этой причине наиболее значительные материалы были извлечены в Центральном государственном архиве древних актов из фондов Донские дела (ф. 111) и Кавказские дела (ф. 23). В Центральном государственном военно-историческом архиве были использованы материалы фондов Военной коллегии — Казачьего поветья (ф. 13), Секретного поветья (ф. 20), фонда Г. А. Потемкина (ф. 52), фонда Военно-Ученого архива, а в Центральном государственном историческом архиве Москвы (ЦГИАМ) — документы из фонда III отделения.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда особый интерес для авторов данной работы представляют материалы Кавказского комитета (ф. 1268) и Комитета министров (ф. 1263), где также рассматриваются вопросы, связанные с положением на Дону, Кубани и в Ставрополье.

Наиболее значительные материалы по истории Дона и Предкавказья содержатся в местных архивах. Авторами этой книги при изучении истории Дона были использованы документы Ростовского областного государственного архива, в том числе фонд Войсковой канцелярии (ф. 341), объединенный фонд станичных правлений (ф. 338), документы Канцелярии крепости Дмитрия Ростовского (ф. 518), Азовской губернской канцелярии (ф. 800), Атаманской канцелярии (ф. 46), Област-

ного войска Донского статистического комитета (ф. 353). Для освещения истории Предкавказья значительный материал был извлечен из фондов Ставропольского краевого государственного архива, в том числе фондов Канцелярии гражданского губернатора (ф. 87, 444, 101), Палаты государственных имуществ (ф. 55, 132), губернского и областного правлений (ф. 63, 68, 128), Кавказской казенной палаты (ф. 298), а также из фондов Краснодарского краевого государственного архива, в частности документы канцелярии атамана Черноморского казачьего войска (ф. 249, 260), Казачьих отделений штаба Кавказского военного округа (ф. 318) и др.

Помимо архивных документов были использованы актовые материалы, помещенные в разных изданиях. Из дореволюционных публикаций такого рода документов наибольшую ценность представляют «Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные г.-м. А. А. Лишиным» (т. 1—3, Новочеркасск, 1891—1894); Акты Кавказской археографической комиссии» (т. 1—12, 1866—1904); изданный И. И. Дмитренко «Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска» (т. 1—3, Спб., 1896). Значительное количество актовых материалов было напечатано и в таких серийных изданиях, как «Труды» и «Сборники» Областного войска Донского статистического комитета, «Кавказский сборник», «Кубанский сборник», «Труды Ставропольской архивной комиссии» и др.

В этих же периодических изданиях, а также в журналах «Северный архив», «Киевская старина», «Отечественные записки», «Русский архив» помещены литературные материалы.

В качестве исторического источника важным для освещения политики правительства на Дону и Северном Кавказе является законодательный материал. Он использован по I и II изданию Полного собрания законов Российской империи.

Наконец, большую ценность представляют статистические материалы, и прежде всего составленные в первой половине XIX в. Военно-статистические обозрения области войска Донского, Ставропольской губернии, Восточного берега Черного моря¹.

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 2, ч. 5. Земля войска Донского Спб., 1852; Краснов Н. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. Спб., 1863; Штюрман Л. Л. Военно-статистическое описание Области войска Донского.—ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720, 1850 (рукопись), Штукенберг И. Ф. Описание Земли войска Донского и Таганрогского градоначальства.—В кн.: Статистические труды И. Ф. Штукенберга. Спб., 1858; Арсеньев К. Статистические очерки России. Спб., 1848; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 гг. Ново-

Материалы по истории Дона, Кубани и Ставрополья/ опубликованные в дореволюционное время, требуют к себе особенно критического отношения. Они подбирались так, чтобы отразить прежде всего успехи политики самодержавной власти в покорении «диких» горских народов, а также благотворную роль царских чиновников в «устройении» края.

Совсем иной характер имеют публикации документов по истории изучаемого региона, осуществленные в советское время. В них основное внимание уделяется истории народных масс, их творческой, созидательной роли в хозяйственном освоении огромных пространств юго-востока России, развитии классовой борьбы. Следует однако отметить, что источников по истории нашего региона в XVIII — первой половине XIX в. издано еще недостаточно. Помимо хорошо известных сборников документов по истории крупных народных восстаний (Булави́нское, Пугачевское), остальные материалы разбросаны по таким периодическим изданиям, как «Материалы по истории СССР», «Исторический архив», «Советские архивы» и др. Одна из важных задач наших историков — осуществить систематическое издание важнейших документов по истории Дона и Северного Кавказа.

В редактировании настоящей монографии участвовали профессор А. П. Пронштейн (ответственный редактор), В. И. Недосекин, С. А. Чекменев. Автором карт на форзаце является Н. А. Мининков.

Коллектив авторов выражает глубокую благодарность профессору Московского университета М. Т. Белявскому за большую помощь, оказанную в работе над этой книгой, а также рецензентам книги профессорам Кубанского университета Ф. П. Зырянову и Г. П. Иванову.

черкасск, 1891; Номикосов С. Статистическое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1884; Неболсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. I. Спб., 1850; Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. I. Ставропольская губерния. Спб., 1851; Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. 10. Восточный берег Черного моря. Спб., 1851.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОН И СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИХ ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ

§ 1. Степное Предкавказье в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII века. Включение Приазовья и Правобережной Кубани в состав России

Если Дон, населенный казаками, в XVIII в. уже прочно находился в составе Российской империи, то Приазовье и все западное Предкавказье оставалось еще в руках турок и их вассалов. На протяжении всего XVIII в. Россия вела упорную борьбу за эти земли. Началась она у берегов Азовского моря.

Приазовье является исконно русской землей. Уже в X в. оно входило в состав Киевского государства. Впоследствии Приазовье было захвачено татаро-монгольскими завоевателями, а в конце XV в. — султанской Турцией.

Русское государство неоднократно предпринимало попытки вернуть Приазовье. Пионерами в этой борьбе были донские казаки. Со второй половины XVI в. они неоднократно (в 1576, 1637—1642 гг.) пытались изгнать из Приазовья турецко-татарских завоевателей.

Для России было жизненно необходимой задачей получить выход к Азовскому и Черному морям. Поэтому русское правительство вело упорную борьбу вначале за выход к Азовскому морю. К этому оно стремилось уже во время азовских походов Петра I, затем в период русско-турецких войн 1711—1713 гг., 1735—1739 гг. Иногда эти попытки приводили к кратковременному успеху. Донские казаки или русские войска захватывали Азов и его окрестности, но удержать их надолго не удавалось. Немалую роль в этом играли происки Англии и Франции, которые боялись усиления России и делали все, чтобы помешать ей стать морской державой.

В октябре 1742 г. была заключена конвенция о границе между Турцией и Россией в Приазовье. В ней указывалось: «...начало границ есть вершины реки Конские воды и конец у Нового города, который при впадении реки Миоса в Азовское море стоит»¹. И, хотя русские границы по Белградскому договору 1739 г. приблизились к Черному и Азовскому морям, само побережье осталось в руках турок. Азов сохранился за Россией, но с условием уничтожения в нем укреплений. Россия получила право на сооружение крепости на донском острове — вблизи устья Дона. Туркам было разрешено построить крепости в устье р. Кубани. Они стремились создать здесь сильный военный оплот, взамен потерянного ими Азова.

Что же представляло собой Приазовье в середине XVIII в.? Обратимся к подлинным картам того времени. Одна из них — «Карта Кубанской и Крымской сторонам» — находится в архиве Министерства иностранных дел, другая — «Генеральная ландкарта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова, с показанием Украинской линии, тож турецкой области до польского владения с Российской империей границ. Сочинена из разных карт» — хранится в ЦГВИА. Эти карты дают наглядное представление о том, как менялись русско-турецкие границы в Приазовье на протяжении почти полувека: с 1700 по 1742 г.

Из всех поселений, принадлежавших ранее России, в 40-х годах XVIII в. сохранились: крепость Св. Анны и Донецкая крепость. Все остальные населенные пункты по Белградскому миру 1739 г. и пограничной конвенции 1742 г. были ликвидированы. Приазовье опять обезлюдело, но Россия уже прочно укрепилась в низовьях Дона и на Украинской линии и продолжала борьбу за окончательное вытеснение турок с исконно русских земель Приазовья и за выход к берегам Азовского и Черного морей.

Более десяти лет шла ожесточенная борьба на дипломатической арене за право заложить крепость на месте современного Ростова-на-Дону. Несмотря на упорное противодействие, в 1749 г. здесь была построена Темерницкая таможня, а в 1760 г. русское правительство окончательно утвердило два проекта крепости — временный и постоянный. Уже в начале следующего года царским указом новая крепость была названа «крепостью святого Дмитрия Ростовского». В дальнейшем она превратилась в важнейший экономический и военный центр Приазовья, который стали с полным основанием называть «воротами Кавказа».

¹ ПСЗ, т. 1, № 8628.

Борьба России за Приазовье была теснейшим образом связана с одной из задач внешней политики России — Черноморской проблемой. В 60-е годы первостепенное значение для ее решения приобрел крымский вопрос. 6 июня 1762 г. в докладе «О Малой Татарии» канцлер М. И. Воронцов предлагал два варианта его разрешения: присоединение Крыма или предоставление ему видимой независимости¹. Осуществление любого из них должно было привести к утверждению России в Северном Причерноморье, входившем в состав Крымского ханства. В планах русского правительства большое внимание уделялось составной части Крымского ханства — Правобережной Кубани. Этот район занимал выгодное географическое положение по отношению к России, Крыму и Кавказу и мог быть использован как важный стратегический плацдарм. Кроме того, обширные плодородные прикубанские степи имели важное экономическое значение как для оседлого, так и для кочевого населения. Но чтобы решить вопрос о Кубани, необходимо было вернуть Приазовье.

В октябре 1768 г. турки объявили России войну. Но военные действия начались лишь в конце января следующего года. Стотысячная армия крымского хана Крым-Гирея «для разорения и набора пленных» вторглась в пределы Украины, часть армии двинулась к Дону. Кроме крымских татар в армию входили ногаи, арнауты, турецкие янычары. Избегая встреч с крупными отрядами русской армии, крымцы двинулись по приказу Турции на украинскую землю. Этот поход, по словам С. М. Соловьева, был последним в русской истории нашествием татар². В военном отношении он почти ничего не дал Турции. Войско Крым-Гирея не смогло взять ни одной значительной крепости. Но неприятелю удалось разрушить множество мелких сел и хуторов, убить и взять в плен большое число мирных жителей. В конце января отряд генерала Романиуса разгромил татар в окрестностях Бахмута.

Хотя отрядам крымского хана и не удалось захватить крепость Дмитрия Ростовского, окрестности ее были сильно опустошены. Враг угнал с собой около тысячи пленных. К югу от крепости русские поселения были опустошены ногаями. Задонье и Азовское побережье от самой р. Еи обезлюдело. Из Кагальника русское население успело укрыться в крепости Дмитрия Ростовского.

После изгнания в 1769 г. татаро-турецких войск из Украи-

¹ Архив князя Воронцова, кн. 25. М., 1882, с. 308.

² Соловьев С. М. История России, кн. 6, т. 23. Спб., 1801, с. 565.

ны и Приазовья русское правительство приняло новые меры для защиты своих владений от набегов, приказав своим войскам занять так называемую барьерную землю¹.

Ростовская крепость служила военным центром этой операции, опорным пунктом Второй армии и корпуса Медема. В феврале 1769 г. в крепость прибыл де Вернес, которому поручили возглавить экспедицию по овладению Азовом. Следом за отрядом де Вернеса прибыл Царицынский пехотный полк. К царицынцам присоединилась тысяча донских казаков и добровольцев из Ростовской крепости — волонтеров. Это были жители крепостных форштатов и работный люд, в основном беглые крепостные. Приток добровольцев настолько возрос, что в дальнейшем из них образовали Ново-Донское войско. Это войско послужило образцом для образования в дальнейшем Черноморского, Азовского и других войск, созданных из представителей различных слоев населения. По окончании войны Ново-Донское войско под давлением донской старшины расформировали, влив частично его подразделения в казачьи полки.

В начале марта 1769 г., перейдя по льду Дон, русские отряды, не встретив сопротивления, заняли Азов. Турки оставили его, предварительно разрушив. В крепости разместились пограничный батальон пехоты и тысяча донских казаков. Для восстановления города из крепости Дмитрия Ростовского прибыло четыре сотни работных людей. Сюда направили также тридцать пушек. Работные люди встретились с большими трудностями. При расчистке Азовской пристани они обнаружили, что турки опустили в Дон с крепостных укреплений огромные камни, загроздив фарватер. В результате пристань оказалась непригодной для судоходства. А весной намечалась экспедиция в Азовское море. К Таганрогу был направлен специальный отряд. Турок здесь, как и в Азове, не оказалось. Второго апреля над городом взвился русский флаг. Приазовье было окончательно очищено от неприятеля.

В Таганроге начались восстановительные работы. Чтобы обезопасить город, на Миусе и Кальмиусе организовали казачьи посты и разъезды вплоть до самого Перекопа. Развернулось строительство военной флотилии.

И все-таки русские в Приазовье не могли считать себя в полной безопасности: Крым оставался вассалом Турции, турецкий флот господствовал в Азовском и Черном морях. Флот

¹ Незаселенная территория между русскими и турецкими владениями (Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону. 1749—1949. Ростов н/Д, 1949, с. 23).

этот мог в любой момент высадить десант на азовском побережье, а войдя в гирла Дона, отрезать Азов и Таганрог от крепости Дмитрия Ростовского — главной операционной базы второй армии. Вот почему русское правительство в период войны с Турцией 1768—1774 гг. упорно добивалось предоставления независимости татарскому ханству и заключения с ним союзнических отношений¹. Важная роль в достижении этой цели отводилась Прикубанью, особенно после переселения туда в 1771 г. ногаев с левого берега Днепра. Это были едисанские, буджацкие, джамбулудские ногаи, первые из крымцев, отложившиеся от Порты и заключившие союз с Россией².

Русская дипломатия выдвинула план создания на Правобережной Кубани самостоятельного и независимого от Крыма ханства, чтобы заставить татар отложиться от Порты³. Отделение Кубанского ханства от Крымского ослабило бы татарское государство в экономическом, политическом и военном отношении, что существенно помогло бы России в решении крымского вопроса.

В связи с угрозой потерять Прикубанье и под давлением русских войск, введенных на Крымский полуостров в 1772 г., Крым вышел из подчинения Турции. В силу этого отпала необходимость в создании Кубанского ханства.

Утратив позиции в Крыму, турки пытались использовать Закубанье в качестве плацдарма для возвращения Крыма. Они рассчитывали на поддержку закубанских народов, которые находились в номинальной зависимости от них и были их единоверцами⁴.

Султанское правительство прислало горцам свои войска и нового хана — Девлет-Гирея. Однако турки просчитались. Они не нашли сколько-нибудь серьезной поддержки у народов Закубанья. Успехи же русских войск, поддержанных ногаями, парализовали политику Порты в данном районе. Только заключение Кючук-Кайнарджийского договора в июле 1774 г. спасло турок и их ставленника Девлет-Гирея от окончательного разгрома.

Блестящие победы России на суше и на море поставили

---

¹ Екатерининское правительство временно отказалось от присоединения Крыма к России, чтобы не осложнять международную обстановку.

² Незадолго до этого сюда же из Крыма переправились через Керченский пролив едиккулы. Кубанские ногаи: касавцы, наврузовцы, бестиневцы — ушли за Кубань.

³ Сб. РИО, т. 97. Спб., 1896, с. 263.

⁴ К закубанским народам относились западные адыги: шапсуги, натухайцы, темиргоевцы, абаздехи, бжедухи и др. Отдельную группу составляли абазинцы.

Турцию на грань военной катастрофы¹. В боях за Приазовье, а также при Кинбурне, Очакове, Ларге и Туртукае особенно отличились донские казаки. Не раз они сражались под командованием А. В. Суворова. Успехи России в войне 1768—1774 гг. заставили турок подписать мирный договор, по которому Приазовье навсегда отошло к России. Кроме того, Турция признала независимость Крыма. Российская империя получила порты Керчь и Еникале на территории Крыма, земли между реками Днепром и Бугом, Доном и Еей. Договор усилил позиции России в Северном Причерноморье и определил присоединение к ней не только Крыма в ближайшем будущем, но и Кавказа в дальнейшем².

Желая изменить невыгодные для себя условия договора, Турция медлила с его ратификацией. В июле 1774 г. она послала на Крымский полуостров свои войска. В августе под влиянием султанских агентов татары отправили в Константинополь делегацию с просьбой принять их обратно в турецкое подданство³.

Учитывая изменение обстановки, русское правительство вернулось к плану отделения Кубани от Крыма. В письме руководителя внешней политики России Н. И. Панина русскому представителю в Крыму Е. А. Щербинину от 15 сентября 1774 г. указывалось, что если Крым откажется выйти из подчинения Порте, то России придется пойти на создание Кубанского ханства⁴. Эта угроза заставила Турцию в январе 1775 г. ратифицировать мирный договор.

Однако в мае 1775 г. при поддержке турецкого десанта Девлет-Гирей захватил крымский престол. Новый хан отказался признать союзный договор с Россией 1772 г.⁵ и готовил войска, чтобы вытеснить русские гарнизоны из Керчи и Еникале⁶. Он стремился ликвидировать независимость Крымского государства.

В создавшейся обстановке русское правительство решило ускорить возведение на ханский престол Шагин-Гирея. Первая часть плана заключалась в том, чтобы нотаи провозгласи-

¹ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955, с. 154.

² Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 105—106.

³ АГС, т. II, ч. II, с. 289.

⁴ Сб. РИО, т. 135. Спб., 1911, с. 222.

⁵ По союзному договору Россия признала независимость Крыма, возвратила ему полуостров Тамань. Крымское правительство передавало во владение России крепости Керчь и Еникале и в русское подданство Кабарду.

⁶ Присоединение Крыма к России. Сб. док., т. I. Спб., 1872, с. 55.

ли его крымским ханом на Кубани. Командующий Кубанским корпусом И. Ф. Бринк получил приказ оказать поддержку Шагин-Гирею. Для реализации плана из казны были отпущены значительные суммы. Русские войска должны были занять Перекоп, чтобы оказать поддержку Шагин-Гирею¹.

Борьба между сторонниками прорусской и протурецкой ориентации на Кубани усилилась. В ноябре 1776 г. закубанские ногаи и черкесы напали на крепость Копыл, где находился Шагин-Гирей, но нападение было отбито. Турецкие войска в Тамани и Темрюке препятствовали избранию нового хана на Кубани. Первый штурм Темрюка, организованный Шагин-Гиреем, закончился неудачей. Взятие же этой крепости в декабре отрядами ногаев заставило турецкие войска покинуть Тамань. Сами жители крепости помогали изгнанию турок.

В январе 1777 г. Шагин-Гирей был провозглашен ханом на Кубани. Впервые в истории Крымского ханства ногаи самостоятельно избрали хана. В марте 1777 г. Шагин-Гирей переправился на Крымский полуостров. Здесь уже находились русские войска, введенные по просьбе сторонников России. Шагин-Гирей был провозглашен крымским ханом.

Осуществлению плана способствовало местное население. Несмотря на общность религии и торговые связи с Турцией, несмотря на подстрекательство с ее стороны, большая часть населения Кубани в период 1774—1777 гг. придерживалась прорусской ориентации². Только едичкулы, темиргоевцы, часть шапсугов и абазинцев перешли на сторону турок. Ногайская и черкесская феодальная знать, обеспокоенная сопротивлением низов процессу закрепощения и постоянными феодальными усобицами, стала искать поддержку у царизма. Народные массы связывали надежды на спасение от эксплуатации своих господ с приходом русских. Часть торгового и ремесленного населения Прикубанья была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. К ней в основном относились греки и армяне, в прорусской позиции которых играло роль и то, что они были христианами.

Политика России на Северо-Западном Кавказе способствовала усилению прорусской ориентации у местного населения. Общее ее направление было выражено русским резидентом в Крыму А. Д. Константиновым в письме к бригадиру Макарову: «...политические резоны требуют держать татар, султанов

¹ Румянцев П. А. Сб. док., т. 3. М., 1959, с. 9.

² Присоединение Крыма к России. Сб. док., т. 1, с. 68.

и черкес в чайнии от стороны нашей особливых себе выгод, а больше угождений»¹. Царизм стремился опереться прежде всего на феодальную знать. Он подкупал ее подарками, раздавал офицерские чины и земли, оказывал военную помощь в феодальных усобицах. Чтобы сохранить доброжелательные отношения с султанами, мурзами и беями, русское командование не вмешивалось во внутренние дела ногаев. Но русское правительство использовало социальные противоречия ногайского общества. Оно разрешило пограничному командованию принимать бежавших от эксплуатации своих господ зависимых крестьян и рабов-христиан. Оно освобождало их от зависимости и рабства и предоставляло сносные материальные условия². Правительство Екатерины II стремилось расположить к себе местное население с помощью не только политических, но и торговых связей³.

Таким образом, Россия проводила осторожную политику, стремясь найти опору у местного населения в борьбе с Турцией за Северо-Западный Кавказ.

Оттоманская Порта, потерпев поражение в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., не теряла, однако, надежды на подчинение народов Кавказа, стремилась настроить и поднять эти народы против России. Для выполнения этих целей она не жалела ни денег, ни оружия. Отсюда вытекала необходимость усиления русских южных границ. К тому же, пока оставался независимым Крым, который мог еще служить плацдармом для набегов на южные области России, русское правительство видело необходимость постройки военно-оборонительной линии. Она нужна была, с одной стороны, для защиты границ от нападения непокорных горцев, крымских татар и турок, с другой—как база для осуществления внешнеполитических задач.

С этой целью правительство Екатерины II решило построить укрепленную линию протяженностью 500 верст от Азова до Моздока. Выполнение этого плана, утвержденного 24 апреля 1776 г., было возложено на астраханского губернатора Якоби, наблюдение за самой работой по постройке—на оберквартирмейстера подполковника Германа, осмотревшего места будущего строительства еще в 1775 г.

Для прикрытия работ при постройке линии Г. А. Потемкин 16 мая 1777 г. потребовал от атамана войска Донского Иловайского срочно отправить в распоряжение Якоби два полка. По-

¹ АВПР, «Сношения России с Крымом», 1777, оп. 123/3, д. 39, л. 25.

² АВПР, «Кабардинские дела», 1784, оп. 1115/1, д. 1, л. 1.

³ Сб. РИО, т. 97, с. 183.

темкин понуждал местные власти ускорить производство всех крепостных работ с расчетом, «чтобы та линия нынешним же летом (т. е. летом 1777 г. — Авт.) совершенно окончена была»¹. Такая поспешность была вызвана усиленной антирусской деятельностью части горских князей и опасением прямого вторжения Турции на Северный Кавказ. В ордере Потемкина к Якоби от 20 мая 1777 г. указывались наименования отдельных крепостей².

Эта линия соединяла Екатериноградскую крепость на р. Малке, Павловскую на Куре, Александровскую на Томузловке, Андреевскую, Северскую и Ставропольскую на Чле с Московской и Донской. Строительство решено было вести силами солдат и казаков, назначенных сюда на переселение, а также местного населения (туркмены, ногаи), которое должно было подвозить строительные материалы. На поселение в этот край предназначены были казаки с Хопра и Волги и солдаты Владимирского драгунского полка. Преодолевая лишения и трудности, казаки и солдаты возводили по намеченному плану одну крепость за другой. Прибывший в конце августа 1777 г. Кабардинский полк был направлен Якоби на закладку Екатериноградской, а затем Георгиевской и Марьинской крепостей.

Из рапортов, посланных в октябре и ноябре 1777 г. полковником Ладыженским Якоби, видно, что в то время уже была построена крепость Святого Георгия. Укрепления сооружались фундаментально. Возводились каменные стены с бойницами, устанавливались орудия, строились пороховые погреба, казармы и другие сооружения³.

В октябре 1777 г. была заложена и крепость Александровская⁴. Пока шло строительство первых крепостей, в основном силами Кабардинского полка и казаков Волжского полка, Владимирский полк вместе с хоперскими казаками закладывал следующие крепости. Строительство крепостей Ставропольской и Северной развернулось весной 1778 г. К концу этого года линия уже представляла довольно значительную цепь укреплений. Дальнейшее сооружение ее продолжалось вплоть до 1780 г.⁵

Одновременно с возведением Азово-Моздокской линии со-

¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 104, д. 151, ч. 1, л. 241—242.

² Там же.

³ «Ставропольская правда», 1950, 10 июля.

⁴ По этому вопросу у местных историков расхождений нет.

⁵ Ставропольские губернские ведомости, 1860, № 12; Сб. сведений о Северном Кавказе, ч. 6. Материалы для истории города Ставрополя, с. 1.

здавались укрепления вдоль р. Кубани. Это было вызвано стремлением Турции вновь использовать Северо-Западный Кавказ для нападения на Россию с целью возвращения Крыма. Центром военных приготовлений стала крепость Суджук-Кале. Сюда прибыли суда с янычарами и агентами для подрывной деятельности. Султан прислал к местным народам фирман, призывавший их нападать на русские земли.

В сентябре 1777 г. в Крыму вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея, подготовленное турецкими агентами. Непосредственным поводом к нему послужила организация ханом постоянного войска вместо ополчения. Восстание перекинулось на Кубань.

В связи со сложной военно-политической обстановкой на Северо-Западном Кавказе командиром Кубанского корпуса был назначен А. В. Суворов. Перед ним были поставлены задачи: прекратить волнения ногаев, ликвидировать опасность вторжений горцев и турок на Правобережную Кубань, создать условия для возможного отделения ее от Крыма¹.

Вскоре А. В. Суворов убедился в том, что со стороны народов Северо-Западного Кавказа, несмотря на инспирированные Турцией нападения в 1777—1778 гг. на Россию, последней не грозит серьезной опасности. Поэтому он предложил перенести западную часть строящейся Азово-Моздокской оборонительной линии на юг, по р. Кубани.

Не вызывает сомнения, что новая линия мыслилась не как оборонительная, а как наступательная. Она должна была состоять в основном из недолговечных укреплений и создавать возможность для нанесения удара туркам в Суджук-Кале, предупреждая тем самым вторжение их в приазовские и донские степи². А. В. Суворов учитывал стремление правительства Екатерины II ликвидировать независимость татар³. Он был уверен, что кубанские укрепления рано или поздно послужат опорой для присоединения Прикубанья к России, расширят ее «политическую границу»⁴.

Укрепления возводились быстрыми темпами. С января по июнь 1778 г. на протяжении 575 км было построено четыре

---

¹ В случае начала новой русско-турецкой войны или же неудачного исхода событий в Крыму русское правительство намеревалось осуществить план создания самостоятельного ногайского ханства на Кубани (АПС, т. 1, ч. 1, с. 332).

² Фадеев А. В. Суворов на Дону и Приазовье. Ростов н/Д, 1950; с. 8.

³ Присоединение Крыма к России. Сб. док., т. 2. Спб., 1873, с. 97.

⁴ Суворов А. В. Сб. док., т. 2. М., 1951, с. 34.

крепости, 20 редутов и фельдшанцев¹. Вначале горцы не мешали работам на Азово-Моздокской и Кубанской линиях, но затем стали совершать нападения на строящиеся редуты и фельдшанцы. Об этом сообщал астраханский губернатор Якоби в рапорте от 14 января 1778 г.: горцы «при начатии линии и построении крепостей нисколько не спорили...», а «что они после начали мешать, то, конечно, (были) подучены с другой (читай: турецкой. — Авт.) стороны»².

Султан, обеспокоенный усилением позиций России на Кубани, стал подстрекать местное население к нападению на строящиеся укрепления и открыто призывал набраться «на несколько времени терпения, пока он не начнет дело (войну. — Авт.) и было бы с ним (т. е. с султаном. — Авт.) готово», и за это «от него без достойного воздействия не останутся»³. Представители феодальной знати возглавили эти набегги. Они руководствовались в первую очередь своими корыстными интересами. Линия укреплений препятствовала бы набегам на ногаев и донских казаков, а значит, лишала бы князей доходов, получаемых от грабежей и продажи пленных, не давала бы возможности использовать пастбища на правом берегу реки Кубани для своего скота. Феодальная верхушка была обеспокоена возможностью бегства зависимых крестьян и рабов на русскую кордонную линию.

А. В. Суворов в рапорте от 28 января 1778 г. П. А. Румянцеву указывал, что «на новозаводимой Моздокской линии ...горцы начинают скопляться и уже в тысяч и двух приуготовились к покушению на войска... полковника Шульца»⁴. В 1778 г. было совершено нападение на Павловскую крепость, но подоспевший на помощь с войсками Якоби отбил это нападение⁵.

Весной 1779 г. кабардинцы, закубанцы, черкесы, термигоевцы, бесленеевцы подошли к крепости Марьинской и потребовали срыть не только ее, но и все остальные⁶. Но их отряды были наголову разбиты казаками.

Попытки отряда в 5 тыс. чел. летом 1779 г. уничтожить крепость Георгиевскую также не увенчались успехом. Кабар-

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах, т. 1, вып. 1. Слб., 1873, с. 97.

² ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 161, л. 2.

³ Там же, л. 7—9.

⁴ Там же, ф. ВУА, д. 208, л. 7—9.

⁵ Потто В. Два века терского казачества (1677—1801), т. 1—2. Владикавказ, 1912, с. 121.

⁶ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 2. Слб., 1880, с. 51—53.

динские и другие горские князья отступили и приняли присягу на верность России.

А. В. Суворов успешно разрешил поставленные перед ним задачи. Позиции России на Северо-Западном Кавказе в 1777—1778 гг. укрепились. Стратегически важная Кубанская линия, поддержка союзных ногаев и лояльное отношение закубанских народов создавали благоприятные условия для присоединения Правобережной Кубани и Крыма к России.

Этому же способствовало переселение христиан из Крыма в Приазовье. Еще в 1777 г. Г. А. Потемкин выдвинул идею переселить христиан из Крыма в Россию. Он исходил из того, что несколько десятков тысяч греков и армян, занимавшихся сельским хозяйством, ремеслами и торговлей, составляли основную производительную силу Крыма. От них хан и татарские феодалы получали крупные доходы в виде налогов, откупов и различных поборов. Лишившись основных доходов, крымский хан и его правительство попали бы в экономическую зависимость от России. Это позволило бы при других благоприятно сложившихся обстоятельствах мирным путем присоединить Крым. В 1778 г. значительная часть греков и армян была переселена в Приазовье, несколько позже другая их группа — в Прикубанье.

Летом 1778 г. Порта усилила свои проiski на Северо-Западном Кавказе. В ответ русское командование приняло ряд мер. А. В. Суворов отдал распоряжение выделить корабли из Азовской флотилии для крейсирования у берегов полуострова Тамани, а командиру Кубанского корпуса В. В. Райзеру — сосредоточить войска у Таманской крепости. Он послал местной знати значительные суммы для подарков и письма с предложением жить в мире¹.

Усилия турок поднять кубанские народы против России не увенчались успехом. Неудача летом 1778 г. была одним из обстоятельств, заставивших султанское правительство подписать Айналы-Кавакскую конвенцию 1779 г. Оно признало Шагин-Гирея крымским ханом. Россия пошла на подписание конвенции из тактических соображений. Она признавала религиозную зависимость крымских татар от турецкого султана-халифа, выводила свои войска с территории Крыма. Правительства обоих государств обязывались впредь не вводить своих войск в татарское ханство. Конвенция стабилизировала положение в данном районе, правда, ненадолго.

В начале 80-х годов в Крымском ханстве обстановка обо-

---

¹ АВПР, оп. №23/2, д. 254/46, л. 220.

стрилась. В среде феодальной знати и в народных массах нарастало недовольство правлением Шагин-Гирея. Султанское правительство решило воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами. Многочисленные турецкие агенты развернули на Кубани агитацию против Шагин-Гирея и русских. Они распространяли среди ногайских и закубанских народов султанский фирман об их принадлежности Порте, раздували недовольство правлением Шагин-Гирея и заверяли местное население, что в скором времени к ним прибудет новый хан из Константинополя.

Но не призывы султана явились причиной восстания на Кубани, стихийно вспыхнувшего в мае 1781 г. Тяжелые налоги, введенные Шагин-Гиреем, и неурожай 1780 г. вызвали возмущение народных масс. Непосредственным поводом к выступлению был отказ хана выполнить просьбу едичкулов присоединить к ним осевших около Тамани соплеменников¹. Восстание охватило касаевцев, каспулатовцев, едичкулов, едисанов. Джамбуйлуки отказались выступить против хана. Возникла опасность, что Порта использует восстание в своих интересах. Были приняты срочные меры. Уступки со стороны Шагин-Гирея и военная демонстрация русских войск на время успокоили ногаев.

Весной 1782 г. восстание на Кубани вспыхнуло с новой силой. Братья хана Батыр-Гирей и Арслан-Гирей решили, что настал благоприятный момент для захвата власти в свои руки. Они заручились поддержкой турок. Турция поощряла выступления против ставленника России и всячески способствовала им. Шагин-Гирей жаловался русскому резиденту П. П. Веселицкому, что Порта «вопреки трактату возмущает татарские орды», что «она не только абазинцев и черкес, но и наших подданных всего острова Тамани приводит в смятение и бунт»².

В связи с создавшейся обстановкой русское правительство вновь вернулось к крайней мере, к плану отделения Кубани от Крыма³, но он не был осуществлен в связи с тем, что 10 мая 1782 г. в Бахчисарае началось восстание. Шагин-Гирей был свергнут с престола. К власти пришел ставленник Турции Батыр-Гирей. Россия не могла примириться с потерей своих позиций и ввела в Крым войска. В сентябре Шагин-Гирей был восстановлен на ханском престоле.

¹ Присоединение Крыма к России. Сб. док., т. 4. Спб., 1875, с. 118.

² Там же, с. 445.

³ Сб. РИО, т. 27. Спб., 1880, с. 192.

Турки вновь перенесли свои действия на Левобережную Кубань. Они спешно ремонтировали и укрепляли крепости на Черноморском побережье Кавказа. В декабре турецкий уполномоченный Зан-Оглу-Магмет-Гирей, прибывший на Тамань с отрядом янычар, объявил жителей полуострова подданными Порты¹.

Придавая большое значение Прикубанью, Россия в ответ на действия Турции, сосредоточила на границе этого района крупные военные силы во главе с А. В. Суворовым.

Понимая, что Крым будет предметом осложнений русско-турецких отношений и в дальнейшем, правительство Екатерины II решило присоединить ханство к России. Международная обстановка была благоприятной для этого: западноевропейские государства были заняты своими внутренними делами и войной за независимость американских колоний. 8 апреля 1783 г. был опубликован Манифест о присоединении Крыма, Правобережной Кубани и Тамани к России.

Г. А. Потемкин отдал распоряжение командующим Крымским и Кубанским корпусами быть готовыми привести новых подданных к присяге. А. В. Суворов употребил все возможные мирные средства, чтобы удержать ногаев от побега за р. Кубань, куда их усиленно приглашали турецкие эмиссары. В июне 1783 г. ногаи присягнули на подданство России².

Итак, позиции Турции в Крымском ханстве настолько ослабели, что она не смогла использовать стихийное восстание 1781—1782 гг. против Шагин-Гирея для присоединения ханства. А Россия, поставив в экономическую и политическую зависимость татарское государство, присоединила Крым мирным путем.

Большую роль в этом сыграла Правобережная Кубань. Царская дипломатия и военное командование использовали ее в зависимости от конкретных условий: то как угрозу целостности татарского государства, то как базу для подрыва власти хана, то как район сооружения наступательной по характеру линии укреплений.

Присоединение Приазовья, Крыма и Прикубанья имело большое историческое значение для народов этих областей и для России.

Народы Прикубанья, освободившись от притязаний отсталой Турции, попали в сферу прогрессивного экономического и культурного влияния России.

¹ Присоединение Крыма к России. Сб. док., т. 4, с. 966.

² ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 6, л. 118.

§ 2. Заселение Донского края в XVIII веке

Заселение и хозяйственное развитие Дона в XVIII в. в значительной мере определялись изменениями в общей обстановке на юго-востоке страны. Постепенно из далекой окраины Донская земля превращалась во внутреннюю область Российской империи, окруженную со всех сторон землями, принадлежавшими государству.

Успехи внешней политики России не устранили всех трудностей заселения Донского края. И в XVIII в. опасность набегов на юго-восточные русские земли ногайцев, калмыков, татар и турок сохранилась. Поэтому освоение Донского края стало возможным лишь после создания там опорных пунктов. Казачьи городки, построенные на Донской земле в течение XVII в., образовали своеобразный каркас, вокруг которого шло заселение края.

Уже в начале XVIII в. с увеличением рекрутских наборов, ростом налогов и ужесточением помещичьего гнета в центре страны резко усилились побегии на Дон крестьян и других тяглых людей. После некоторого затишья во втором десятилетии XVIII в., вызванного разгромом Булавинского восстания, в 20-х годах переселение на Дон вновь усилилось, а с 30-х годов XVIII в. приняло массовые формы. В царском указе, направленном на Дон в августе 1742 г., отмечалось, что «многие российские дворовые люди и крестьяне» бегут от своих помещиков на Дон «не только дворами, но и целыми деревнями». Массовое бегство крестьян на Дон продолжалось на протяжении всей второй половины XVIII в.

В это время подавляющее большинство переселенцев приходило на Дон не из дальних мест, как раньше, а из ближайших районов. Из 1700 беглых, пойманных на Дону с 1740 по 1750 г., выходцев из Тамбовской губернии оказалось 376, из Воронежской — 263, из Рязанской — 166, а из Московской, Владимирской, Симбирской и Ярославской губерний лишь по одному человеку¹. Источники отмечают массовые побегии великороссийских крестьян, прежде всего из Воронежской, Курской и Орловской губерний, и в конце XVIII в.²

Столь же активно шло переселение на Дон украинских крестьян, и даже указ от 3 мая 1783 г. о лишении их права сво-

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 58, д. 331—364, 440—463; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 139, 140, 142, 467—542, 621—827.

² ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 184—185, 196, 200, 211, 256, 308; Шульгин М. Землеустройство и переселения в России. М., 1928, с. 69.

бодных переходов от своих владельцев не приостановил этого вызванного беспорядком и нуждой движения.

Перепись 1763 г. позволяет определить основные районы, откуда шли на Дон украинские колонисты в XVIII в. Если среди переселенцев в XVII в. преобладали выходцы из Запорожья, то в XVIII в. они почти не встречаются: на Дон переселялись главным образом крестьяне тоже из ближайших областей — Слободской Украины, Левобережной, из пограничных с Доном Белгородской и Воронежской губерний, где часть украинцев, поселившихся ранее, не закрепились в силу каких-либо причин. В станицах, расположенных вверх по Дону, селились выходцы из соседней Слободской Украины. Таким образом, в колонизации Дона в XVIII в. наблюдается «сползание» населения из ближайших к Донской земле районов¹.

О масштабах колонизации Донской земли в XVIII в. свидетельствуют такие данные. Во второй половине XVII в. на Дону проживало около 15 тыс. казаков, в начале XVIII в. — около 30 тыс., в конце XVIII в. численность на Дону только казачьего населения достигла почти 200 тыс. человек. Помимо этого там проживало 100 тыс. приписных крестьян, свыше 10 тыс. калмыков и примерно тысяча татар². Следовательно, за столетие население на Дону выросло в 10 раз.

Если в XVII в. казаки селились в городках, то приходившее на Дон население в XVIII в. основывало зимовники и хутора, где можно было заниматься скотоводством и земледелием.

Первые зимовники и хутора возникли на Дону в конце XVII в., в 1764 г. на Донской земле насчитывалось более 800 хуторов³.

С тех пор, как на Дону начали развиваться скотоводство и земледелие и получили широкое распространение хутора, колонизация Донской земли стала более систематической. Новые поселенцы, приходя главным образом из ближайших районов, не хотели углубляться далеко в донские степи. Оказавшись в пределах казачьих владений и избавившись от помещичьей и государственной власти, они стремились сразу же осесть и обзавестись хозяйством. Вот почему уже в первой по-

---

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 3—20, 179—264, 294—308, 309—323, 900—914, 1034—1040, 1062—1063.

² ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 1—6.

³ Подсчитано по поверочной переписи 1764 г. (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, л. 105).

ловине XVIII в. были заселены Средний Дон и его притоки — Хопер, Бузулук, Медведица и Иловля¹.

Почти одновременно заселялись примыкающие к Слободской Украине районы по Северскому Донцу, Бахмуту, Деркуллу, Айдару и обеим Калитвам. Однако народная казачья колонизация столкнулась здесь с пользовавшейся поддержкой правительства колонизацией слободских полков. Разгоревшийся из-за бахмутских солеварен спор послужил поводом к Булавинскому восстанию, после подавления которого у донского казачества была отнята огромная территория по левым притокам Северского Донца, а население, за очень короткий срок осевшее в этом районе, было выслано на старые места жительства. Это означало, что попытка хозяйственного освоения казаками в начале XVIII в. верхних донецких земель не увенчалась успехом. Заселение бассейна Донца от станицы Луганской вниз по течению происходило уже позже.

После освоения казаками среднего течения Дона и его левых притоков началось более интенсивное выселение казаков на хутора из нижнедонских станиц (от Волло-Донской переволоки на юг). Продолжительное время этот район плохо обживался из-за непрерывных набегов кубанских татар и других кочевников, опиравшихся на поддержку турок. Но после возведения Царицынской линии и возвращения в 1736 г. Россией Азова опасность набегов значительно уменьшилась и заселение пошло значительно быстрее. Из 200 хуторов, возникших в этом районе, до 1740 г. было основано лишь 17. Большинство их (179) было построено в период с 1741 по 1763 г.²

Однако и в 40-х годах XVIII в. опасность набегов кочевников сохранялась, поэтому из станиц, находившихся в районе переволоки, переселялось значительно больше казаков, чем из станиц, лежавших южнее. Так, казаками станиц Пятиизбянской, Верхне-Чирской и Нижне-Чирской, сравнительно хорошо защищенных к этому времени от набегов кочевников, было основано по 40 и более хуторов. Из находившейся южнее ст-цы Есауловской на хутора вышло лишь 17 казаков. В станицах, расположенных в районе ст-цы Зимовейской до Верхне-Михалёвской. — от 7 до 9 казачьих семей. А в самых южных станицах хутора строили лишь единицы.

Почти одновременно с заселением Нижнего Дона началось

¹ ДАИ, т. 22, № 17, с. 124; ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, д. 1689, № 27, л. 150—162; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 3, т. 14, с. 1218—1219.

² Подсчитано нами по поверочной переписи 1764 г. (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, д. 105).

снова освоение бассейна Северского Донца. С 30-х до начала 60-х годов XVIII в. на Донце казаками Луганской станицы было построено 6 хуторов, Каменской — 8¹. За этот же период на р. Быстрой было основано 16 хуторов, на Березовской — семь, на Нагольной — три, на Калитве — восемь, на Большой — семь, Тихой — десять, Деркуле — восемь хуторов и т. д.²

Заселение и хозяйственное освоение самой южной окраины земли донских казаков происходило во второй половине XVIII в. и шло по двум направлениям: во-первых, вниз по течению Дона, к Азовскому морю, и далее к юго-западу, туда, где впоследствии образовался Миусский округ; во-вторых, к югу от Дона и к востоку от Азовского моря, в Задонье.

В обоих направлениях расстилались обширные степные пространства, привлекавшие переселенцев плодородием почвы и мягкостью климата. Однако долгое время селиться здесь было опасно вследствие постоянной угрозы со стороны многочисленных отрядов крымских ханов и татарских мурз. В результате успешной внешней политики России на юге во второй половине XVIII в. число набегов стало резко уменьшаться, а вместе с тем создавались благоприятные условия для колонизации этого богатого края.

Особенно интенсивно шло заселение южного и юго-западного районов Донской земли. Оно началось сразу же после урегулирования вопроса о спорных землях между Запорожским и Донским войском в 1746 г., когда все юго-западные земли до Кальмиуса были закреплены за войском Донским.

К этому времени произошли значительные перемены на Дону. Старшины, превратившиеся в крупных землевладельцев, устремились в незанятые еще казаками просторы плодородных земель по течению Миуса, Грузской, Еланчика, Крынки. Не меньшую энергию проявляли они при захвате мест, особенно удобных для рыболовства в нижнем течении Дона и других рек, впадающих в Азовское море, а также на морских косах, где устраивали крупные рыболовные станы и рыбосплетные заводы.

О быстром заселении Донского понизовья можно судить по данным переписи 1763—1764 гг. Еще в конце 40-х годов XVIII в. этот район был почти пустынным. «Сколько можно было доискаться в местных архивах, — писал известный знаток ранней истории города Ростова-на-Дону А. А. Скальков-

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1034—1048, 1050—1072.

² Там же, л. 1096—1117, 1118—1126, 1127 об. — 1129 об., 1134—1151, 1155—1162, 1167—1173, 1181—1191.

ский, — до 1747—1749 гг. вся местность, занимаемая городом Ростовом, крепостью Св. Дмитрия и Нахичеванью, да и все Донское понизовье были совершенно пусты, и хотя издревле, по грамотам и преданиям, донские казаки... считали их своими дачами, но в самом деле до половины XVIII столетия казачество далее Старо-Черкаска усадьбами своими не доходило»¹. Спустя 15 лет в Донском понизовье появились хутора старшин и богатых казаков, а также принадлежавшие им же рыболовные станы и рыбоспетные заводы.

В дальнейшем Донское понизовье заселялось не менее интенсивно. Так, переписью 1782 г. было зарегистрировано в станах и хуторах по речкам Аксаю и Тузлову (Заплавском, Кривянском, Грушевском и других) — 1610 приписных крестьян, из них 1138 мужчин и 482 женщины. Это было в три раза больше, чем в 1764 г.

Заселение Миусского бассейна, где площади плодородных земель составляли более 1 млн. дес., хотя и началось сразу после указа 1746 г. о размежевании донских земель с запорожскими, долгое время шло медленно из-за угрозы нападения со стороны крымских татар и турок. После окончания русско-турецкой войны 1768—1774 гг. эта опасность значительно уменьшилась, а вслед за присоединением к России Крыма и успешным окончанием русско-турецкой войны 1787—1791 гг. почти совсем была ликвидирована. Поэтому в последней четверти XVIII в. освоение этого района заметно ускорилось.

Если до 1775 г. в бассейне Миуса существовало всего четыре хутора, то с 1776 по 1780 г. здесь было основано 24, а с 1781 по 1785 — 6, с 1786 по 1790 — 21, с 1791 по 1795 — 19 и с 1796 по 1800 г. — 22 хутора. Кроме того, в разные годы этого же периода возникло еще 11 хуторов (точная дата основания их неизвестна). Таким образом, за короткий срок было построено 103 хутора².

Хутора, основанные старшинами, резко отличались от казачьих. Как правило, они были населены большим числом приписных крестьян. По данным переписи 1782 г., по речкам Миусу, Нагольной и Крынке в хуторах полковника Амвросия Луковкина числилось 198 приписных мужского и 131 женского пола, в хуторах премьер-майора Ивана Исаева соответственно 355 и 250, старшины Степана Леонова — 285 и 151, старши-

¹ Скальковский А. А. Ростов и торговля Азовского бассейна. [Б. м.], 1865—1866, с. 1—2.

² Сводные данные составлены на основании работы: Сулин И. Материалы к истории заселения Миусского (ныне Тагапрогского) округа. — СОВДСК, вып. 5—7.

ны Ивана Васильева — 327 и 232, войскового атамана Алексея Иловайского — 427 и 282, депутата Ивана Янова — 179 и 126, полковника Дмитрия Мартынова — 536 и 362¹. Многие из таких хуторов постепенно превращались в крестьянские слободы. К 1801 г. на Дону насчитывалось уже 40 поселений, получивших официальное наименование слобод. В них насчитывалось по несколько сот дворов, в которых жили главным образом крестьяне.

Колонизация Задонья, как и Миусского бассейна, стала возможна только с последней четверти XVIII в. Правда, уже в середине XVIII в. казаки среднедонских станиц выкашивали богатейшие задонские луга, совершая внезапные и короткие набеги с оружием в руках и с соблюдением всяческих предосторожностей². Но, после того, как окончательно была установлена граница между Россией и Турцией по Кубани и Задонье перестало быть ареной непрерывных и опустошительных набегов ногайских татар и турок, Задонье быстро стало заселяться казачьими и, главным образом, старшинскими хуторами, на которых старшины селили приписных крестьян. К началу XIX в. в слободе Орловке-Сальской, например, насчитывалось 193 двора с населением более тысячи человек, а в слободе Мартыновке (Сальской) — 334 двора с населением почти в 2 тыс. человек³. И все же колонизация Задонья в эти годы шла медленнее, чем других районов Донского края. В основном его заселение и хозяйственное освоение завершились в первые десятилетия XIX в.

Таким образом, с конца XVII в. начался новый этап колонизации Донской земли, на котором она проходила значительно интенсивнее, чем в предшествующий период и привела к концу XVIII в. к хозяйственному освоению огромных просторов юго-востока России.

§ 3. Начало заселения и хозяйственного освоения Приазовья в XVIII веке

Во время пребывания Приазовья под властью турок этот край представлял собой почти безлюдную местность с очень редким населением. Так, в 1775 г. на протяжении 75 км от крепости Дмитрия Ростовского до восстанавливаемого Таган-

¹ ЦГАДА, дела 1-го департамента Сената, кн. 4267, д. 7, л. 825 об.

² ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 531, л. 1; Кательников Е. Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице. Новочеркасск, 1886, с. 26 и др.

³ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 3—4.

рога был только один незначительный хутор. Безлюден был и весь северный берег Азовского моря.

Заселение Приазовья в конце XVIII в. протекало в трех формах: в виде самовольного оседания беглых помещичьих крепостных и государственных крестьян из Центральной России и Левобережной Украины, как заселение по приглашению и вызову правительства и в форме насильственного переселения помещиками своих крепостных крестьян из различных губерний России.

Выходцами из Запорожья самовольно были основаны вблизи Таганрога три крупных поселения: с. Николаевка, Покровское и Троицкое. Раньше таким способом был основан Кагальник (в устье Дона) и ряд других сел и слобод.

Правительство стремилось в кратчайший срок заселить пустующие земли, но в условиях крепостнической России, когда подавляющая часть крестьянства была собственностью помещиков, сделать это было трудно. Было решено пригласить переселенцев из вновь присоединенных земель. Так, в 70-х годах XVIII в. по приглашению русского правительства из Крымского ханства в район Таганрога, Мариуполя и крепости Дмитрия Ростовского переселилось 12 тыс. армян и 18 тыс. греков. Греки осели в районе Таганрога и Мариуполя, основав ряд сел: Лакедемоновку, Ялту и другие. Армянские переселенцы получили свыше 30 тыс. десятин земли около крепости Дмитрия Ростовского и основали город Нахичевань-на-Дону и села — Чалтырь, Султан-Сала, Покр-Сала, Несветай и др. Армянские и греческие ремесленники и купцы способствовали быстрому развитию ремесленного производства и торговли в Приазовье¹.

Одновременно шло заселение левобережья Дона и восточного берега Азовского моря². В 1770 г. на территорию между реками Доном и Кубанью были переселены из Буджака (Бессарабия) 30 тыс. ногайцев. Возник ряд небольших русских поселений на побережье Азовского моря от Кагальника до Ейского редута.

Значителен был поток переселенцев в Приазовье и из Малороссии. Особенно много их обосновалось вблизи крепости Дмитрия Ростовского. Численность их быстро увеличивалась. Если в 1763 г. к этой крепости был приписан 551 чел., то спустя пять лет их насчитывалось уже почти 3000.

Разгром Екатериной II Запорожской Сечи способствовал

¹ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909, с. 340.

² Ригельман А. И. Ведомость и географическое описание крепости Св. Дмитрия Ростовского. Ростов н/Д, 1918, с. 12—19.

наплыву в Приазовье бывших запорожских казаков и беглых крепостных. По данным четвертой ревизии, на Дону и в Приазовье проживало 26 758 выходцев из Малороссии, но во время пятой ревизии их число достигло почти 58 500 чел. За период с 1778 по 1796 г. только вблизи Таганрога возникло свыше 55 слобод и хуторов.

Однако самые многочисленные поселения в Приазовье были основаны русскими помещиками и казачьей старшиной, вывозившими крепостных крестьян из центральных районов России, а также беглыми крестьянами и превращенными в крепостных крестьян выходцами из Украины.

Последняя четверть XVIII в. характеризуется массовыми расхищениями огромных земельных богатств Приазовья казачьей старшиной и русскими помещиками. Казачьи атаманы и старшины — Платовы, Иловайские, Ханжонковы, Сулины, Мартыновы и русские помещики — Пеленкины, Ковалевские, Синявины и другие — захватили в свои руки сотни тысяч гектаров плодородной земли.

За короткий срок в Приазовье помимо десятков сел, хуторов, слобод появились города: Ростов, Азов, Таганрог, Нахичевань, Мариуполь, Бердянск. За несколько десятков лет население крайне малолюдного Приазовья достигло почти 100 тыс. человек. Получили развитие сельское хозяйство, промыслы, ремесло, торговля, появились первые промышленные заведения.

§ 4. Заселение и хозяйственное освоение области войска Донского и Приазовья в первой половине XIX века

В первой половине XIX в. продолжалась колонизация южных и юго-восточных окраин Российской империи. В процессе ее заселялись и осваивались и старообжитые, и новые районы Дона и Приазовья, включенные в состав России в последней четверти XVIII—начале XIX в. Многообразнее становятся направления потоков переселенцев, четче определяются районы поселений на Дону и в Приазовье. Это объяснялось изменением социально-экономических условий развития России и области войска Донского в результате разложения и кризиса феодально-крепостнического строя.

Несмотря на то, что в течение XVIII столетия численность населения на Дону и в Приазовье увеличилась почти в 10 раз¹,

¹ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961, с. 72—73.

Донская земля оставалась еще малоосвоенной и слабозаселенной. В 1822 г. на одну квадратную милю в войске Донском приходилось 183 чел.¹, а в 1846 — 240 чел. Из 50 европейских губерний России область войска Донского занимала 43-е место по степени заселенности и 44-е место по численности населения².

Большую роль в заселении и хозяйственном освоении Дона и Приазовья играла народная колонизация. В представлениях угнетенного люда России область войска Донского и Приазовья и в первой половине XIX в. оставалась тем заветным местом, где можно было укрыться от крепостнической кабалы или даже перейти в казацье сословие. Не случайно многие беглые, пойманные в пределах области войска Донского и в Приазовье, на допросах в Войсковой канцелярии заявляли, что шли сюда «в надежде записаться в свободные обыватели»³, «пополнить войско»⁴, а крестьяне восставших в 1818 г. слобод Орловки-Сальской, Городищенской, Несмеяновой, Западельской и других писали в своих прошениях Александру I о готовности служить «хоть уланами», «хоть казаками», лишь бы их освободили от «крестьянства»⁵.

После указа 1796 г.⁶, запретившего самовольные переходы поселенцев на южных и юго-восточных окраинах России, широкий колонизационный поток из Новороссии и из близлежащих губерний Украины устремился на Дон и в Приазовье. Переселенцев влекла надежда перейти в ряды казачества и обрести свободу.

Массовому движению к переселению крестьян из южной Украины на Дон способствовал и указ 1799 г. На основании его в Сибирь переселяли преступников, отставных солдат и крепостных, от которых желали избавиться помещики⁷. Уже в 1800 г. новороссийский генерал-губернатор Михельсон доносил о самовольных переселениях на Дон и в Приазовье многих крестьян из Бахмутского, Мариупольского, Павлоградского уездов и других южнороссийских губерний, которые сопровождались вооруженными и кровопролитными столкновениями с

¹ Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1834 г. Новочеркасск, 1891, с. 99 (подсчет авт.).

² Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 158.

³ ЦГИА СССР, ф. 1148, оп. 1, 1828, д. 1, л. 3 об.; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 271, л. 219—220.

⁴ ГАРО, ф. 249, оп. 1, д. 51, л. 3; ЦПГИ СССР, ф. 1150, оп. 1, 1811, д. 9, л. 2 об.

⁵ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 294, л. 181; оп. 2, д. 874, л. 53 об.

⁶ ПСЗ, т. 24, № 17638.

⁷ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1971, с. 85.

воинскими командами, пытавшимися вернуть беглецов помещикам¹.

Для пресечения побегов на Дон в начале XIX в. была послана военная экспедиция во главе с генералом кн. Горчаковым, а войсковой атаман В. Орлов получил указ со строгим предупреждением². После этого путем усиления пограничных кордонов с Новороссией удалось на некоторое время прекратить интенсивное движение крестьян и частично вернуть беглецов на старые места³.

В начале XIX в. отмечаются массовые переселения на Дон и Приазовье семьями и даже селами с имуществом и орудиями труда из центральных губерний России (наиболее пострадавших в Отечественную войну 1812—1813 гг.), где помещики за счет усиления крепостнического гнета пытались восстановить свое разрушенное хозяйство⁴.

В первой половине XIX в. в составе переселенцев преобладает мужское население. Крестьяне, бежавшие на Дон и в Приазовье из Новороссии и близлежащих губерний Украины, заселяли в основном южные и юго-западные районы — Миусский, Донецкий и Черкасский округа⁵. По данным В. М. Кабузана и Г. П. Махновой, численность украинцев на Дону и в Приазовье возросла с 61 232 чел. мужского пола в 1795 г. до 1 294 320 чел. в 1897 г., т. е. более чем в 20 раз⁶. Переселенцы из центральных губерний России преобладали в Усть-Медведицком, Хоперском, Первом и Втором Донском округах, что объясняется близостью этих районов к местам побегов и мероприятиями Войсковой канцелярии по организации сыска беглых⁷.

Отношение к переселенцам верхушки казачества и Войсковой канцелярии было противоречивым. Несмотря на неоднократные указы и предупреждения, строгие наказания и штрафы за держание беглых и беспаспортных в донских станицах

---

¹ СОВДСК, вып. 13, с. 175—176; см. также: Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, с. 198.

² ПСЗ, т. 24, № 19461; АГС, т. 4. Спб., 1892, стб. 552.

³ ЦГИА СССР, ф. 1148, оп. 1, 1829, д. 1, л. 41 об.

⁴ ПСЗ, т. 24, № 25742.

⁵ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., с. 197—198; ее же. Южная Украина в 1800—1825 гг., с. 85.

⁶ Кабузан В. М., Махнова Г. П. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795—1959 гг. — «История СССР», 1965, № 1, с. 32, 33.

⁷ Современная летопись, 1862, № 28, с. 4; Коц Е. Побег помещичьих крестьян в Николаевскую эпоху. — В кн.: Архив истории труда в России, кн. 5. Пг., 1922, с. 12.

и хуторах донская старшина, нуждавшаяся в рабочих руках для своих хозяйств, продолжала принимать бежавших на Дон крестьян и шла на различные ухищрения, чтобы скрыть их в своих слободах, поселках и хуторах. Помещики и чиновники с помощью Войсковой канцелярии записывали их за собой под видом вернувшихся из бегов, переведенных из других губерний, под чужими фамилиями. В сообщениях Саратовского, Екатеринославского, Тамбовского и других губернских правлений неоднократно отмечалось о проживании их крестьян у генерал-лейтенанта Кирзева во Втором Донском, генерал-майора Мартынова в Миусском, подполковницы Чернушкиной в Усть-Медведицком¹ начальствах под чужими именами. Примеры эти не единичны².

Часто чиновники использовали наем на работу отходников и «крестьян, в большом количестве, якобы отпущенных на заработки по билетам и не проходивших последней ревизии» как источник приобретения крепостных. Крестьян, постулавших работать на год-полтора, помещики при очередной ревизии насильно записывали за собой. Таких крепостных числилось в 1806 г. у подполковника Луковкина 39 душ мужского пола; сотника Смирнова — 20; генерал-лейтенанта Иловайского — 52, подполковника Бобрикова — 51, войскового старшины Ив. Слюсарева — 72³.

В результате деятельности на Дону в 1819—1823 гг. Комитета по разработке нового положения об управлении войском Донским были вскрыты различные злоупотребления. Так, войсковой старшина И. Ф. Слюсарев, когда отправлял должность казначея при войсковой канцелярии, незаконно переменял многим помещикам после 5-й ревизии ревизские сказки о крестьянах⁴. С 1800 по 1823 г. числилось за помещиками войска Донского крестьян, пропущенных при проведении ревизий и вернувшихся из бегов, 14 794 чел. мужского пола⁵.

Переселение часто сопровождалось захватом войсковых и юртовых земель под хлебопашество и сенокосы, хутора и поселки, что приводило к многочисленным и ожесточенным столкновениям крестьян с Войсковой канцелярией и с каза-

¹ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 68, л. 7—10; оп. 2, д. 359, л. 9; оп. 3, д. 144, л. 402 об.

² Там же, ф. 341, оп. 1, д. 34, л. 36—187; см. также: ф. 341, оп. 1, д. 271, л. 45; д. 297, л. 393; оп. 3, д. 144, л. 389, 397, 402 об., 426, 547 и др.

³ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 34, л. 36—187; см. также: ф. 341, оп. 1, д. 271, л. 45; д. 297, л. 393; оп. 3, д. 144, л. 389, 397, 402 об., 426, 547 и др.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1151, оп. 2, 1834, д. 51, л. 3 об.

⁵ ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 105, л. 1 об. (подсчет авт.).

ками¹. Попытки Войсковой канцелярии помешать переселению из соседних губерний на войсковые земли часто оказывались безуспешными.

Наибольший приток переселенцев отмечается в Миусский, Донецкий округа и Задонскую степь из близлежащих губерний, где к этому времени стала ощущаться нехватка земель и усиливался феодально-крепостнический гнет. Основную массу переселенцев составляли крестьяне Екатеринославской, Черниговской, Херсонской, Полтавской, Курской, Тамбовской и Воронежской губерний².

Политика правительства, направленная на превращение казачества в социальную опору самодержавия, будучи в значительной степени противоречивой и непоследовательной, оказывала большое влияние на характер и формы заселения и хозяйственного освоения донских земель.

После указа 1798 г., предоставившего войсковой старшине права и привилегии великороссийского дворянства, чиновники стали усиленно скупать крепостных в соседних губерниях для переселения их на войсковые земли по Миусу, Кальмиусу, Донцу и его левым притокам³. Чаще всего они покупали крестьян в близлежащих губерниях Черноземного центра. По неполным данным, с 1810 по 1816 г. донскими чиновниками было переведено на Дон 5 557 крестьян мужского пола, из них четыре пятых было приобретено в центральных губерниях России — Саратовской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Курской⁴.

Покупка чиновниками крестьян производилась и в пределах войска Донского на ярмарках Урюпинской, Покровской и в слободе Криворожье Донецкого округа. По данным ведомостей о продаже крепостных можно сделать вывод, что боль-

---

¹ ГАРО, ф. 429, оп. 1, д. 182, л. 27 об. — 28; д. 299, л. 278—279, 286; ф. 46, оп. 1, д. 474, л. 5—7; Краснов И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского. — «Русский вестник», 1866, № 7, с. 229; Краснов Н. Прошедшее и настоящее донских казаков. — «Военный сборник», 1883, кн. 4, с. 125; ТОВДСК, вып. 2, с. 32.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1916, с. 413; Марков К. В. Крестьяне на Дону. — СОВДСК, вып. III, с. 4—69; Сулин И. Материалы к истории заселения Миусского (ныне Таганрогского) округа. — СОВДСК, вып. 5—7. Новочеркасск, 1905—1907; его же. Материалы к истории заселения Черкасского округа. — СОВДСК, вып. 8; ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 447, л. 5—7; ф. 341, оп. 2, д. 72, л. 20 и др.

³ Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем. Новочеркасск, 1917, с. 31.

⁴ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 39, л. 109; СОВДСК, вып. 5, с. 93, 94, 103, 107 и др.

шинство из них привезено рязанскими, тамбовскими, саратовскими и пензенскими помещиками¹.

Покупка крестьян донскими чиновниками в центральных губерниях России и перевод их на Дон обостряли борьбу внутри господствующего класса за крепостной труд. Великороссийское дворянство, отличавшее себя от нового, донского дворянства, жаловалось правительству на генералов и офицеров, которые «не имея пожалованных земель, переселяют крестьян на войсковые и станичные земли и распоряжаются ими как своей собственностью» и, в случае, «когда земли, заселениями заняты, потребуются из владений тех генералов, штаб- и обер-офицеров... и от усилившейся покупки сего рода не произошло бы впоследствии каких-либо важных государственных беспорядков»².

Правительство, заинтересованное в сохранении казачества как военного служилого сословия и идя навстречу великороссийскому дворянству, запретило в 1816 г. продавать крестьян донским чиновникам³.

Однако самодержавие вынуждено было допускать и утверждать переселение крестьян на Дон и в Приазовье. В 1828 г. донским чиновникам вновь была разрешена покупка крестьян во всех губерниях России⁴. Важнейшей причиной, побудившей правительство к этому, по мнению члена Государственного Совета кн. Васильчикова, было то, что «крестьяне в основном отправляли все земские повинности с соседними губерниями, Кавказом и Грузией», а в военное время, в случае выхода всех казаков на службу, могли «пахать землю и смотреть за скотом»⁵. Другие члены Государственного Совета указывали на необходимость поощрять переселение из других мест на донские земли, потому что ныне область войска Донского «находится внутри границ государства»⁶ и «14 млн. дес. хлеборобнейшей земли, орошаемой Доном, Хопром и другими реками, не должны оставаться впусте. Сей край ожидает рук для доставления государству важных выгод, жертвовать же сими выгодами для удержания привилегий, дарованных на государственный предмет, уже не существующий, значило бы жерт-

---

¹ ГАРО, ф. 53, оп. 1, д. 124, л. 29; см. также: Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону..., с. 34.

² ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 2, 1815, д. 179, л. 1—2 об.

³ ПСЗ, т. 33, № 26164, № 26290.

⁴ Там же, т. 3, № 2047.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, 1818—1835, д. 291, л. 10 об.

⁶ Там же, ф. 1148, оп. 1, 1829, д. 1, л. 1 об.

зовать пользою всего государства для частной выгоды 200 тыс. его жителей»¹.

Значительное влияние на заселение и хозяйственное освоение Дона и Приазовья оказала переселенческая политика, проводимая царизмом на Кавказе. Пытаясь ослабить остроту земельного вопроса в малоземельных губерниях России, правительство начало переселять государственных крестьян Черниговской, Полтавской, Тульской, Курской и других губерний на Кубань и в Ставрополье. Путь многих из них лежал через область войска Донского и Ростов. По донесению ростовской полиции, с 30 августа по 25 ноября 1821 г. через Ростов прошло 17 449 душ мужского пола и 15 001 женского, а в селение Куцеевское прибыло 15 536 и 13 617 душ, т. е. не дошло 3 249 душ обоего пола. Отставшие крестьяне оседали в Ростове, селах Круглом, Батайском, Койсуге, станицах и хуторах области войска Донского².

В 1829 г. после разрешения правительства селиться на Кавказской линии помещичьи и казенные крестьяне, узнав о льготах на поселение, большими группами двинулись на Кавказ. Если крестьянам сразу не удавалось пробраться на Кавказскую линию, многие находили убежище в области войска Донского и Приазовье, где пристанодержательство стало доходной профессией. Их укрывали в камышах, на хуторах, использовали в рыбачьих ватагах у казаков и местных крестьян.

Правительство приложило много усилий для прекращения побегов крестьян на Кавказскую линию. С этой целью на границах с Кавказской линией, Астраханской, Саратовской и Воронежской губерниями были расположены казачьи полки, в дополнение был создан поперечный кордон между Волгой и излучиной Дона³. Однако полностью прекратить побег не удалось. Только в 1837 г. казачьими командами было задержано на границах войска Донского одних воронежских крестьян около 900, а на границах с Черноморским казачьим войском — 250 чел. из различных губерний⁴.

С середины 30-х годов XIX в. процесс заселения и хозяйственного освоения области войска Донского и Приазовья приобретает новые черты, связанные с превращением юго-восточ-

¹ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, 1818—1835, д. 201, л. 69 об.

² Бентковский И. Заселение Черноморья с 1792 по 1825 г. СПб., 1880, с. 97—99.

³ Коц Е. Побег помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. — В кн.: Архив истории труда в России, кн. 5, с. 12—15.

⁴ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3-е. Л., 1925, с. 307.

ных окраин России в район торгового земледелия и развивающихся сельскохозяйственных и рыбных промыслов. В это время на Дон и юг Украины почти ежегодно уходило на заработки по паспортам из Курской и Полтавской губерний свыше 60 тыс. человек и до 15 тыс. из Херсонской¹. Значительное число крестьян, приходивших из украинских и великороссийских губерний на летние полевые работы и промыслы на Дон и в Новороссию, оставались на зимние месяцы или вообще не возвращались домой. Так, по данным Н. М. Дружинина, в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. не возвращалось домой от 21 тыс. до 32 тыс. крестьян, выходявших на заработки на юг Украины и в землю войска Донского².

В 30-х годах XIX в. в связи с перемещением колонизационных центров далее на юг — на Кубань и в Ставрополье, в район Нижнего Поволжья и Сибирь, отмечается отход населения из области войска Донского и Приазовья. Этому способствовали и такие мероприятия царизма, направленные на сохранение и укрепление замкнутости казачества, как закрепощение бежавших на Дон крестьян, а также неурожай и холерные эпидемии 1830, 1848—1849 гг. Наиболее массовыми были побег помещичьих крестьян из Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Большими группами, достигавшими иногда 1000 чел., хорошо вооруженные, забрав свое и господское имущество, уходили они на Кубань, Сунжу и Терек. Только в течение 1832 г. из этих округов бежало 1070 крестьян³.

В процессе широкого перемещения населения на южные и юго-восточные окраины страны в первой половине XIX в. и заселения области войска Донского и Приазовья стало возможным интенсивное хозяйственное освоение как новых, так и давно обжитых земель.

В конце XVIII в. район к юго-востоку от Дона за Черкасск до Астраханской границы стал местом широкой дворянско-

---

¹ Заблоцкий-Десятовский А. П. Хозяйственные замечания о некоторых губерниях южного края России. — ЖМГИ, 1841, ч. 1, с. 40.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, с. 412—413; см. также: ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 28, л. 4 об., 10, 15 об., 17 об., 40 об.; д. 15, 36, 38, 43, 63; ф. 341, оп. 1, д. 271, л. 110 об.; оп. 3, д. 144, л. 73.

³ Коц Е. Указ. соч., с. 4—5; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 354; д. 471, л. 145—153; ЦГА СССР, ф. 1151, оп. 1, 1827, д. 119, л. 16—17; см. также: Кабузан В. М. Изменение в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971, с. 30; Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Спб., 1870, с. 357.

чиновничьей колонизации. Донская старшина стремилась использовать захваченные степи для устройства конских заводов¹. Однако в первой четверти XIX в. этому мешали постоянные набеги калмыков². Лишь после принятия мер по усилению безопасности границ с Астраханской губернией и включения Калмыцкого кочевья в состав области войска Донского набеги значительно сократились.

Задонские степи, являясь войсковой землей, сдавались в оброчное содержание коннозаводчикам по 15 коп. серебром с поголовья, «с правом пользования пастбищами, водопоями и сенокосами, но без распашки земли»³, а также захватывались в собственность чиновниками и зажиточной верхушкой казачества. На этой земле они строили зимовники «для укрытия лошадей от непогоды», которые затем превращались в хутора и поселки с крупнейшими конскими заводами. Так, к 1849 г. 99 чиновникам и зажиточным казакам, имевшим лошадей в задонских степях, принадлежало 37 тыс. лошадей, или 10% всего конского поголовья войска Донского, а 14 крупнейшим конским заводам — свыше 100 000 дес. земли⁴.

Зимовники и хутора с конскими заводами чиновников и верхушки казачества носили промысловый характер. Ежегодно более одной пятой конского поголовья шло на продажу, значительное число лошадей покупалось для приплода⁵. Число крепостных крестьян, живших в помещичьих хуторах, было незначительным. Здесь на каждую душу приходилось от 300 до 1 000 и более дес. земли⁶.

После того, как стало известно, что большая часть земли, лежащей между реками Дон и Сал, «... к хлебопашеству плодородная»⁷, колонизационный поток в задонские степи значительно усилился. Если в 1801 г. хутора и слободы насчитывались здесь единицами, то в 1825 г. в задонских степях были десятки хуторов и поселений. Многие хутора и поселки обстраивались, превращались в слободки и слободы. К 1801 г. на Дону и в Приазовье насчитывалось 40 поселений, получивших официальное наименование слобод⁸, в 1822 г. их было уже 79⁹,

¹ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 69.

² ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 294, л. 177 об. — 178; д. 297, л. 16 об.

³ ДВВ, 1850, № 26.

⁴ ГАРО, ф. 429, оп. 4, д. 11, л. 10—12, 35—38, 47.

⁵ Там же, л. 42.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 934, л. 8—16.

⁷ ГАРО, ф. 429, оп. 1, д. 175, л. 178 об.

⁸ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 67.

⁹ Статистическое описание земли донских казаков..., с. 155—183 (подсчет авт.).

а в 1859 г. — 128¹, причем большинство из них находилось в Миусском и Донецком округах. В крупнейших слободах и поселениях численность населения увеличилась на 43%, а количество дворов — на 28%². Это свидетельствует о том, что заселение и хозяйственное освоение Дона и Приазовья в первой половине XIX в. шло как за счет строительства новых поселений, так и оседания значительной части переселенцев в существовавших хуторах и слободах.

Захваты чиновниками войсковых и в особенности юртовых дольств вели к обезземеливанию казачества, обостряли борьбу между дворянами и казаками внутри казачьей общины за землю. Чтобы ослабить эти противоречия, по решению Войсковой канцелярии с 1803 г. казаки малоземельных станиц поселялись по левой стороне Дона, рекам Манычу и Салу к астраханской границе «ради пособия проезжающим по степям разного звания людям и другим причинам»³. В том же году в задонскую часть Черкасского округа были переведены калмыки Нижнего Улуса⁴.

Активная внешняя политика, которую проводил царизм на Кавказе в первой половине XIX в., способствовала увеличению земских повинностей, исполнявшихся войском Донским, в особенности на трактах — Задонском, в Грузию и на Кавказскую линию. Для лучшего отправления почтовой гоньбы, подводной повинности, сопровождения арестантов, содержания ночлегов в 1808 г. было выселено на Задонский тракт 400 семей (всего 3721 чел.)⁵ крестьян, приписанных к станицам. В начале XIX в. из-за острой нехватки казаков для обслуживания тракта в Грузию и на Кавказскую линию по решению правительства были заложены между Старочеркасской и Средне-Егорлыкским карантинном ст-цы Махинская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыкская куда переселили казаков из Усть-Медведицкого, Хоперского, Первого и Второго Донского округов, а также в 1824 г. 912 крестьян с семьями, с переводом в казачье сословие⁶.

В это же время продолжалось хозяйственное освоение Миусского округа, вся территория которого до 1802 г. считалась

¹ ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, 11836—11863, д. 101, л. 44.

² ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 3; д. 396, л. 1—2; д. 397, л. 1—6.

³ СОВДСК, вып. 8, с. 2—3.

⁴ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 736, л. 64.

⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 198, л. 12—15.

⁶ Там же, ф. 341, оп. 2, д. 874, л. 1 об.; ф. 55, оп. 1, д. 141; ПСЗ, 39, № 30171. Сб. истор. материалов, извлеченных из архива е. и. в. канцелярии, вып. 6. Спб., 1893, с. 111—112.

войсковой землей. Обширные плодородные земли, мягкость климата и близость рынков сбыта — городов Таганрога, Ростова и Нахичевани — привлекали сюда донских чиновников и верхушку казачества. По определениям Войсковой канцелярии и самовольно чиновники и зажиточные казаки захватывали войсковые земли под хлебопашество, строили на них хутора, поселки и слободы¹. Поселения, возводившиеся помещиками в первой половине XIX в., значительно отличались от казачьих хуторов. Они строились надежно, с многочисленными хозяйственными заведениями, мельницами, винокурными, салотопенными, кирпичными, рыбоспелными и другими заводами, многие из них, обстраиваясь, превращались в слободы и слободки². Например, в поселках у полковника Янова находился водочный завод, у генерал-майора Дьячкина — конский завод с 2000 голов лошадей, на хуторе сотника Уткина — мукомольная мельница и т. д.³

Обширные и плодородные донские земли постоянно привлекали дворян из великороссийских губерний, приобретавших новые земли, в частности в юго-западных районах войска Донского и Задонье. Захваты войсковых и юртовых довольствий российскими дворянами еще более обостряли на Дону борьбу за землю между донскими чиновниками и российскими помещиками, а также внутри казачьей общины. Самодержавие, учитывая изменения, происшедшие в социальном строе, в социальных отношениях войска Донского к началу XIX в., издало в 1816 г. указ о выселении помещиков российских губерний из пределов войска Донского и о запрещении поселяться впредь на Дону лицам невойскового сословия⁴. Но этот указ не выполнялся. В 1844 г. 18 помещикам российских губерний принадлежало в Миусском округе 824 души мужского пола⁵, а всего на Дону проживало лиц невойскового сословия 3 568 чел.⁶

Наличие у чиновников большого числа крепостных, а также перемещение в район Миусского бассейна населения из других округов войска Донского и районов России привело к тому, что к 1822 г. здесь из 1 216 551 дес. земли уже распахивали

¹ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, 1823, д. 200, л. 9 об.; СОВДСК, вып. 5, с. 80, 93, 94, 96 и др.

² ГАРО, ф. 429, оп. 1, д. 229, л. 1—239; д. 243, л. 24—25, 77—78; СОВДСК, вып. 5, с. 80—96.

³ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 353, л. 24—86; ф. 429, оп. 1, д. 158, л. 5.

⁴ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1382, л. 95; ф. 46, оп. 1, д. 400, л. 3 об.

⁵ Там же, ф. 429, оп. 2, д. 617, л. 49—50 об.

⁶ Попов И. Материалы к истории Дона. Новочеркасск, 1900, с. 155.

валось 343 128 дес., или 28,2%. В среднем в Миусском округе приходилось на каждую душу 6 дес. пашни, в Хоперском, Усть-Медведицком, Втором Донском и Донецком по 4 дес., Первом Донском — 3 дес., Калмыцком кочевье — 2 дес., Черкасском округе — 1 дес.¹

К началу 40-х годов XIX в, в результате интенсивного заселения и хозяйственного освоения Миусского бассейна и деятельности межевой комиссии, созданной с введением «Положения об управлении войском Донским от 26 мая 1835 г.» (наделением чиновников и помещиков войска Донского пожизненными или потомственными участками, по числу крестьян мужского пола 8-й ревизии), войсковой земли в этом районе почти не осталось. В 1855 г., как отмечалось в письме полковника И. С. Ульянова к Н. К. Ежову, «... на Миусе земли свободной уже нет, есть только в Черкасском за Доном, около Черноморской границы да на речке Свипучи»².

Хозяйственное освоение донской земли в первой половине XIX в. продолжалось и путем казачьей колонизации (в частности, выселения казаков из станиц на хутора, создававшиеся на войсковых и юртовых довольствиях), которая в условиях кризиса феодально-крепостнического строя приобретала новые черты. Развитие казачьего хозяйства происходило в обстановке острой борьбы за землю между чиновниками и казаками, внутри казачьей общины. Это наложило отпечаток на процесс создания казачьих хуторов. В рапортах правлений в комиссию по размежеванию земель войска Донского указывалось, что из-за нехватки выгодных мест для хлебопашества вблизи станиц «всякой старается занять себе хутор в отдаленности от оной... и начинает упрочивать свое благосостояние...»³. Однако не всякий казак мог выселиться из станицы, а лишь «достаточный» и по решению станичного общества. Хутор, созданный одним из зажиточных казаков, как отмечали современники, «стоит тысячи серебром»⁴.

Многие рядовые казаки в одиночку не могли создавать хозяйство вдали от станиц (что было связано со значительными затратами капитала). В таких случаях они выселялись небольшими группами в 5—10 чел. на хутора, насчитывавшие 5—7 дворов. Здесь же находился рабочий скот, орудия труда, какое-нибудь подсобное заведение или ветряная мельница⁵.

¹ Статистическое описание земли донских казаков..., с. 199 (подсчет авт.).

² ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 34, л. 125.

³ Там же, ф. 429, оп. 1, д. 299, л. 278.

⁴ Филонов А. Очерки Дона. Спб., 1853, с. 17.

⁵ ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 355, л. 1—154; оп. 3, д. 144, л. 656; ф. 429, оп. 1, д. 182, л. 55 об.; д. 243, л. 77.

Значительное влияние на хозяйственное освоение донских земель оказали развивавшаяся промышленность и торговля.

С развитием добычи угля стали интенсивно осваиваться войсковые земли на реках Грушевке, Нижнем Миусе и Нижнем Донце, особенно после создания в 1840—1842 г. первой войсковой шахты. С 1841—1845 г. по образцу войсковой шахты было заложено 50 шахт вольнопромышленников. В результате добыча угля на Грушевском руднике увеличилась со 185 тыс. пудов в 1841 г. до 1,5 млн. пудов в 1845 г.¹

Для улучшения торговых перевозок, работы почтовых станций, перегона скота из Ставрополя, Кубани и Дона в Москву, Петербург и другие губернии России по решению Войсковой канцелярии на переволоке между Волгой и Доном (между Дубовской и Качалинской станицами), на протяжении почтового и скотопрогонного трактов через донские земли стали строить на войсковых и юртовых довольствиях различные заведения для укрытия от непогоды людей и скота, а земли по обе стороны дороги на расстоянии 250 сажен сдавали промышленникам и перевозчикам для попаса скота². Это способствовало вовлечению в хозяйственный оборот дополнительно свыше 2 375 000 дес. земли³.

С улучшением хозяйственной деятельности в ходе широкой колонизации южных и юго-восточных окраин Российской империи постоянно увеличивалась численность населения в области войска Донского и Приазовья. По данным «ведомостей о количестве приходских дворов... за 1801 г.», в войске Донском насчитывалось 312 945 чел.⁴

С превращением казачества к концу XVIII в. в замкнутое служилое сословие правительство пыталось поддерживать его на относительно высоком экономическом уровне (за счет земельных наделов, достигавших 25—30 дес. на мужскую душу) и стремилось ограничить доступ в казаки. Численность казачьего населения росла очень медленно, а в начале XIX в. даже стала сокращаться в результате потерь, понесенных казаками в войне, которые вела Россия, и переселений их на Кавказскую линию, Кубань, Лабу и Сунжу.

Если в течение XVIII в. численность казачьего населения увеличилась почти в 7 раз⁵ и составила в 1800 г. 216 553 чел.,

¹ ГАРО, ф. 429, оп. 1, 2230, л. 2 об. — 3, 4.

² ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 392, л. 36—38 об.; оп. 2, д. 161, л. 3—6 об.; ф. 429, оп. 1, д. 1182, л. 15; «Военно-статистический сборник», вып. 4. Спб., 1871, с. 807.

³ Краснов Н. Материалы..., с. 75.

⁴ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 1—6.

⁵ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 72.

то с 1800 по 1859 г. она возросла до 580 036 чел., т. е. лишь в 2,6 раза¹, в основном за счет естественного прироста. Отрицательное влияние оказывали и холерные эпидемии: только в первом полугодии 1848 г. на Дону умерло от холеры 17 тыс. чел.² Поэтому еще в 1810 г. войсковой атаман М. Платов в письме к Александру I просил разрешения «...определять разных наций людей... для умножения на службу войска». Однако правительство отказало на том основании, что «этим могут воспользоваться беглые военнослужащие, казенные и помещичьи крестьяне...»³. Но в 1810 г. ввиду обострения международной обстановки накануне Отечественной войны 1812 г. правительство приняло ряд мер по укреплению донского казачьего войска, в частности, обратив в казачье сословие 3 836 крестьян, выходцев с Украины, записанных за станицами⁴.

В казачье сословие зачисляли иногда крестьян, отпущенных на свободу, и горцев, которых переселяли с Кавказа в период восстания Шамиля. Однако эти формы роста казачества не получили широкого распространения. Из отпущенных на свободу крестьян в 1843 г. только один был причислен в казачье сословие «с высочайшего соизволения»⁵, а с 1845 по 1859 г. было приписано к войску Донскому лишь 183 горца, переселенных из Дагестана⁶.

Будучи не в состоянии закрыть все неофициальные источники поступления в казаки, правительство вынуждено было разрешить принимать в казачье сословие людей, «которые по общим государственным узаконениям имеют личную свободу избрать себе род жизни, какой пожелает»⁷.

Второй после казачества большой группой населения в области войска Донского были крепостные крестьяне. Если в 1801 г. крестьян насчитывалось 96 392 чел.⁸, то в 1858 г. — уже 315 462 чел.⁹. Столь значительный рост крестьянского населения в этот период объясняется не столько естественным приростом, сколько слиянием в единый поток вольной народной

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 17720, л. 261—263; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 1—6; ф. 341, оп. 1, д. 18, л. 1.

² ГАРО, ф. 243, оп. 1, д. 33, л. 204.

³ ПСЗ, т. 31, № 24138.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1150, оп. 1, 1811, д. 9, л. 2; ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 198, л. 45; ПСЗ, т. 31, № 24771.

⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 504, л. 21 об.

⁶ Там же, д. 541, л. 2—24.

⁷ ПСЗ, т. 31, № 24138.

⁸ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 18, л. 1.

⁹ Краснов Н. Материалы..., с. 78.

и помещичьей колонизации. В это же время отмечается и наиболее значительный удельный вес крепостных в составе населения области войска Донского (43,6%). Однако в дальнейшем, после 6-й ревизии, он резко уменьшается¹. Это было характерно не только для Дона, но и для всей страны, особенно ее центральных губерний.

Падение удельного веса помещичьих крестьян объяснялось не переходом их в другие сословия (рекрутство, вольноотпущенные, отписные, перевод в казаки), а являлось одним из наиболее острых выражений кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России. Оно зависело от усилившейся эксплуатации крепостного труда, вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах превращения области войска Донского и Приазовья в район торгового земледелия и, прежде всего, вследствие производства хлеба на продажу².

На Дону жили также калмыки и татары. Калмыки находились в Задонской степи и Калмыцком кочевье. После подчинения в 1798 г. дербетовых калмыков в административном отношении Войсковой канцелярии с 1803 г. они стали управляться донским чиновником из штаб-офицеров, под именем «пристава над калмыками»³. По «Положению об управлении войском Донским от 26 мая 1835 г.» калмыки обязаны были нести воинскую повинность наравне с казаками, однако чиновники и верхушка казачества использовали калмыков для присмотра за конскими табунами и отарами овец. В 1800 г. дербетовы калмыки откочевали в астраханские степи. Часть калмыков Нижнего улуса осталась в войске Донском. В 1801 г. их насчитывалось 2 262 чел. мужского пола⁴, в 1834 г. — 16 505 душ обоего пола⁵, а в 1859 г. — 21 090 чел.⁶. Значительно меньше на Дону проживало татар, которые назывались «своими», «юртовыми» и находились в ст-це Татарской Черкасского округа (недалеко от ст-цы Старочеркасской). В 1822 г. их насчитывалось 936 чел.⁷. Таким образом, общая числен-

¹ Шелукова Н. М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. (1718—1858 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1960, с. 6, 13, 15.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. II, с. 482—483.

³ Краснов Н. Материалы..., с. 238.

⁴ Маслаковец Н. А. Статистическое описание кочевья донских калмыков. — ТОВДСК, вып. 2, с. 17; ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 524, л. 4.

⁵ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ОПИ, Ф. IV: 825; Богданович И. Ф. Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в войске Донском, ч. 2. Новочеркасск, 1834, рукопись, с. 5—6.

⁶ Краснов Н. Материалы..., с. 243.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 2, 1836, д. 5002, л. 2; ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 524, л. 4.

ность населения на Дону с 1800 по 1858 г. увеличилась с 312 945 до 895 498 чел., или в 2,8 раза¹.

Резкое снижение темпов роста населения области войска Донского по сравнению с 60-ми годами XVIII — началом XIX в. произошло в результате сокращения потока переселенцев из Украины и Великороссии, связанного с падением значения юго-востока России как главного колонизируемого района, мероприятиями самодержавия, направленными на укрепление сословной замкнутости казачества, неурожаем, вызванными саранчой и засухой, холерными эпидемиями.

§ 5. Заселение Кавказской линии и Ставрополя в XVIII — первой половине XIX века

Начало военно-казачьей колонизации на Кавказе было положено еще в середине XVI в. Цепь укрепленных казачьих станиц-крепостей, расположенных по Тереку, в течение двух с половиной веков, вплоть до массового заселения Предкавказья, составляла границу с землями северокавказских народов. Сначала Терский городок, с 1735 г. — Кизляр и с 1762 г. — Моздок были центрами, откуда осуществлялось управление всеми военно-политическими делами в этом крае. Царское правительство стремилось укрепить свои позиции на Тереке, поскольку султанская Турция, шахский Иран и часть местных горских феодалов были давними противниками России и делали все, чтобы подорвать ее влияние на Кавказе.

Терское казачество в XVIII в. делилось на Терское, Терско-семейное и Гребенское войска. Они были малочисленными, и поэтому для укрепления границ сюда время от времени власти направляли отдельные воинские части и команды. Тесные связи терских казаков с соседними народами, складывавшиеся в течение длительного времени, находили отражение во всей их хозяйственной, бытовой и политической жизни. В течение длительного времени, до начала массового заселения Предкавказья, казачьи укрепления по Тереку составляли опору правительства во всех начинаниях и действиях России.

В последней четверти XVIII в. правительство Екатерины II стало обращать особое внимание на дальнейшее укрепление северо-кавказских границ на всем протяжении от Черного до

---

¹ Аналогичные данные приводят А. Г. Рашин и В. М. Кабузан (Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956, с. 28; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX века. М., 1971, с. 52—178).

Каспийского моря. Была построена Азово-Моздокская линия (1777—1778 гг.), состоявшая из 10 крепостей, в том числе Ставропольской, Георгиевской, Александровской, возводились укрепления по Кубани, Тереку и в других районах. Однако ощущалась острая необходимость более активного привлечения в этот край казачьего населения, способного не только осваивать присоединенные земли, но и оборонять их от турок и протурецки настроенных горских феодалов.

Заселение пограничных районов проводилось двумя путями: переводом казачьих полков с Дона и Волги и зачислением крестьян-переселенцев из внутренних губерний и даже горцев в казачье сословие. В 1777 г. на Азово-Моздокскую линию перевели Волжский и Хоперский казачьи полки. В 1794 г. в шести станицах по Кубани были поселены донские казаки (тысяча семейств), которые и составили Кубанский казачий полк.

Кавказское линейное войско в начале XIX в. представляло уже значительную силу. К этому времени на линии было расположено 8 казачьих полков и одна горская команда общей численностью до 30 тыс. чел.¹

По мере продвижения России в глубь земель кавказских народов местные и центральные власти переводили казаков ряда станиц, оказавшихся в глубоком тылу, на передовую линию. Так, казаки Волжского, Хоперского и Кубанского полков в 1825—1827 гг. были переведены на новые рубежи и основали 15 станиц².

Нужда в увеличении казачьего населения, особенно с расширением Кавказской войны, возрастала. В отдельных случаях власти вынуждены были даже отступать от принятых законов и принимать в казачье звание беглых. Однако все предпринимавшиеся ранее меры к увеличению казачьего населения и укреплению пограничных районов не могли дать желаемых результатов. На открытое поощрение приема беглых крепостных в казаки царское правительство, естественно, пойти не могло. Выходом из создавшегося положения оно считало перевод многих казенных селений в казачьи станицы, а казенных крестьян — в казаки. Поэтому 2 декабря 1832 г. был

¹ Фелицын Е. Д. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 г. Бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка. — Кубанский сборник. Тр. Кубанского областного статистического комитета, т. 4. Екатеринодар, 1898, с. 58—59.

² Это станицы: Ново-Марьянская, Ново-Полтавская, Ново-Георгиевская, Бабуковская, Эссентукская, Кисловодская, Бургустанская Волжского полка; Карантинная (впоследствии Суворовская), Бекешевская, Батапашинская, Беломечетенская, Невинномысская, Барсуковская Хоперского полка; Николаевская и Темнолесская Кубанского полка (ГАСК, ф. 79, д. 989, л. 490, 638).

издан указ «Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений». Свыше 30 из них с января 1833 г. переводилось в разряд казачьих станиц.

По данным первого наказного атамана Кавказского линейного войска генерал-майора Верзилина, на 31 марта 1837 г. казачье население составляло 74 313 душ мужского пола (9 полков и 83 станицы) ¹.

Зачисление казенных крестьян в казачье звание продолжалось в течение всего дореформенного периода. Оно шло не только отдельными группами, но и огромными партиями. Так, в феврале 1846 г. из числа малороссийских казаков, пожелавших переселиться на Кавказ, прибыло 1000 семейств, которые предполагалось «обратить на пополнение убыли в старых полках Кавказского линейного войска, из которых в последние годы переселено на новые наши линии весьма значительное число людей» ².

В январе 1847 г. Николай I утвердил новые предложения военного министра о переселении людей из внутренних губерний в Кавказское линейное казачье войско. В них предлагалось переселение «продолжать постоянно в таком размере, какой окажется возможным» ³. В 1848—1849 гг. на Кавказскую линию уже прибыло около 3 тыс. семейств ⁴.

Местные власти были заинтересованы в зачислении в казачье звание семейных солдат пехотных полков, дислоцированных на Кавказе. И в 1850 г. солдатские семьи на Кавказской линии были поселены в Железноводске, Нальчике, Ларсе и крепости Грозной ⁵. Впоследствии из них должны были создаваться пешие казачьи батальоны.

С 1841 по 1857 г. только по Лабинской линии было поселено 5 085 семейств ⁶. Почти одновременно шло заселение Сунженской линии. За 12 лет (1845—1857 гг.) здесь было поселено около двух тысяч семейств ⁷. Количество казачьих полков только с 1837 по 1844 г. увеличилось с 9 до 17.

Таким образом, численность Кавказского линейного войска

---

¹ Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские, так называемые «крещеные калмыки». — Извлечение из «Ставропольских губернских ведомостей», 1830, № 35, 38, 42.

² ГАКК, ф. 318, д. 346, л. 1.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 676, л. 36—38.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 257, оп. 3, д. 16, л. 16—24.

⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 5, д. 918, л. 36.

⁷ Там же, д. 913, л. 20; ф. 1080, оп. 2, д. 345, л. 145; д. 348, л. 6.

все время возрастала. Царское правительство видело в нем «твердую ограду для Кавказского края»¹.

Жизнь казачьего населения на линии оставалась напряженной. Казачья служба продолжалась от 20 до 50 лет, фактически всю жизнь. Край был мало заселен, не обжит, и постоянно существовала опасность нападения со стороны непокорных горцев. Обычным явлением были эпидемии и эпизоотии. Смертность населения часто превышала рождаемость. В 1812 г. в казачьих станицах на линии и в казенных селениях свирепствовала чума, занесенная из-за Кубани². В 1847 г. от эпидемии холеры умерло 9 тыс. казаков³. Наказной атаман Кавказского линейного войска в 1843 г. отмечал в своем обзоре, что из 6 тыс. душ, прибывших в 1836 г. с Украины, многие были «в такой крайности, что не имели ни пищи, ни одежды, и оттого в течение года умерло их по крайней мере четвертая часть»⁴.

Кавказ издавна привлекал не только крепостных крестьян, но и противников официальной церкви. Среди линейного казачества было немало старообрядцев, представителей различных сект — духоборов, молокан, субботников и др. Долгое время правительство и местные власти терпимо относились к этому. Главным они считали заселить и освоить необжитый край, поэтому на состав переселенцев, их вероисповедание обращали мало внимания. Число старообрядцев здесь быстро увеличивалось. Отдельные полки, например Гребенский и Кубанский, с самого начала почти полностью состояли из старообрядцев — казаков Дона.

Вплоть до окончания Кавказской войны в 1864 г. царское правительство неуклонно проводило политику, направленную на укрепление линейного войска и тем самым расширяло военно-казачью колонизацию Северокавказского края.

Усиление феодальной эксплуатации во второй половине XVIII в. привело к увеличению числа побегов на Кавказ крестьян из внутренних губерний России. Стремление попасть сюда еще больше усилилось с началом массовой колонизации. Правительство иногда даже поощряло оставление помещичьих крестьян на новых местах их жительства с выдачей их вла-

¹ ГАСК, ф. 406, д. 41, л. 3.

² Могилевцев Н. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска. — Кубанский сборник., т. 3. Екатеринбург, 1894, с. 13.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 574, л. 2.

⁴ Там же, д. 669, л. 2.

дельцам за это рекрутских квитанций (1788, 1789, 1801 г.)¹. Это отступление от принятых законов и правил объясняется почти полной невозможностью возвращать беглых с далекого Кавказа, стремлением заселить хотя бы в незначительной степени все еще пустующий край и, наконец, нежеланием возвращать наиболее «беспокойную» часть населения, которая была социально опасной для самодержавно-дворянской империи, особенно в центральных губерниях. Желание избавиться от крепостной неволи помогало беглым преодолевать огромные расстояния на пути к кавказским землям, где, как они надеялись, их ждала свобода.

Поток беглых иной раз принимал невиданный размах. Так, в 30-х годах XIX в. 1200 воронежских крестьян были остановлены на Дону и возвращены на прежние места жительства. В 1847 г. приготовились к переселению на Кавказ около 20 тыс. крепостных из 46 селений Курской губернии. Этот поток был остановлен только вмешательством военной силы².

Итак, царское правительство, действуя в интересах господствующего класса — дворян, всегда принимало решительные меры к предотвращению побегов, однако остановить их не могло.

Огромную роль в освоении Предкавказья играли государственные крестьяне. Основными районами их расселения были Ставропольский, Александровский, Георгиевский, частично Моздокский и Кизлярский уезды Кавказской губернии.

Переселение государственных крестьян различных категорий (однодворцев, экономических, дворянских и др.) было неразрывно связано с интересами дворянско-крепостнического государства. В. И. Ленин отмечал, что «переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов...»³. Она проводилась в основном в центрально-черноземных губерниях, где земельная нужда все более ощущалась уже в конце XVIII в. Это было вместе с тем попыткой выйти

---

¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII в. и первой половине XIX в., т. 2, с. 227; его же. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1. Спб., 1881, с. 335; ГАСК, ф. 235, д. 104, л. 9—17, 27—31; ГААО, ф. 476, д. 481, л. 58—67; ф. 1, д. 208, л. 39—42; Труды Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. 5. Ставрополь, 1913, с. 3—18, I—X; ПСЗ, т. 22, № 16715; т. 23, № 16743; т. 24, № 14479.

² Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937, с. 49—50; Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1966, с. 254—255.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 328.

из кризиса феодально-крепостнических отношений, определившегося во второй четверти XIX в.

Вслед за казачеством, а часто и одновременно с ним, государственные крестьяне, осуществляя широкое экономическое освоение присоединенных земель, в том числе на Северном Кавказе¹, закрепляли здесь политическое господство Российского государства.

Переселение на окраины страны государственных крестьян формально носило добровольный характер, но практически основная масса крестьянства вынуждена была покидать родные места и искать пристанища на далеком Кавказе в результате утеснения в земле. Порядок раздачи земель на Кавказской линии был определен указами Сената от 22 декабря 1782 г., 24 июня и 18 декабря 1784 г.² Однако правительственное заселение северокавказских земель государственными крестьянами, как и раздача земель помещикам и казакам, началось значительно раньше официального учреждения Кавказского наместничества. Уже в 1784 г. в будущей Кавказской губернии насчитывалось 14 казенных селений³.

Создание Кавказского наместничества в 1785 г. открыло новый этап массового переселения государственных крестьян на Кавказ.

Учитывая военную обстановку, правительственные власти предпочитали заселять край отставными солдатами. Особое внимание уделялось Черкасскому тракту, который связывал Царицын с Кавказской линией. Число казенных селений с каждым годом увеличивалось. С 1784 г. было основано 8 селений, в 1785 г. еще 7, в 1786 г. — 16, в 1787 г. — 4 и в 1788 г. — одно⁴. Таким образом, только за 5 лет возникло 36 таких селений. Старейшими и наиболее крупными селами Кавказской губернии были: Михайловское, Старо-Марьевское, Палагиада в Ставропольском уезде. Их основали еще до открытия наместничества выходцы из Курской губернии.

Поток переселенцев на Кавказ быстро увеличивался. Этому в немалой степени способствовали льготы от несения налогов, предоставлявшиеся крестьянам. Сначала льготный срок составлял полтора года, в дальнейшем он был продлен до трех

¹ Кауфман Н. А. Переселение и колонизация. Спб., 1905, с. 5.

² ПСЗ, т. 22, № 16113, 16210.

³ Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. — Тр. Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. 5. Ставрополь, 1912, с. 6.

⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 2, с. 170.

и даже пяти лет. Однако все это делалось за счет увеличения налогов и повинностей крестьян, оставшихся на прежних местах жительства. Царское правительство строго охраняло интересы дворянского государства, не желая идти в этом отношении ни на какие уступки¹.

Количество переселенцев росло. В конце 1790 г. в губернии уже насчитывалось 41 селение, где проживало почти 39 тыс. чел. Среди них однодворцы составляли 24 667 чел. (63,3%), экономические крестьяне — 5 329 (13,9%), дворцовые крестьяне — 2 522 (6,9%), отставные солдаты — 1 588 (4%), ясашные солдаты, иностранные колонисты, «непомнящие родства», арстанты и пр. — 4 863 (12,5%)².

Правительство делало попытки с самого начала придать видимость организованности переселению на Кавказ и некоторой заботы о переселенцах. В действительности же переселение с самого начала стало принимать крайне запутанный характер³. Несмотря на наличие свободных земель, в одних районах стало наблюдаться «стеснение», в связи с чем между селениями в землях производилось разбирательство, другие селения, напротив, настойчиво просили пополнить их людьми⁴.

Такое положение сохранялось и в дальнейшем. Несмотря на все попытки не допустить хаоса в деле переселения, он был так велик, что местные и центральные власти в 1812 г. запретили на некоторое время «прием в посылку» переселенцев⁵. И только в 1824 г. вновь было разрешено переселение туда государственных крестьян. Были утверждены новые специальные правила по переселению и наделению землей крестьян на новых местах⁶.

Кризис феодально-крепостнической системы, обезземеливание крестьян, проникновение капиталистических отношений в экономику страны заставляли царизм изыскивать новые возможности выхода из создавшегося тупика. Переселение значительного количества крестьян из малоземельных губерний и было одной из попыток выхода из нарастающего кризиса.

Новая значительная волна переселенческого движения государственных крестьян из внутренних губерний отмечалась

¹ ПСЗ, т. 21, № 15177; т. 39, № 29848 и др.; ГАСК, ф. 87, д. 5, л. 23—25, 40.

² ГАСК, ф. 235, д. 104, л. 31.

³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, с. 90.

⁴ Бентковский И. Село Безопасное. — Сборник сведений о Северном Кавказе, т. 2, 1909, с. 18; АКАК, т. 5, с. 306; ГААО, ф. 1, д. 124, л. 5—6.

⁵ Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. Краткий обзор Ставропольской губернии, с. 18; ПСЗ, т. 22, № 25150.

⁶ ПСЗ, т. 24, № 29848.

в 1824—1833 гг. В 1830 г. в Кавказской области насчитывалось уже 53 526 государственных крестьян.

Из 103 селений 78 были казенными (41—в Ставропольском, 32—в Георгиевском, 4—в Кизлярском и 1—в Моздокском округах)¹. Даже в голодный и засушливый 1833 г. сюда пришло в общей сложности 4 643 чел., хотя в это же время правительством было разрешено 40 тыс. ставропольских крестьян временно, до 1 мая 1834 г.², возвратиться на прежние места жительства во внутренние губернии России вследствие наступившего в Предкавказье голода.

Тем не менее поток переселенцев на Кавказ не ослабел и после 1833 г. Только за вторую половину апреля и первую половину мая 1836 г. Министерство финансов дало разрешение переселить в Кавказскую область еще 6 238 чел.³. Большинство переселенцев по-прежнему шло из Курской, Воронежской, Рязанской, Полтавской, Орловской губерний.

В 1845 г. в области уже насчитывалось 162 549 душ обоего пола государственных крестьян⁴. Их число еще больше возросло в конце 50-х годов XIX в., когда начался обратный процесс—процесс превращения казачьего населения в государственных крестьян, а станиц в селения. Война на Кавказе шла к концу, и царизм не нуждался больше в столь значительном контингенте казачества. Ему было гораздо выгоднее теперь увеличить число податного населения.

Положение казенных крестьян, переселившихся на Кавказ, особенно в начале заселения края, было крайне тяжелым. Большие опустошения казенным селениям приносили неурожаи, частые и разорительные нападения горцев и эпидемии холеры, чумы и других болезней. Особенно велики были бедствия в 1788—1789, 1809, 1816—1818, 1833—1834 гг.⁵.

Переселение государственных крестьян различных категорий имело огромное значение для присоединения Предкавказья, развития производительных сил этого края. Распашка бескрайних просторов богатых плодородных земель, разведе-

¹ ГАСК, ф. 79, д. 4070, л. 44—47; д. 982, л. 4; д. 589, л. 533—545.

² Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области. — «Ставропольские губернские ведомости», 1883, № 37; ГАСК, ф. 79, д. 1678, л. 21—22.

³ ГАСК, ф. 79, д. 1678, л. 231—248.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 389, л. 26.

⁵ Бентковский И. Кавказская губерния до преобразования в область (1804—1824). — «Ставропольские губернские ведомости», 1887, № 12; его же. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области. — «Ставропольские губернские ведомости», 1883, № 37; ГАСК, ф. 345, д. 104, год 1790, л. 57—58; ГАОО, ф. 476, д. 15, л. 26.

ние скота, закладка виноградников, садов, основание многочисленных сел, содействие развитию северокавказских народов — все это было результатом напряженного труда государственных крестьян — выходцев из внутренних губерний России. Переселенцы способствовали вовлечению этого края в орбиту общероссийского государственного оборота, содействовали приобщению народов, населявших его, к более передовым методам хозяйствования, передавая им все лучшее, что они знали. В то же время переселенцы использовали богатый опыт, накопленный местными жителями, в развитии своей экономики.

Нельзя, однако, не отметить, что государственные крестьяне вместе с другими группами населения на сравнительно свободных землях Предкавказья были менее зависимы от феодальных порядков. Это создавало более благоприятные, чем в Центральной России, условия для развития здесь капиталистических отношений.

Царизм, присоединяя новые районы Предкавказья, преследовал свои социально-классовые интересы, щедро жалую новые земли дворянству и устанавливая там крепостнические порядки. Процесс широкой раздачи земель Предкавказья начался еще в первой четверти XVIII в.¹

Среди получивших наделы было много представителей закавказского дворянства, местной знати, в лице которых царизм хотел обрести верных слуг и надежную опору в проведении своей колониальной политики на Кавказе. Особенно активно стала проводиться раздача кавказских земель дворянству после издания в 1782 г. именного указа Сенату «О раздаче желающим под поселение земель, составляющих обширную степь по линии Моздокской». Только за 22 года после опубликования этого указа здесь было роздано помещикам и другим лицам свыше 400 тыс. дес. лучших земель, а всего—623 300 дес.² Среди наиболее щедро одаренных земель значились представители крупной знати — князь А. Вяземский, графы Чернышевы, Безбородко, Воронцов и др.³

Раздача земель, хотя и в незначительных размерах, продолжалась также в первой половине XIX в.⁴

¹ Бентковский И. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. — «Ставропольские губернские ведомости», 1876, № 41.

² Там же.

³ Там же, 1884, № 30.

⁴ Крикунов В. П. Зарождение и развитие помещичьих имений в Ставропольской губернии в конце XVIII и первой половине XIX века. — Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та, вып. 4. Пятигорск, 1949, с. 129.

На полученные земли помещики переселяли крепостных крестьян из внутренних губерний (иногда специально покупали для этого крестьян) или же закрепощали ранее пришедших на эти земли беглых крестьян из различных губерний внутренней России. Первый способ использовали, как правило, крупные помещики — представители титулованной знати.

В середине XIX в. в Ставропольской губернии насчитывалось 8 288 душ мужского пола, в том числе в Пятигорском уезде — 5 838 (70,4%), в Кизлярском — 1 449 (17,4%) и Ставропольском — 1 001 (12,2%). Основная масса крепостных принадлежала небольшому числу владельцев. В 1857 г. только 10 помещиков (из 130) владели 6 205 крестьянами (более 80%). Из них трое имели по 500 и более крестьян и семеро от 101 до 500¹.

Наиболее крупные помещичьи имения были в Георгиевском уезде — у графа Воронцова (с. Александровка), Скаржинских (с. Бургон-Маджары), братьев Калантаровых (с. Маслов-Кут), Реброва (с. Владимировка), и в Кизлярском уезде — у Вяземского, Всеволожских (Черный Рынок, Бекетей, Кумская и др.).

Во второй половине XVIII в. в Россию потянулся поток немецких и других колонистов. Царизм широко открывал для них двери и меньше всего думал о собственном народе, предоставлял иностранцам большие права и привилегии, наделяя их лучшими землями и угодьями.

Иммиграционная волна немецких, а затем и английских колонистов в конце XVIII и в начале XIX в. достигла и северокавказских земель. Правда, к этому времени она уже несколько ослабла, так как значительная часть колонистов еще раньше осела на Волге и в других районах страны. К тому же напряженность обстановки на Кавказе, связанная с длительной войной, пугала их.

Царское правительство, однако, не жалело средств и усилий для переселения колонистов в пределы Кавказской губернии. Создаваемые на окраинах немецкие и другие иностранные колонии с самого начала представляли собой замкнутые, обособленные селения, куда практически не допускались лица других национальностей, в том числе и русские. Колонисты получали лучшие земли в больших размерах, платили незначительные налоги и почти не несли повинностей, поэтому их хозяйства были богаче соседних поселений казаков, государственных и помещичьих крестьян.

¹ Крикунов В. П. Зарождение и развитие помещичьих имений в Ставропольской губернии в конце XVIII и первой половине XIX века. — Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та, вып. 4, с. 129.

Искусственно создавались условия, направленные на противопоставление иностранных колонистов различным группам русских и украинских переселенцев. У иностранных колонистов воспитывалось определенное чувство превосходства над русскими, украинскими крестьянами и казаками. Царизм пользовался этим как своего рода социальным противовесом. Будучи обособленными и замкнутыми, иностранные колонии на Северном Кавказе, как и в большинстве других районов, не только не стремились к распространению своего опыта хозяйствования, но даже всячески препятствовали этому.

Указами от 27 октября 1778 г., 9 мая 1785 г.¹, манифестом от 24 июля 1785 г.² колонистам представлялись большие льготы и преимущества при поселении в здешних местах. Однако первые колонисты (347 чел.) появились в районе Старых Маджар лишь в 1789 г.³

Летом 1801 г. было удовлетворено желание шотландских миссионеров Бронтон и Петерсона поселиться в районе крепости Константиногорской. Им выделили необходимый участок земли, разрешили покупать горских мальчиков и девочек с целью обращения их в христианскую веру. В конце 1802 г. местные власти сообщили в Петербург, что миссионеры уже поселились в районе Бештовых гор, в Султанском ауле⁴. В колонии в 1813 г. насчитывалось 166 жителей: 26 британцев, 17 горцев, обращенных в христианство, и 123 немца. Положение шотландской колонии становилось все более затруднительным. Продолжавшиеся внутренние споры и разорительные нападения горцев привели ее к полному расстройству. Многие шотландские миссионеры возвратились за границу⁵. В 1835 г. шотландская колония перестала существовать.

В 30-х годах XIX в. и позже, по данным палаты государственных имуществ, в Пятигорском округе насчитывалось три колонии иностранцев: Константиновская, Николаевская и Шотландская, расположенные вокруг уездного центра⁶. Колонисты, в основном немцы, главное внимание уделяли развитию огородничества, садоводства, табаководства, различным ремеслам и частично хлебопашеству и скотоводству. Все это продавалось населению и приезжавшим на лечение на Кавказские Минеральные Воды.

¹ Хачапуридзе Г. В. К истории Грузии в первой половине XIX в. Тбилиси, 1950, с. 140; ПСЗ, т. 20, № 14814; т. 22, № 16194.

² ПСЗ, т. 22, № 16226.

³ ГАСК, ф. 235, л. 104, год 1797, л. 9—17.

⁴ АКАК, т. 2, с. 926—927.

⁵ Там же, т. 5, с. 909—910; т. 7, с. 931.

⁶ ГАСК, ф. 55, л. 820, л. 1—2.

Иностранные колонии заметной роли в хозяйственно-экономической жизни Северокавказского края не играли. Все надежды правительства укрепить их положение, создать прочную опору для себя в этом крае не оправдались. Своими действиями они практически не только не содействовали сближению горцев с русским населением, а, напротив, мешали и противились этому. Их деятельность среди горцев нередко носила скрытый антирусский характер. Говоря о шотландских колонистах, кавказский губернатор в 1841 г. справедливо замечал, что они «не перенесли из своей родины образцов улучшенного хозяйства»¹.

Колонизация новых районов объективно носила положительный характер, результаты освоения новых земель имели огромное значение. Нельзя, конечно, забывать, что в то время все это делалось в интересах помещиков и дворянского государства в целом. Этому и была подчинена вся система переселения крестьянства из внутренних губерний России на окраины, в том числе и на Кавказ. Безусловно, если бы при переселении преследовались интересы народных масс, то результаты его были бы неизмеримо значительнее. «Нет сомнения,— писал впоследствии В. И. Ленин,— что при правильной организации переселения она могла бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России»².

§ 6. Начало заселения кубанских земель в XVIII — первой половине XIX века

Первые поселения славян на кубанских землях относятся к раннему средневековью. Переселение происходило в виде мирной крестьянской колонизации и в форме передвижения дружины³.

В период образования Российского централизованного многонационального государства проникновение русских людей на Северный Кавказ принимает более широкие масштабы.

Кабардинские и черкесские племена вступили в дружеские отношения с Московской Русью до расселения донских казаков по Тереку. Этому способствовала жестокая эксплуатация горских племен Закубанья со стороны Турции и ее вассалов —

¹ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1494, л. 32—33; ср.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1956, с. 58.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 235.

³ Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани. Симферополь, 1952.

крымских ханов. Кабардинцы и черкесы (бесленевцы, темиргоевцы и другие адыгейские племена) искали защиты у Москвы, а в 1557 г. они заявили о добровольном присоединении к Российскому государству. Адыго-русские связи окрепли и в Ливонскую войну (1558—1583 гг.) переросли в боевое содружество. Многолюдные конные дружины адыгейских и кабардинских князей участвовали в походе на Ливонию в составе 40-тысячной русской армии¹. В 1560 г. московский царь Иван Грозный сочетался браком с Марией Темрюковной — дочерью кабардинского князя Темрюка Айдаровича, происходившего из рода темиргоевских князей Давкони.

С конца XVII в. Россия начала военные действия против Турции. Кубань уже тогда стала рубежом, который разграничивал сферы политического влияния двух соперничавших держав. Во время Прутского похода Петр I послал русские войска в район Северо-Западного Кавказа. В августе 1711 г. регулярные части русских войск под командованием И. М. Апраксина совершили рейд против Кубанских татар, постоянно нападавших на города и села Северного Кавказа, Украины и Южной России. Войска хана Нурадына были разгромлены. Больше 20 тыс. татар попало в плен. Солдаты Апраксина разбили также отряд Кубанских мурз и татар, возвращавшийся из грабительского набега на Саратовский и Пензенский уезды, освободив при этом группу русских, захваченных в плен татарами. Апраксин овладел Копылом (ныне Славянск-на-Кубани), главным городом Кубанских татар, удобно расположенным у разделения р. Кубани на два рукава — азовский и черноморский².

К этому времени на Кубани расселились 1 000 семей донских казаков атамана Некрасова, принимавших участие в восстании К. Булавина и перебравшихся сюда, спасаясь от репрессий царских карателей³. Некрасовцы выстроили в низовьях Кубани три городка — Голубинский, Блудиловский, Чирянский — и один городок в устье реки Лабы на месте нынешней ст-цы Некрасовской. Переселенцы занимались здесь охотой и рыбной ловлей. В русско-турецкую войну 1768—1774 гг. не-

¹ Аутлев П. У. Из истории адыго-русского боевого содружества. — Учен. зап. Адггейского пед. ин-та, т. 23. Майкоп, 1971, с. 140.

² ШГАДА, ф. «Сношения с Турцией», оп. 1, д. 1711, № 5, л. 3—37; Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 11, вып. 2. М., 1964, с. 304—305; 599; «Военный сборник», 1867, № 3, отд. 2, с. 41—42.

³ Недосекин В. И. Новые данные о Булавином восстании. — «Советские архивы», 1967, № 3; его же. Полковник булавиновского войска Иван Лоскут. — «Вопросы истории», 1969, № 8.

красовцы вынуждены были уйти на левую сторону Кубани. По Кючук-Кайнарджийскому договору Турция уступила России Тамань, русская граница на юге проходила по течению реки Кубани.

В 1777—1778 гг. А. В. Суворов, командовавший Кубанским корпусом, укрепил южно-русскую границу против набегов горцев. Суворов разработал план пограничных укреплений, вытекавший из сложившейся здесь системы обороны. Базой для Кубанского корпуса русских военных сил был Копыль. Полководец наметил главные и второстепенные посты так, чтобы русские войска задерживали прорывы горцев в степную сторону Прикубанья, не утомляя людей и лошадей частыми и усиленными разъездами¹. Суворов намечал также возвести новые укрепления по левой стороне Кубани, связав их с постами правобережья. Расположение «хорошего шанца на собственном грунте черкесов, — по словам полководца, — будет сдерживать их порыв к набегам». Но инициатива его не всегда встречала поддержку со стороны властей².

Суворов интересовался также жизнью некрасовцев в Закубанье. Полководец узнал, что всего их в Адыгее насчитывается около 3 тыс. чел., под ружьем состояло от 600 до 800. Некрасовцы лишены были жилищ и бродили бесприютно в горах. Они выразили готовность жить спокойно и желание возвратиться на русскую сторону. Не получив положительного ответа, некрасовцы ушли с левобережной Кубани сначала в Закавказье, а затем в Турцию³.

За сравнительно короткий срок Суворов укрепил пограничную линию от Тамани до верховьев Кубани против рек Лабы, Урупа и далее до старой Терско-Моздокской линии. Было построено пять крепостей и 20 редутов.

По степным рекам Кирпили, Бейсугу и Ее, от крепости Павловской до Азовского моря протянулась вторая линия укреплений, состоявшая из редутов. Обе линии кубанских укреплений были вооружены артиллерией. Меры эти были вызваны тем, что турецкий султан, признав официально за русскими Северный Кавказ, фактически не хотел отказываться от притязаний на него. Подстрекаемый Англией, он продолжал интриги среди горских и ногайских племен. Турция посылала к ним своих эмиссаров, возбуждая у горцев и но-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 208, л. 32—33.

² Там же.

³ Только в 1962 г. их далекие потомки обрели свою Родину и возвратились на заветную землю своих предков. Сейчас они трудятся на колхозных полях Левокумского р-на Ставропольского края.

гайцев дух неповиновения России. При явной опасности военных столкновений с Турцией за Северо-Западный Кавказ А. В. Суворов мирным путем выселил ногайцев-кочевников с правобережной Кубани в Уральские степи.

Активное заселение Кубани казаками и пашенными крестьянами началось в конце XVIII — первой половине XIX в. Казаков К. Маркс приравнивал к крестьянскому среднему сословию, «сословию всадников», несших на границе государства военную службу в коннице¹. Черноморские казаки, как и другие отряды русских казаков, были плоть от плоти крестьянства, но прошли суровую школу полной опасностей жизни и создали свою военную организацию.

Первыми переселенцами на Кубани оказались запорожцы и добровольцы из свободных людей, набранных во время второй русско-турецкой войны в Екатеринославской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Воронежской и других губерниях для укомплектования казачьей гребной флотилии².

После заключения Ясского мира (1791 г.), когда окончательно установилась русская граница по р. Кубани, началось переселение из-за Буга запорожцев. Шли переселенцы двумя путями. Сперва кошевой атаман З. Чепига снарядил флотилию в составе 51 лодки и одной яхты, отправив на Таманский полуостров передовой отряд пеших черноморцев под командованием полковника С. Белого. Флотилия, обогнув Крымский полуостров, прибыла на Кубань 25 августа 1792 г. Сам же Чепига, оставив за Бугом конный и пеший полки, пошел на Кубань сухим путем со штабом, обозом и войском. Осенью 1792 г. он дошел до русского укрепления, расположенного в устье Еи, и остановился близ Ейского городка на зимовку. В 1793 г. из-за Буга с остальным войском прибыл на Кубань войсковой судья Антон Головатый. Последний донес в Петербург, что из-за Буга «перешло 17 000 душ мужского пола». Казаки расположили по правому берегу Кубани до устья Лаббы 22 сторожевых поста-кордона³. В 1802 г. на Кубани насчитывалось 23 579 казаков⁴. Военные поселения казаки обнесли плетневыми изгородями, земляным валом, по которому расставили пушки и огневые сигналы.

Войсковая администрация решила построить главный казачий город Екатеринодар в излучине Кубани на мысу, носив-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 63.

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 363, т. 1, л. 155—156 об.

³ Кубанский сборник, т. 13. Екатеринодар, 1894, с. 10.

⁴ Фелицын Е. Д. Статистические сведения о бывшем Черноморьи. Екатеринодар, б. г., с. 7.

шем название Карасунский кут. Осенью 1793 г. начались строительные работы «по-над рекой Кубанью».

В 1794 г. в степной части происходило размежевание новой войсковой территории и размещение на ней куреней по жребию. По жалованной грамоте Екатерины II от 30 июня 1792 г. Черноморскому казачьему войску в вечное владение передавались земли «на Тамане с окрестностями оной». Граница этой территории проходила по р. Кубани от ее устья у Черного моря до станицы Воронежской, а оттуда на 20 верст на восток через речку Кирпили до впадения реки Камышеватои в речку Челбасы и далее к северо-востоку на старую заставу у верховьев рек Плоской, Кавалерки, Грязной и Куго-Ее. Данная часть территории Северо-Западного Кавказа, отведенная под заселение казачьему войску, по правому берегу нижнего и среднего течения р. Кубани, получила название Черномории.

Северную границу Черномории составляли реки Куго-Ея и Ея до впадения последней в Ейский залив Азовского моря. Общая территория, отведенная Черноморским казакам на Кубани, равнялась почти 3 млн. десятин¹.

В конце 1794 г. в Черномории насчитывалось 40 казачих куреней. Одновременно стала заселяться старая Прикубанская линия от Усть-Лабы и выше по побережью р. Кубани до крепости Прочно-Окоп и сторожевой линии к теперешнему городу Ставрополю. По этой линии станицы основали донские казаки, которые несли сторожевую службу на Кубани. В 1794—1795 гг. ими построены станицы: Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская, Темижбекская и другие.

В 1801 г. в Черномории было уже два города, 42 куреня, 2762 двора, насчитывавших 32609 чел., в том числе 23474 мужчин и 9135 женщин (28%). Большинство населения Черномории состояло из мужчин-одиночек; семейных казаков было меньшинство. Неодинаковое соотношение полов заставило царские власти принять меры к укомплектованию Черномории не только мужским, но и женским населением. В 1809 г. министр внутренних дел указал екатеринославскому губернатору, чтобы «из числа семейств, желание свое к переселению объявивших, по уважению малого числа женского пола, ныне в Черноморском войске состоящего, предпочитать те, где более девок и вдов, в брак еще вступить могущих»².

Через три десятилетия количественное соотношение мужчин и женщин в Черномории почти уравнилось. Это положи-

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1161, л. 75.

² Фелицын Е. Д. Статистические сведения о бывшем Черномории, с. 9.

тельно сказалось на заселении и освоении края, развитии производительных сил в сельском хозяйстве. Постоянная боевая служба отвлекала казака от земледелия. Полевые и домашние работы лежали в основном на казачке — трудолюбивой и мужественной женщине. Нередко ей приходилось с оружием в руках храбро защищать свой курень от нападения горцев.

Царское правительство стремилось регулировать процесс заселения Кубани, делая ставку на перевод сюда крепостных крестьян по почину самих помещиков, предпочитая, однако, военно-казачью колонизацию крестьянской. Но практически невозможно было пресечь передвижение русских и украинских крестьян и приостановить организацию на Кубани свободных поселений.

Не оправдало себя переселение помещиками в Черноморию части принадлежащих им крестьян из центральных губерний России. Хотя число таких крестьян возросло к 1859 г. до 1 046 душ, но удельный вес их по отношению ко всему населению оставался незначительным (1,2%)¹. Крепостные крестьяне центральных губерний России продолжали бегги из имений своих владельцев и поселялись на кубанских землях. Кавказский наместник князь М. Воронцов в 1847 г. писал в Петербург, что все усилия остановить бегги крепостных на Кавказ и возвратить помещикам их крестьян «не всегда сопрождаются успешным исполнением»². Часть беглых крепостных крестьян, выдававших себя за казаков, власти вылавливали и отправляли их владельцам. В годы правления атамана Буерака, например, из Черномории в разные уезды России было возвращено 670 чел.³

Кавказ казался беглым той обетованной землей, которая даст им вольную жизнь. Но первые же соприкосновения с действительностью приносили разочарование.

«Как ни радовали глаз привольные степи,—писал А. В. Фадеев,— но в них не текли молочные реки в кисельных берегах»⁴.

Преодолев тысячеверстное пространство, переселенцы сразу же должны были поднимать целину. Нередко они теряли в пути орудия труда и тягловую силу, но они не могли рассчитывать на помощь государства. Только немедленное освоение целинных земель могло обеспечить им существование.

¹ Кубанский сборник. Екатеринодар, т. 7, с. 82.

² ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, д. 683, л. 10—11.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 429, т. 1. «О розыске в войске людей, бежавших из разных мест и выдающих себя за казаков», л. 1—201.

⁴ Фадеев А. В. Очерки экономического развития Черномории, с. 68.

При получении в собственность земельного участка в при-вольных степях Кубани переселенцы также встречали немалые препятствия.

Еще до юридического выделения земли казачьему поселению войсковые старшины постарались захватить самые удобные места под свои хутора с приречными левадами, лучшие рыболовные угодья по рекам, лиманам и Азовскому морю!

В январе 1794 г. казачья старшина особым актом, получившим название «Порядок общей пользы», закрепила свое привилегированное имущественное и правовое положение в Черноморском войске. Земельные владения старшин и казачьей верхушки по этому акту являлись отныне неприкосновенными. Старшине Черномории выдавались «Открытые листы» (дипломы) с тем, чтобы до их земельных владений, «кроме хозяина и законного их наследия ко владению, никто права не имел, да и землею не утеснял»¹.

Таким образом, казачья старшина захватывала землю в свою собственность. Рядовые казаки и крестьяне-переселенцы не могли воспользоваться правом неограниченной заимки. Многие из переселенцев не получили в Черномории обещанных прав на землю и превратились в кабальных работников в имениях старшин.

О темпах заселения Черномории русскими и украинскими крестьянами свидетельствует ведомость о числе дворов в г. Екатеринодаре и округах за 1825, 1826, 1827 гг. В г. Екатеринодаре и округах насчитывалось соответственно 1 261, 1 288, 1 341 дворов. За три года в городе было построено 80 новых дворов. Возрастало также число дворов в округах Черномории: в 1825 г. насчитывалось 15 366 дворов, в 1826 — 16 789, в 1827 — 16 833 двора².

Общее количество дворов в Черномории за трехлетний период возросло на 1 167 единиц. В 1840 г. в Черномории насчитывалось уже 20 244 двора и 1 954 хутора³. По всему краю от станиц потянулись в глубь кубанских степей, вдоль рек и балок хутора. Хуторская форма заселения и освоения кубанских земель вызвала ожесточенную борьбу между станичными жителями и хуторянами, а внутри хуторов — между казаками и чиновниками. Даже статистические описания, представлявшие казачье войско как единое сословие, не могли скрыть того факта, что только старшина Черномории, «пользуясь излишеством степи и воды в юртовых землях», селится

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2830, л. 7—7 об.

² Там же, д. 1397, л. 48—50.

³ Там же, д. 1599, л. 30—31.

хуторами. Рядовые казаки, как правило, не имевшие материальной возможности заниматься животноводством или распашкой целинных земель Кубани, жили в станицах¹.

В 1843 г. общая численность населения по трем округам Черномории составляла 122 344 души обоего пола².

При этом в Таманском округе проживало 40 612 чел., в том числе 22 482 мужчины и 18 130 женщин; в Екатеринодарском — 42 512, 22 913 и 19 599 и в Ейском — 39 220, 20 963 и 18 257 чел. соответственно. К 1860 г. население Черномории возросло уже до 172 317 чел., причем женщины составляли 49,1% этой цифры.

Следовательно, за 50 лет (1792—1842 гг.) общая численность населения Черномории увеличилась на 97 344 чел., а за последние 17 лет перед реформой 1861 г. — почти на 50 тыс. чел. Весь дореформенный период население Черномории росло главным образом за счет переселенцев из центральных черноземных губерний России и Украины. Вопреки националистической легенде население кубанских земель «истыми запорожцами» составляло только 30%, на долю «добровольных охотников» приходилось 40%, остальные относились к «свободным» людям, примкнувшим еще к отрядам Чепиги и Головатого в причерноморских и азовских степях³.

Таким образом, с конца XVIII в. началось активное заселение кубанских земель. Оно продолжалось и в первой половине XIX столетия. В сложных условиях военного положения черноморские казаки и пашенные крестьяне закрепили за Россией и освоили для современной цивилизации огромную территорию плодородных земель.

¹ ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 359.

² Там же, ф. 249, оп. 1, д. 1706, л. 11, 51.

³ Там же, д. 363, т. 1, л. 1155—1156 об.; 182—182 об.; см. также: Бентковский И. Заселение Черномории с 1792 по 1826 гг. Екатеринодар, 1881, с. 20; Фадеев А. В. Очерки экономического развития Черномории, с. 37—38.

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДОНА
И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ****§ 1. Характеристика сельского хозяйства
на Дону в XVIII веке**

Необозримые просторы богатых и плодородных донских степей, где еще не было феодально-крепостнического угнетения, привлекали переселенцев из Великороссии и Украины еще в XVI в. Однако условия их существования на Дону долгое время были крайне тяжелыми. Почти до конца XVII в. казакам приходилось отстаивать право на жизнь в непрерывной борьбе с соседями, вследствие этого небольшое по численности население Донского края не имело возможности перейти к оседлой жизни земледельцев и вынуждено было довольствоваться иными источниками существования.

Одним из таких источников являлась военная добыча. При крайне низком уровне развития производительных сил морские и отчасти сухопутные набеги на соседние племена и государства становились своего рода промыслом, обеспечивающим существование казачества.

Во время морских и степных походов многие казаки погибали. Но те, которые оставались в живых, возвращались на Дон с огромной добычей: у татар и ногайцев они отбивали табуны лошадей и гурты скота; из Крыма и Турции привозили одежду («зипуны»), оружие, драгоценности и пленных («ясырь»)¹. Значительные средства, добытые таким способом, использовались казаками для приобретения оружия, боеприпасов, одежды, охотничьих и рыболовных снастей и т. п. Однако постепенно на долю каждого рядового казака приходилось все меньше военной добычи, большую ее часть захва-

---

¹ ДД, кн. 4, стб. 541—542; кн. 5, стб. 46—53, 255, 509.

тывали атаманы и старшины, часто они сами и не ходили в походы, а ссужали рядовых казаков лошадьми, оружием и боеприпасами, получая за это одну треть и даже половину привезенной добычи.

Однако военные походы, дававшие в некоторых случаях огромную добычу и обогащавшие отдельных казаков, не могли быть источником регулярного обеспечения их оружием, деньгами, боеприпасами, одеждой и хлебом. Все это они получали в виде царского жалованья¹. Тем не менее уже во второй половине XVII в., в связи с резким увеличением населения на Дону, царское жалованье стало выдаваться только «добрым и старым казакам, которые в городах живут и служат давно», вновь прибывшие совсем ничего не получали, а из верховных — только те, кто являлся на службу в Главное Войско². Мало того, вследствие социальных перемен, происшедших на Дону в XVII в., большая часть жалованья оказывалась в руках старшин, «яко отцов и наставников народа», а рядовые казаки вынуждены были делить между собой меньшую часть.

Военная добыча и царское жалованье не могли удовлетворить всех потребностей казаков. Поэтому с самого начала существования казачества на Дону большое значение имела также собственно хозяйственная, производительная их деятельность.

Важную роль в жизни казаков в XVI и XVII в. играли рыболовство, охота и другие подсобные промыслы, например бортничество³.

Очень рано возникло на Дону скотоводство. Его зарождение было связано с военными походами казаков, из которых они часто возвращались с большими табунами лошадей и гуртами скота, отбитыми у турок, татар, ногайцев⁴. Развитию скотоводства благоприятствовали природные условия края.

Однако историческая обстановка на Дону в XVI и XVII вв. препятствовала нормальному развитию скотоводства. Опасаясь беспрестанных набегов со стороны кочевников, казаки

¹ Загоревский В. П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII в. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961, с. 141—147.

² ЦГАДА, ф. 111, оп. 1; ДД, 1674, № 7, л. 3; ДК, № 21, л. 32—33; ДАИ, т. 12, № 17, с. 291.

³ ДД, кн. 2, стб. 64; ЦГАДА, ф. 111, оп. 1; ДД, кн. 3, стб. 820; кн. 4, стб. 883.

⁴ Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, издавшая А. Корниловцем. СПб., 1824, с. 81.

не имели возможности пасти скот там, где это было удобно: как правило, по словам В. Д. Сухорукова, «стада и табуны стереглись на островах или между лесом и болотами, куда почти не было пути»¹.

Долгое время казаки не имели сил для предотвращения опустошительных набегов кочевников, угонявших у них табуны коней и гурты скота.

К этому надо добавить, что занятые главным образом военными делами, казаки не могли уделять достаточного внимания скотоводству. Сопровождаемые небольшим числом пастухов, с ранней весны до снежных заносов бродили стада по донским степям, питаясь подножным кормом. Только на периоды вьюг и метелей их загоняли в базы и подкармливали сеном. Таким образом, в течение всего года скот находился под открытым небом, испытывая недостаток в хороших кормах, чистой воде и т. п., а все это вызывало частые болезни скота, с которыми к тому же почти не умели бороться.

Такова была хозяйственная деятельность казаков в XVI и XVII в.

Однако уже во второй половине XVII в. становилось все более ясным, что старые источники (охота, рыболовство и пр.) не могли обеспечить существование казачества. Военные походы и царское жалованье из средства обеспечения жизни рядовых казаков превратились главным образом в способ обогащения казачьей верхушки. К тому же совершать походы вниз по Дону с середины XVII в. стало очень трудно. Этому препятствовала прежде всего Турция. А так как русское правительство, занятое войнами со Швецией и Польшей, не желало обострять отношений со своими соседями на юге, то и оно не поощряло военных походов донских казаков².

Значительно ухудшились условия для рыбной ловли. Вновь захватив Азов в 1642 г., турки не только вытеснили казаков с морского побережья и низовьев Дона, но стали перегораживать реку рыболовными сетями, препятствуя проходу рыбы вверх по Дону. Это лишало казаков по существу главного источника существования и нередко приводило даже к голоду³.

Трудности в обеспечении жизни казаков стали особенно заметными в последней трети XVII в., потому что в это время резко увеличился приток на Дон новых людей. Оседавшая в

¹ Сухоруков В. Д. Указ. соч., с. 6.

² Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955, с. 45.

³ ДД, кн. 3, стб. 820 и др.

Подонье масса обездоленного, главным образом крестьянского, населения оказалась в тяжелом положении. Из царского жалованья ей ничего не доставалось. Совершать военные грабительские походы стало теперь почти невозможно; к тому же новые переселенцы, приходившие на Дон с семьями и орудиями труда, не имели особого желания пускаться в подобные экспедиции. Рыболовный промысел с 1642 г. сократился и теперь плохо кормил казаков, а охота никогда не была надежным средством обеспечения жизни.

Новые поселенцы приходили на Дон со сложившимися уже привычками и потребностями. Там, где они жили прежде, основным источником их существования было земледелие. По словам войскового атамана Фрола Минаева, они были «к воинскому делу и звериной охоте, и к рыбной ловле не привычны, и ружья никакова при себе не имели». А так как в связи с приближением официальной государственной границы к земле донских казаков жители ее получали более надежную защиту от набегов разбойничьих отрядов из соседних государств и кочевых племен и, следовательно, условия для занятия земледелием стали более благоприятными, то вопреки всем прежним традициям донских казаков сначала новые поселенцы, а затем и остальные казаки стали усиленно распашивать целинные и плодородные донские земли.

Перемены произошли прежде всего в верховьях казачьего Дона, по среднему течению реки и на ее левых притоках, где уже в 80-х годах XVII в. скопилась огромная масса новых поселенцев. «Наперед же до сего, — доносил в 1685 г. тамбовский воевода в Москву, — по реке Хопру и по Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не севали, а важили хлеб из русских городов и кормились зверми и рыбою; а ныне де в тех городках они казаки завели пашню, и слыша то, что они казаки пашню пащут и хлеб сеют, дворовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне в бобыли и боярские холопы к ним казакам бегают»¹.

В 1687 г. пойманный на Дону раскольник Кузьма Косой на допросе в Посольском приказе показывал, что «родом де он города Ельца. Да и опроче де его, Куземки, по Медведице живут таких же, каков и он, множество, и будет всех и с малыми детьми тысячи с две или меньше... а живучи де они в тех местах, кормятся пашнею, сеют хлеб, и рыбною ловлею, и приезжают к ним из разных украинских городов с товары

---

¹ ДАИ, т. 12, № 17, с. 124.

многие торговые люди в летнее и в зимнее время, и, распродав товары, отъезжают назад»¹.

Почти в то же время быстро стало распространяться хлебопашество среди казаков, живущих на Донце и его притоках².

Войсковых старшин беспокоило то обстоятельство, что новые поселенцы с огромной энергией принялись за земледелие. Испугавшись, как бы «от таких воров и раскольников и людишек нератных и не промышленных, неславие и бесчестье на них атаманов и казаков и на все войско Донское не наносилось»³, войско в 1690 г. «приняло по всем городкам войсковой свой приговор, чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, то бить до смерти и грабить, и кто за такое ослушание кого убьет и ограбит, и на то суда не давать и кто хочет пахать, и те б шли в прежние свои места, кто где жил»⁴. Но и эти меры успеха не имели.

Переходя к характеристике земледелия на Дону в конце XVII—XVIII вв., необходимо прежде всего отметить наличие очень хороших природных условий для его развития. Являясь частью юго-восточной России, Донской край в целом представлял собой холмистую равнину, на огромном пространстве которой простирались привольные степи. Самая обширная степь расстилалась по левобережью Дона, от Медведицы на юг до Ставропольского края. Но и на остальной части Подонья местность в основном была степной.

Согласно «Краткому топографическому описанию земли войска Донского», составленному в начале XIX в. (1806 г.), «грунт земли» Донского края был самый «разнообразный»⁵. Как там отмечалось, на Дону было «довольно мест гористых, каменистых и хрящеватых», но преобладал чернозем, особенно богатый на юге и юго-западе, а также в северо-западной части Хоперского округа.

Обширные степи края прорезали только 9 крупных рек: и свыше 150 мелких речек. Кроме того здесь насчитывалось около 1 000 озер и лиманов. И в XVII и в XVIII вв. край был богат лесами. Поэтому при мягкости климата, продолжительном лете и осени и при короткой и теплой зиме Подонье не

¹ Дружинин В. Г. Раскол на Дону. Приложения. Спб., 1887, с. 273—274.

² ДАИ, т. 12, № 17, с. 208.

³ Там же, с. 127.

⁴ Расспросные речи атамана Фрола Минасва 6 февраля 1689 г. — В кн.: Историческое описание земли войска Донского, с. 389—390.

⁵ СОВДСК, вып. 9, с. 34—35.

испытывало обычных для последующего времени непрерывных и жгучих суховеев. Все это делало Донской край очень плодородным¹.

По данным «Статистического описания земли донских казаков», в 1822 г. из 14 203 204 дес. земли области войска Донского около 12 млн. дес. считалось совершенно удобной для хлебопашества².

Огромные просторы и богатая природа создавали благоприятные условия для развития земледелия. Однако ряд обстоятельств препятствовал этому. Хотя с конца XVII в. колонизация в центре Подонья шла несравненно быстрее, чем прежде, господствовавшие в центре страны крепостнические порядки тормозили ее, а это замедляло освоение плодородной юго-восточной окраины России. Те же, кто, поселившись на Дону, стал заниматься сельским хозяйством, должны были обладать необходимым количеством рабочего скота и орудий труда. Это было тем более важно, что земледельцам на Дону приходилось поднимать целинные земли, «облог» или «ковыль». Но основная масса старожилых казачества, а тем более новые поселенцы были крайне ограничены в средствах (например, для найма рабочей силы), а тягловой силы и орудий труда почти не имели. Следует добавить, что хлебопашество на Дону и в XVIII в. во многих местах велось под непрерывной угрозой разорительных набегов, буквально с оружием в руках. Казак Верхне-Курмоярской станицы, расположенной на среднем течении Дона, Е. Кательников писал, что еще в последней трети XVIII в. «полевые и сенокосные работы отправлялись всюю станицею в одних местах и в одно время при воинском оружии, под прикрытием дневночных разъездов, потому что татары и калмыки нечаянно нападали, грабили и убивали. Во время важной опасности посылаемы бывали из станицы старики со знаменами по полям и по покосам. Тогда жнецы и косцы обоего пола, увидевши знамя, бросали работу, сбегались в городок в осаду на остров, а потом сделанную вокруг церкви из деревянного тына на подобие острога, в котором по углам стояли пушки»³.

Но часто никакие меры предосторожности не помогали. Станицы подвергались разорению, поля — уничтожению, и после таких набегов казакам нередко приходилось запахивать земли заново, так и не собрав урожая.

¹ Шекатов А. Географический словарь Российского государства, ч. 2. М., 1804, с. 254—255.

² Статистическое описание земли донских казаков, с. 17.

³ Кательников Е. Указ. соч., с. 26.

Вследствие этих причин земледелие на Дону развивалось очень медленно. Находившийся на Дону в конце XVII в. адмирал К. Крейс отмечал, что «казаки едва столько сеют, сколько они думают, что на их семейство стать может; а земля так жирна, что они работою в полы (т. е. вполовину. — Авт.) против лежащих в других краях мест без всякого навозу более плода себе получить могут»¹.

Но вот прошло более ста лет. Значительно увеличались посевные площади, а уровень сельского хозяйства оставался по-прежнему низким, рутинным. В самом начале XIX в. другой иностранец — де-Романо — характеризовал его следующим образом: «Земля, занимаемая казаками, несмотря на благоприятный климат, производит очень мало сравнительно с тем, что могла бы производить: она почти совсем не обрабатывается; только для удовлетворения насущной потребности возделываются значительные участки ее, да и то не самими казаками, а крестьянами, беглецами и людьми, неведомо откуда пришедшими; в этом откровенно признаются сами казаки»².

Основные средства производства на протяжении XVIII в. оставались неизменными и крайне примитивными. Расселяясь по Донской земле, великороссы и украинцы распахивали землю теми орудиями труда, с которыми приходили на Дон. К тому же они обладали определенными навыками, которые изменить и при желании было нелегко. Среди выходцев с Украины наибольшее распространение имел большой плуг³. Это орудие, по словам современника, «столь тяжело действует, что по 6 и 8 быков должно под ним употреблять, которые с великим напряжением и очень тихо идут; к иному плугу меньше трех человек нельзя употреблять»⁴. Между тем казачья семья, во-первых, не располагала таким числом волов, имея в лучшем случае одну-две пары, а, во-вторых, почти никогда не имела налицо трех работников, так как большая часть мужчин находилась во всякого рода «раскомандированиях». Поэтому казакам приходилось «спрягаться»⁵.

Выходцы из Великороссии приносили с собой российскую

---

¹ Крейс К. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове. — «Отечественные записки», 1824, № 54, с. 51.

² Romano A. L. de Goup d'oeil philosophique, t. 3, p. 132.

³ Гильденштедт И. А. Дневник путешествия в Южную Россию в 1773—1774 гг. — Записки Одесского общества истории и древностей», т. 11. Одесса, 1879, с. 218.

⁴ Шафонский А. Топографическое описание Малороссии, сочиненное в 1786 г. Киев, 1851, с. 167.

⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 165, л. 28.

крестьянскую соху¹. При помощи ее земледельцы могли пахать, имея ограниченное количество рабочего скота, например только лошадей. Более того, как показал Д. К. Зеленин, соха, перекладывая почти треть работы на пахаря, значительно облегчала труд лошади, а это имело немаловажное значение при слабосильности рабочего скота².

Но соха была почти непригодна для вспашки степей, особенно целины. Поэтому постепенно на Дону плуг получал все более широкое распространение³.

Помимо плуга и сохи при пахоте применялось и более примитивное орудие — рало, сделанное в форме треугольника или бруса с большими деревянными зубьями⁴. Землю заволакивали боронами, обычно легкими, устроенными так примитивно, что работали только передние зубья, которые к тому же, как правило, были деревянными. Убирали хлеб косами, а часто даже серпами. При молотье использовались цеп, каменный и чугунный каток и доска; нередко на открытом току бросали снопы и по ним гоняли лошадей или волов, запряженных в нагруженный чем-либо воз, до тех пор пока зерно не обмолачивалось⁵.

Несовершенству сельскохозяйственных орудий соответствовала примитивная система земледелия и агротехника. На протяжении всего XVIII в. на Дону господствовало залежное полеводство. Один участок обрабатывался в течение двух-трех лет, затем его покидали на три-пять, а иногда и более лет и начинали обрабатывать другой.

До конца XVIII в. на Дону правильного севооборота не было. Обычно в первый год поле засевали просом или яровой пшеницей, на второй и третий годы — снова яровой пшеницей, а на четвертый год — овсом или ячменем.

При этом и при других применявшихся на Дону севооборотах сохранялась односторонняя культура хлебов и почва сильно истощалась. Главными сельскохозяйственными культурами являлись рожь, пшеница, просо и овес⁶. Пшеница,

¹ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 52—53; ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 2 об.; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия, с. 218.

² Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.

³ Статистическое описание земли донских казаков, с. 202.

⁴ Ср.: Топографическое описание Харьковского наместничества. М., 1788, с. 72—76.

⁵ Акты об устройстве станичных юртов. — СОВДСК, вып. 3, с. 133; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия..., с. 218.

⁶ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 703, л. 33 об.; д. 1052, л. 28—28 об.; ф. 339, оп. 1, д. 232, л. 5—47; д. 233, л. 23—39; ф. 341, оп. 2, ф. 14, л. 1—2, 5. G ü l d e n s t ä d t J. A. Reisen durch Russland. Bd. 1, S. 74, 104.

требовавшая более глубокой вспашки, удобрений и вообще лучшего ухода, долго не имела широкого распространения. Однако уже в середине XVIII в. ее начали возделывать более активно, а когда появились возможности ее сбыта не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, пшеница прочно утвердилась на Дону, особенно в южных районах¹. Возделывали также ячмень, главным образом на корм птицам и свиньям. Меньше сеяли горох и чечевицу, а гречиху, хотя и пытались привить, но почти до конца XVIII в. безуспешно².

Низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве ставил его в сильную зависимость от погодных условий. Это иногда приводило к крупным неурожаем³. Но и при этом Дон уже в XVIII в. был районом высоких урожаев по сравнению с другими районами крепостнической России. По данным П. И. Лященко, в целом для России XVIII в. по основным зерновым культурам (озимая рожь, пшеница, ячмень) в хорошие годы урожаи были «сам-3-4-5»⁴. В расположенном несколько севернее Подонья Курском наместничестве, считавшемся районом плодородным, урожай пшеницы был сам-5, ржи — сам-7, гороха — сам-7, конопли — сам-6, льна — сам-1^{1/2}⁵. На Дону же во второй половине XVIII в., по свидетельству современников, урожай пшеницы, ржи, овса и проса был «по меньшей мере сам-десять»⁶. Подобное количество зерна с десятины собирали только в степных уездах Украины⁷.

Высокие урожаи зерновых культур явились одной из главных причин быстрого распространения на Дону земледелия и превращения его в дальнейшей в ведущую отрасль народного хозяйства. Дон, живший долгое время за счет привозного хлеба, постепенно стал удовлетворять потребности значительно выросшего по численности населения собственным хлебом. Ярким свидетельством этого может быть положение, создавшееся в 1788 г. Неурожай и голод охватили почти всю

¹ СОВДСК, вып. 11, с. 35.

² ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 436, л. 9 об.; д. 1010, л. 4 об.; Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств, ч. 1. Спб., 1771, с. 241—242; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия, с. 218; ЦГАДА, ф. 62, оп. 194, д. 61, л. 132—134.

³ Пугачевщина, т. 2. Изд. Центрархива. М.—Л., 1929, с. 63—64; см. также: ЦГАДА, ф. 62, оп. 194, д. 61, л. 132—134.

⁴ Лященко П. И. Крепостное хозяйство России XVIII вв. — «Исторические записки», т. 15, М., 1945, с. 116.

⁵ Ларионов С. Описание Курского наместничества. М., 1786, с. 50.

⁶ Гильденштедт И. А. Дневник путешествия, с. 218.

⁷ Шайденский А. Указ, соч., с. 167.

Центральную и Южную Россию. Как отмечал М. Щербатов, «Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Белгородская, Тамбовская губернии и вся Малороссия претерпевают непомерный голод, едят солому, мякину, листья, сено, лебеду, но и сего уже недостает, ибо, к несчастью, и лебеда не родилась...»¹. На Дону тоже в этот год урожай был плохой. Обеспокоенное этим Войсковое правительство потребовало у сыскных начальств сведений о создавшемся положении. Вскоре были присланы ответы, из которых выяснилось, что хотя во многих станицах «хлеб родил пшеницы, ржи, ячменя и овсы весьма посредственные», а в некоторых даже «плохие», однако жители «сим хлебом через годовое время до будущего урожая продовольствоваться, хотя с нуждою, могут»².

Постепенно Донская земля превращалась в район, торгующий своим хлебом. Казаки, жившие в верховых станицах Дона, а также по Хопру и Медведице, где земледелие распространилось особенно быстро, уже в 30—40 годах XVIII в. широко торговали своим хлебом в низовых станицах, где хлебопашество было еще слабо развито³. Одновременно казаки верховых станиц продавали хлеб в центральных районах России⁴. В 80—90-х годах XVIII в. широко торговали хлебом казаки среднедонских⁵ и донецких станиц⁶. Начали торговать хлебом и казаки целого ряда станиц Нижнего Дона. Станицы, лежавшие «близь кочевовского Дербетева улуса», продавали хлеб калмыкам⁷. Особенно активно занимались торговлей хлебом старшины. Когда, например, в 1795 г. был неурожай, они предложили продать свой хлеб: Дмитрий Иловыйский «пшеничною мукою 300 кулей, каждый куль по 5 рублей 50 копеек», Василий Манков «400 кулей ценою без поставки 5 рублей», Андрей Сулин «жита и пшеницы 20 четвертей», Данила Ефремов — 30 четвертей, Степан Греков — 40 четвертей и т. д.⁸. По данным «Топографического описания» 1806 г., хлеб, производимый в Миусском, Аксайском и Первом Дон-

¹ Щербатов М. Соч., т. 1, Спб., 1796, с. 684.

² ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 234, л. 2, 4—4 об., 6; см. также: д. 232, л. 5—36; д. 233, л. 23—51 об.

³ Акты Лишина, т. 2, ч. 1, № 22, 23, 72, 119.

⁴ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 145, л. 5; см. также: ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, с. 112; Дмитриенко И. И. Опись казачьих дел Московского отделения общего архива Главного штаба. Спб., 1899, с. 184; ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 68, л. 1—10.

⁵ Болтин И. Хронография сарептских целительных вод. Спб., 1782, с. 119.

⁶ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 59.

⁷ Там же, ф. 339, оп. 1, д. 233, л. 7—7 об.

⁸ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1052, л. 28—28 об.

ском округах, широко сбывали «продажею по ближайшей удобности при Таганрогском порте»¹.

Все это свидетельствовало о том, что уже в конце XVIII в. на Дону, в первую очередь в старшинских хозяйствах, стало развиваться производство хлеба на продажу.

Другой важной отраслью хозяйства на Дону было степное животноводство. Во многих районах Подонья оно имело даже большее значение, чем земледелие. Это объясняется историческими условиями. При всей выгодности земледелия оно требовало упорного и тяжелого труда и не могло обходиться без мужской рабочей силы, между тем как уход за скотом могли обеспечить преимущественно женщины и дети. К тому же мягкость климата и плодородные степи Подонья с высокими травами обеспечивали скоту естественный корм большую часть года, так что казакам, особенно на юге, почти не приходилось заботиться о заготовке его на зиму.

В силу этих причин по мере уменьшения опасности набегов со стороны соседних государств и кочевых племен степное животноводство получило на Дону все более широкое распространение.

Были и другие факторы, способствовавшие развитию животноводства на Дону. Для несения службы казаки нуждались в конях. Добывать их прежним способом (путем набегов) в XVIII в. стало почти невозможным, поэтому приходилось разводить коней самим. Для обеспечения всем необходимым по службе казаки очень нуждались также и в денежных средствах. А скот был очень выгодным товаром. Если для провоза хлеба и рыбы нужно было затрачивать много тягловой силы и значительные денежные средства, то скот мог передвигаться своим ходом, а такой продукт животноводства, как шерсть, выгодно было даже перевозить. Все это определило широкое распространение и быстрое развитие на Дону животноводства, благодаря которому, по свидетельству «Топографического описания 1806 г.», казаки имели «главное свое пропитание и исправляют по службе»².

Находясь постоянно на военной службе, казаки не могли уделять много времени скотоводству. Основное бремя забот лежало на женщинах, ухаживавших за скотом с помощью детей. К тому же казачьи семьи не обладали необходимыми материальными средствами для устройства хозяйственных помещений, организации кормления животных заранее заготов-

¹ СОВДСК, вып. 11, с. 35.

² Там же, с. 36.

ленным сеном и т. п. Все это отрицательно сказывалось на развитии животноводства. При непрерывном росте количества скота на Дону и при распространении скотоводства по всей Донской земле, оно оставалось, как и в предыдущий период, экстенсивным. Но и при экстенсивном характере скотоводства, небольших вложениях средств и примитивном уходе за скотом условия для развития скотоводства были настолько благоприятны, что оно давало большие доходы.

Отличительной особенностью скотоводства у казаков являлось развитие тех его отраслей, которые при меньшем уходе за скотом давали наибольший приплод. Путешественники, находившиеся на Дону во второй половине XVIII в., видели у казаков много рогатого скота, свиней, домашней птицы¹. Почти в каждом хозяйстве имелись овцы, для разведения которых в донских степях были благоприятные условия, а в отдельных станицах овцеводство составляло главное занятие. В Усть-Медведицкой станице, по словам Гильденштедта, овцеводство было так широко развито, что «десяток овец продается от 7 до 8 рублей, причем еще покупатель имеет право выбирать себе, которые лучше. Подряд без выбора продают их от 5 до 6 рублей. Овец стригут здесь два раза в год, именно раннею весною и в середине сентября. Пуд шерсти здесь стоит 2 руб. или даже 2 р. 10 к., потому что она тоньше и мягче, чем шерсть северная, за последнюю редко платят больше 1 р. 20 коп.»². По словам того же путешественника, в Тепикинской станице, например, «очень большие овечьи стада» и «пуд шерсти продается за рубль»³. Широкою торговлю овцами и овечьей шерстью вели казаки Вешенской, Мигулинской и целого ряда других станиц⁴.

Очень активно разводили скот старшины и богатые казаки. Это было им выгодно, так как они обладали значительным количеством земель и денежных средств, но сравнительно малым числом рабочих рук. В 1773 г. у войскового атамана Ефремова имелось 346 голов рогатого скота, 674 овцы, 100 верблюдов и 3472 лошади⁵. В конце XVIII столетия у старшины Мартынова насчитывалось до 20 тыс. голов рогатого скота. Немало скота было и у других старшин⁶.

Еще более успешно в старшинских хозяйствах развивалось

¹ G ü l d e n s t ä d t J. A. Reisen durch Russland, Bd. 1, S. 104.

² Там же, с. 93.

³ Там же, с. 65.

⁴ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 2, л. 45 об.; оп. 3, д. 5, л. 7 об.

⁵ Материалы для истории войска Донского. — ТОВДСК, вып. 2, с. 62.

⁶ R o m a n o A. L. de Goup d'oeil philosoehigue, t. 2, p. 150.

коневодство. Оно возникло у казаков очень рано, но в XVI и XVII вв. не имело промыслового значения. Когда же казачество утвердилось на левом берегу Дона и Сальские степи, особенно удобные для коневодства, стали принадлежать Войску, старшины устремились туда и один за другим начали основывать конские заводы. В благоприятных условиях Сальских степей заводы росли очень быстро. В конце XVIII в., например, табун Платова достигал 4000 голов, вдове атамана Ефремова после смерти ее мужа осталось «лошадей до 10 тысяч», большие конские заводы были у старшин Краснощекова, Иловайских, Краснова и Орлова-Денисова¹.

Конские заводы занимались выведением строевых лошадей, которыми старшины торговали с большой для себя выгодой.

Третьей по значению отраслью хозяйства на Дону в XVIII в. являлось рыболовство. До тех пор, пока всей дельтой Дона и Приазовьем владели турки, казаки были лишены лучших рыболовных мест. Однако после вторичного взятия Азова русскими в 1736 г. казаки прочно закрепили их за собой². С этого времени на Нижнем Дону и в прилежащих к Азовскому морю местах (на морских косах и в чулеках) рыбная ловля стала «главным промыслом жителей»³. Но и во многих других районах земли донских казаков условия для рыбной ловли были очень хорошими. В материалах переписи 1764 г. отмечено, что богатые рыбою угодья имели казаки расположенных на Дону Ведерниковской, Иловинской, Казанской, Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой и Клецкой станиц. Из хоперских станиц прекрасными местами располагали Добринская, Михайловская, Слащевская, Кумылженская, Остроуховская, Букановская. Так, в юрте Кумылженской станицы имелась речка и 4 озера, в юрте Остроуховской — 6 озер, а в юрте Букановской — 12 богатых рыбою озер. Из медведицких станиц Островская имела для рыбной ловли 6 озер, из донецких — Луганская станица — 5, а Гундоровская — 24 озера⁴.

Большинство казаков ловили рыбу для собственного потребления. В таких случаях ловля производилась обычно в одиночку при помощи удочек, бредней, переметов, вентерей, сапеток. Зимой молодежь часто глушила рыбу, идя с топором

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 554; Romano A. L. de Goup d'oeil philosophique, t. 2, p. 150.

² ДОВ, 1902, № 145; Акты Лищина, т. 1, № 128—129, с. 194—202.

³ СОВДСК, вып. 11, с. 36 и др.; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1—9 об.

⁴ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105.

по тонкому льду и время от времени ударяя обухом по льду, после чего рыба всплывала брюхом кверху. Там, где казаки занимались ловлею рыбы с промысловой целью, они применяли невод. Один из таких неводов описан А. И. Гильденштедтом. Он имел «сто тридцать саженей длины и от трех до четырех саженей ширины». Были неводы и большие по размерам. Они стоили дорого (около 100 руб.), и работать с ними должно было не менее десяти казаков. Поэтому казакам приходилось объединяться в промысловые артели¹.

Однако немного рядовых казаков занималось промысловым рыболовством, так как они были крайне ограничены в средствах. Даже объединив свои усилия, они не могли приобрести всех снастей и инструментов, необходимых для ловли и обработки рыбы, потому что, по самым скромным подсчетам, стоимость невода равнялась 70—100 руб., баркаса — 15—20 руб. (а их требовалось несколько), на остальной же инвентарь (для ловли и обработки рыбы) нужно было затратить не менее 100 руб.

Но те, кто имел возможность вложить в рыболовство значительные капиталы, получали от него большой доход. Поэтому старшины и богатые казаки быстро захватили этот промысел в свои руки. Наиболее распространенным было взятие рыболовных мест на откуп. Старшины и богатые казаки проявили при этом такую энергию, что к середине XVIII в. почти по всему Дону лучшие рыболовные места оказались у них на откупе.

Как быстро росли рыболовецкие хозяйства старшин и богатых казаков, видно из описи, проведенной обер-комендантом крепости Дмитрия Ростовского в 1766 г., по которой значится на взморье 41 морской «завод» и 57 неводов и в низовьях Дона (до Черкаска) — 67 «заводов», частью с неводами (которых было 43)².

Рыболовецкие хозяйства старшин и богатых казаков, как правило, были крупными. Например, оборудование рыболовного завода, купленное 6 апреля 1771 г. казаком Средней станицы Степаном Стечкиным, стоило 493 руб., а проданный в 1799 г. донским казаком И. Чернышовым рыболовный завод при Ясенском гирле был оценен в 1 300 руб.³ Крупные и дорогостоящие рыболовецкие хозяйства были у отставного сот-

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 150—157; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, л. 59—71; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия, с. 192.

² Акты Лишина, т. 3, № 37, с. 69.

³ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 448, л. 9; Голобуцкий В. А. Черноморское казачество, с. 282.

ника Дурновской станицы Никиты Савилова и его сына Ивана, а также у целого ряда других старшин-откупщиков¹.

В таких хозяйствах широко использовался труд рабочих людей. В первой половине XVIII в. на Дону была очень распространена работа «с найма денежной заплаты», разумеется, на кабальных условиях, за долю от улова рыбы. На первых порах условия были сравнительно выгодными для рыболовов, так как владелец платил им «от прибýtка половинную часть денег». Выгодные условия привлекали в гирла Дона и Приазовье значительное число людей. Особенно много приходило украинских крестьян, пользовавшихся до 1783 г. правом свободного перехода. Сначала они нанимались на сезон, но затем многие из них оседали в низовьях Дона, работая по найму у разных владельцев. Здесь «вольных малороссиян» в 1763 г. застала перепись. Понимая, что приписка к владельцам влечет за собой закрепощение, многие «по вольности их... разошлись в другие места»². Однако большинству это сделать не удалось, и в 1764 г. было приписано к владельцам на территории от Большого Лога вниз до морских гирл 1106, а на морских косах — 1170 чел.³. С этого времени на рыболовецких предприятиях старшин и богатых казаков работа свободных людей все в большей мере вытеснилась трудом приписных.

В крупных рыболовецких хозяйствах богатых казаков и старшин рыбу ловили почти весь год (рыбная ловля делилась на зимнюю, весеннюю и меженную). При этом владельцы не стремились к немедленной продаже всей выловленной рыбы. Большую часть ее они оставляли для обработки на собственных «спетных» заводах. После улова рыбу немедленно сортировали; затем предназначенную для солки опускали в специальные солила на 6—9 дней. Часть рыбы сушили в специальных печах, при этом из печи вынимали весь жар, на горячий под клали сено, а на него — рыбу, которую держали таким образом несколько дней.

Особенно большого труда требовала обработка красной рыбы. Сначала ее «раздельвали», затем клали в специальные корыта и засыпали мелкой солью и селитрой. Через 10—12 дней ее вешали на высоте 3,5—4 м от пола в обнесенных специальными решетками помещениях, в которых она «спела» 2 месяца. Приготовленные таким образом спинку (балык) и брюшко (тешка) выгодно продавали.

¹ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, л. 1—2, 4 и др.

² Там же, л. 160 и др.

³ Там же, л. 3—263.

Славился Дон и изготовлением осетровой икры, которую, как и красную рыбу, старшины и богатые казаки продавали по дорогой цене, получая большие доходы.

Остальные отрасли сельского хозяйства на Дону в XVIII в. имели меньшее значение. Из них более развито было виноградарство. В Подонье оно существовало, по всей вероятности, еще с античных времен, а может быть и ранее. Однако в конце XVII в. виноградарство было почти забыто и только после посещения Дона Петром I стало быстро развиваться¹. Природные условия (климат и почва) в Подонье были очень благоприятны для виноградарства, особенно на юге. Поэтому, как только этот район оказался в сравнительной безопасности от набегов, тут быстро стало распространяться виноградарство. К концу XVIII в. виноградниками изобиловали станицы Цимлянская, Раздорская, Мелиховская, Золотовская, Кочетовская, Бессергеновская и Нижне-Чирская. Немало виноградников было в станицах, расположенных на Северском Донце в юртах Нижне- и Верхне-Кундрюченской и Усть-Быстринской станиц, в некоторых местах Миусского округа и в районе Черкаска². Было много и других пригодных для виноградарства мест, но в XVIII в. с этой целью они не использовались. Виноградники давали обильные урожаи. Большая часть винограда покупалась на месте немедленно «приезжими купцами для продажи по разным российским городам»³. Из остального, по словам де-Романо, делали «очень приятное вино, похожее на игристое шампанское, его несколько сортов. Лучшим считается цимлянское, но и раздорское не уступает ему»⁴. Однако в целом вино было невысокого качества⁵. Но так как оно стоило недорого, то быстро расходилось и имело спрос в Москве и во многих других русских городах⁶.

Природные условия Донского края были благоприятными и для садоводства и огородничества. По словам К. Крейса, на Нижнем Дону и в Приазовье фруктовые деревья столь плодovиты, что «без всякого присмотра или подгравления приносят разные качества яблок, груш, вишен, смородины и прочие плоды»⁷. В каждой станице у казаков имелись различные фруктовые сады. Особенно обширные сады тянулись от Ново-

¹ Броневский В. Л. История Донского войска, ч. 1, с. 283.

² СОВДСК, т. 11, с. 35.

³ Там же.

⁴ Романо А. L. de Goup d'oeil philosophique, t. 2, p. 138.

⁵ Гмелин С. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 254.

⁶ СОВДСК, вып. II, с. 35.

⁷ Крейс К. Указ. соч., с. 54.

черкасска по правому берегу Аксая до Аксайской станицы и по течению Мертвого Донца. На бахчах, которые имелись у каждого казака, росли превосходные дыни и арбузы, тыквы, огурцы, капуста, свекла, лук и петрушка. Садовые и бахчевые культуры не имели промыслового значения, но служили важными продуктами питания почти круглый год, особенно в летнее и осеннее время¹.

По сравнению с предшествующим периодом в XVIII в. значительно уменьшилась в хозяйственной жизни Дона роль лесного и охотничьего промыслов. Еще в XVII в. по берегам Хопра, Медведицы, Бузулука, Иловли тянулись большие и непроходимые леса. Немало их было в бассейнах Дона, Донца и Мисуса². Но в связи с быстрым ростом населения и хищническим уничтожением лесов, в XVIII в. они сильно поредели. Но и в таких условиях определенное значение в экономической жизни казачества продолжала сохранять охота. Как и в XVII в., большие группы казаков-«гулебщиков» время от времени уходили в глухие леса на Хопер, Бузулук, Иловлю и Медведицу для охоты на диких зверей и птиц³.

Там, где сохранились леса, важным промыслом казаков являлся сбор и заготовка дикорастущих плодов — лесных яблок (кислица), груш (дичка), вишен, терна, калины, малины, ежевики, шиповника и орехов⁴.

Мягкий климат и обширность полей и лугов создавали условия для развития на Дону пчеловодства. Но в XVIII в. большого распространения оно не получило: лесов становилось мало, посевы гречихи были ничтожны, а степные травы отцветали и сохли очень рано.

В целом сельское хозяйство на Дону прежде всего за счет скотоводства, а затем и земледелия, развивалось быстро. Из далекой пограничной полосы (Дикого поля), где господствовали самые примитивные формы хозяйства, в XVIII в. Подонье превратилось в составную часть Российской империи, которая по уровню развития производительных сил в сельском хозяйстве почти не отставала от остальной России⁵, а по темпам

¹ СОВДСК, вып. III, с. 36; Гмелин С. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 241, 269—270; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия, с. 218.

² См., например: Попов В. С. Материалы к истории войска Донского. — СОВДСК, вып. 12, с. 186—201.

³ Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII—XIX вв.). Степная зона и лесостепь. М., 1959, с. 71, 74, 78, 80—81, 91.

⁴ ГАРО, ф. 431, оп. 1, д. 27, л. 114—114 об.

⁵ Ср.: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство в России в XVIII в. — «Исторические записки», т. 15.

развития даже обгоняла ее. В результате этого Дон, живший ранее главным образом за счет привозных продуктов сельского хозяйства (особенно хлеба), стал теперь почти полностью обеспечивать себя ими.

§ 2. Развитие земледелия и сельскохозяйственных промыслов Приазовья в XVIII — начале XIX века

Развитие сельского хозяйства и промыслов в Приазовье в XVIII в. было связано с военно-политической обстановкой на юге России и в значительной степени подчинено требованиям этой обстановки, целям борьбы с турецкими захватчиками. Трудности сбора и доставки пищевых припасов в этот отдаленный от центра район заставили правительство обратить внимание на развитие земледелия в Приазовье.

Чтобы разрешить эту важную хозяйственную проблему, нужно было получить точные данные о сроках сева, подборе культур, орудиях, необходимых для обработки земли, и, наконец, об обеспечении десятинной пашни рабочей силой. Однако таких данных у местных жителей не было, так как редкое турецко-татарское население бежало из Приазовья в начале войны 1695—1696 гг., а в соседних низовых казачьих станицах земледелие еще не получило развития. Поэтому уже в 1700 г. под Азовом были организованы посевы для «опыту». По отчетам азовской администрации можно проследить рост запашки в Приазовье. Согласно отчету за 1700 г. предписывалось распахать 10 дес. земли и в удобное время засеять по 2 дес. пшеницей и ячменем, 1 дес. просом и 5 дес. овсом¹. Здесь же указывалось, какое количество семян нужно было высевать.

Этот отчет дает полное представление о первом опыте русского земледелия в Приазовье: о размерах запашки, сельскохозяйственных культурах, об урожае. Дальнейшие отчеты азовской администрации позволяют проследить рост запашки. В 1700 г. было вспахано 7 дес., в 1701 г. — 13, в 1702 г. — 77,5; в 1704 г. — 194, в 1707 г. — 1 000 дес.

Если в 1700 г. зерно для посева пришлось покупать в г. Изюме, то уже через несколько лет, по подсчетам А. А. Пушкиренко, максимальный сбор хлеба на десятинной пашне, расположенной в непосредственной близости от Азова и Таган-

¹ КЗТКМ, вып. 2, с. 138.

рога, составлял 10—15% годовой азовской и таганрогской продовольственной дачи¹. Вместе с ростом запашки быстро увеличилось и количество собираемого хлеба.

Кто же обрабатывал земли в Приазовье в этот период, каковы были орудия труда, как было организовано хозяйство и быт первых земледельцев?

Большинство их составляли так называемые пашенные крестьяне, которые были переведены из центральных районов России и обязаны «пашню пахать всю на великого государя». Так, в 1702 г. в Азов по императорскому указу были переведены «на вечное житье» посадские люди с членами семей — всего 4572 чел.² Кроме русских и украинцев, составивших основную группу земледельцев Приазовья в этот период, землю обрабатывали военнопленные: шведы, финны, латыши, часть которых была записана в пашенные крестьяне.

В процессе развития сельскохозяйственного производства в Приазовье соединились две земледельческие культуры: русская и украинская. Об этом свидетельствуют, в частности, орудия труда, которые здесь использовались крестьянами при вспашке земли. Так, в извлечении из «книги азовскому скотному двору и гумну» от 30 апреля 1703 г. читаем: «На том скотном дворе... семь лемехов железных плужных, девять отрезков плужных, шесть берцов железных плужных, 36 гвоздей длиной пол-аршина, шестеро клещей хомутовых, шесть плугов пахотных в целости, и в остатке осталось 12 пар сошных оглоблей».

Далее в документе приводится список пахотных крестьян, которым были розданы сохи и хомуты. «И всего вышеописанным крестьянам роздано 28 сох, из того числа у крестьянина у Осипа Логинова взята соха по приказу думного дворянина и воеводы С. Б. Ловчикова и отдана в Лютин старцу. Да вышеписанным же крестьянам дано на гужи и на починку сох по два пучка лыка на человека»³.

Такой примитивный характер сельскохозяйственных орудий затруднял развитие земледелия. Обстановка усложнялась из-за частых набегов турок, ногайцев, кубанских татар и др.⁴.

¹ ЖЗТКМ, вып. 2, с. 182.

² Там же, док. 47, с. 203.

³ Там же, с. 203.

⁴ Так, в результате нападения кубанских татар 23 мая 1705 г. под Азовом было взято в плен 53 чел., в том числе: 32 русских крестьянина, 15 шведов, убит 1 швед, отогнано 142 лошади, 253 быка, 12 овец, 1409 коров, 1033 теленка, 174 козы. Опустошительные набеги были произведены и в 1711 г.

Русское правительством предпринимало меры по развитию в Приазовье также животноводства, садоводства, огородничества, бахчеводства, пчеловодства, рыбных промыслов.

С присоединением в 1774 г. всего Приазовья к России набеги крымских и ногайских феодалов и турок прекратились. Наконец, сложились относительно благоприятные условия для заселения этих мест, развития здесь производительных сил, в первую очередь сельскохозяйственного производства.

Русские и украинские переселенцы, а позже греки и армяне, начиная здесь сельскохозяйственное производство, столкнулись с большими трудностями. Перед ними были безбрежные приазовские и задонские степи, которых сотни лет не касался плуг земледельца. Распахать твердые целинные земли, к тому же сплошь покрытые густой переплетающейся травой, было делом далеко не легким. Следует также учесть особенности климата, почвы, новые сроки сельскохозяйственных работ, налеты саранчи, эпидемические болезни (малярия, чума, холера), которые тут встретили переселенцы из центральных районов России. Для подъема целины требовалось несколько пар волов, которые бы тащили тяжелый плуг, или сильных лошадей для сохи, но переселенцы не всегда имели этот скот. Они обращались за помощью к помещикам и казачьей старшине и попадали в кабалу. Переселенцы привезли в Приазовье сельскохозяйственные культуры, которые они возделывали у себя на родине, частично использовали местные сорта. За короткий срок к началу XIX в. в Приазовье были распаханы огромные территории целинных степей.

Из 276 тыс. дес. удобной земли мариупольские греки распахали 40 тыс. дес. удобной земли, на 80 тыс. дес. производили сенокос, на остальной части земли пасли скот, следовательно, было распахано около $\frac{1}{7}$ части удобной земли. В армянских селах и больше всего в Миусском округе из 1 216 551 дес. под пашней находилось 343 128 дес., а под сенокосами 754 217, т. е. почти половина земли использовалась для сельского хозяйства¹. Всего в Приазовье в начале XIX в. было распахано 400 тыс. дес. земли, а проживало на этой территории около 100 тыс. чел.

Наибольшее количество земли обрабатывалось в Миусском округе (около 6 дес. на душу населения)². Этот показатель был выше, чем в соседней Таврической области. В соседних округах Войска Донского эта цифра не поднималась выше четы-

¹ ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 2, л. 298—306.

² Статистическое описание земли донских казаков, с. 198

рех, а иногда доходила до 1 дес. (Черкасский округ). От одной до двух десятин на душу населения обрабатывалось земли в армянских и греческих селениях.

Как видно из «Хозяйственных ведомостей», на Дону сеяли пшеницу, просо, ячмень, овес, в Миусском округе — рожь (армяне и греки ни рожь, ни гречиху не сеяли и в пищу не употребляли). Наиболее распространенной культурой в Миусском и соседних районах была пшеница (кубанка, голоколоска, горновка), гораздо меньшее значение имели просо, гречиха, горох, лен, конопля, еще меньшее — чечевица, фасоль, картофель¹.

На целинных землях, несмотря на самую примитивную систему обработки, без внесения искусственных удобрений, собирали очень высокие по сравнению с центральными губерниями страны урожаи. Так, по данным И. В. Сивкова, урожай зерновых культур в центре страны составляли (в «самах» от 3 до 3,2². По данным же «рапорта Мариупольского греческого суда», урожай в Мариупольском уезде в 1808—1809 гг. составил (в «самах»): пшеницы—5—6, овса—7, проса—17—25, а в Миусском округе—еще больше. Следовательно, урожаи в Приазовье в среднем были почти в два раза выше, чем в центральных губерниях России.

В исторической и экономической литературе не приводятся данные о количестве хлеба, которое получали в Приазовье в конце XVIII—начале XIX в. По данным «рапорта» и «ведомости», в Мариупольском уезде в первом десятилетии XIX в. собирали хлеба 56 тыс. четвертей, проса—6 854 четверти, ячменя—11 тыс. четвертей, овса—367, всего хлебов было собрано 67 тыс. четвертей. Исходя из того, что на одного человека в год требовалось 2 четверти и одну четверть нужно было оставить на посев для продажи, в этом районе оставалось не более 20 тыс. четвертей. Однако в армянских селениях, где хлебов собирали от 10 до 15 тыс. четвертей, избытка хлеба не было. Более того, часть хлеба даже покупали в Миусском округе и в греческих селениях. А всего в начале XIX в. Приазовье могло отправить на внутренние и внешние рынки не более 50—70 тыс. четвертей хлеба.

Кто же обрабатывал поля в Приазовье в этот период? В Миусском округе земли донских старшин обрабатывали крепостные крестьяне. Как сообщает «Статистическое описание», «... в

¹ Статистическое описание земли донских казаков, с. 199.

² Сивков И. В. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961, с. 21—32.

сем округе живут крестьяне чиновников и самая большая часть хлебопашества принадлежит их господам, кои наиболее сеют пшеницу»¹. В армянских и греческих селениях, в Ростовском уезде — в селениях государственных крестьян (Батайск, Койсуг, Кагальник и др.) земли обрабатывали сами крестьяне, но богатые использовали наемный труд². Сведения о значительном использовании наемной рабочей силы в селениях Мариупольских греков содержатся в прошении к Новороссийскому губернатору, в котором указывается, что «батраки из русских и украинских губерний доселе приходя многими толпами при произведении поденных работ и годовых услугений, выработывали немалые суммы, коими и пополняли зависящие на них казенные подати и казенные повинности»³. К сожалению, точный учет использования наемного труда в Приазовье в этот период отсутствовал⁴.

Но, если судить по документам о развитии земледелия в этот период, следует признать, что несмотря на применение наемного труда в сельском хозяйстве он имел еще в помещичьих имениях второстепенное значение, более значительна была его роль в прибрежных районах. Здесь, несмотря на тормозящее влияние крепостнических отношений, различных преград со стороны царской администрации, шел процесс складывания новых капиталистических отношений. Он выражался в быстром хозяйственном освоении новых территорий, в возникновении и росте новых отраслей сельского хозяйства, связанных с развитием промышленности (шелководство, овцеводство и др.), рыбных промыслов, в имущественном расслоении среди крестьян и, наконец, в применении наемного труда в земледелии и в различных промыслах.

В начале XIX в. в Приазовье ведущей отраслью хозяйства было животноводство, преваляровавшее над земледелием. Как известно, животноводство, особенно такие примитивные его формы, как степное — перегонное, требовало значительно меньше рабочей силы, чем пашенное земледелие. А в Приазовье не хватало рабочей силы.

Как отмечается в «Статистическом описании», казаки, «гораздо прежде, нежели получили... понятие о земледелии, обладали уже табунами лошадей и скота, в чем заключалось

¹ Статистическое описание земли донских казаков, с. 199.

² ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 2, л. 304.

³ Краткий обзор Мариупольского уезда. Мариуполь, 1884. с. 52.

⁴ О наемном труде в сельском хозяйстве, см.: Рашии А. Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX века. — «Исторические записки», т. 53, с. 185—190.

их главное богатство»¹. Занимались они и овцеводством, особенно в южных, юго-западных районах. Породы овец и крупного рогатого скота не отличались высоким качеством. В хозяйственных документах начала XIX в. упоминаются калмыцкая, русская, романовская, черкесская породы овец. Греки и армяне завезли в Приазовье крымских овец, но тоже невысокого качества. Несмотря на то, что животноводство в Приазовье зародилось сотни лет назад, уровень его в XVIII в. был крайне низким. Семь—восемь месяцев в году овцы и другой скот находились на подножном корму, и только в дождь и очень суровое зимнее время овцы содержались в примитивных овчарнях. По словам современника, «весьма немногие козьева содержат овчарни в сухости, оставляя их почти всю зиму без очищения, оттого во время дождливой осени и постоянной зимы овцы подвергаются болезням, а в начале весны много теряют шерсти»². Больше количество овец и другого скота погибало от болезней и бескормицы. Так, по сообщению Новороссийского генерал-губернатора в 1798 г. зимой пало 56 758 лошадей, 250 162 головы рогатого скота, 1 521 048 овец, а всего 1 827 968 голов³.

В доказательство плохого состояния овцеводства в Екатеринославском наместничестве экономист Бебер приводит такие данные: «Овцы, коих количество чрезвычайно велико, служат более на пищу, нежели для дальнейших экономических выгод. Мясо их действительно весьма вкусно, и как цена одной гуртом, только 2 рубля составляет, то легко думать можно, что оно место обыкновеннейших питательных средств занимает. Шерсть, напротив того, весьма-весьма убога, и того ради столь дешево, что за всю стрижку 22 копейки получить можно»⁴.

Попытки повысить уровень южного овцеводства делались неоднократно. Первая такая попытка относится еще к 1724 г., когда Петр I дал указание русскому посланнику при испанском дворе князю Сергею Голицыну купить мериносов⁵. В том же 1724 г. последовал указ о посылке в Силезию из мануфактур-коллегии майора Кологривова с двумя при нем молодыми дворянами и несколькими русскими овчарами для изучения: «...как там овец в летнее и зимнее время содержат, доволь-

¹ Статистическое описание земли донских казаков, с. 196.

² Там же, с. 197.

³ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 годах, с. 218.

⁴ Тр. ВЗО, т. 8, с. 113.

⁵ ПСЗ, т. 6, № 3017.

ствуют, стригут шерсть и в дело употребляют»¹. По возвращении из-за границы Кологривов был назначен начальником имевшихся в то время овчарных заводов, которые снабжали шерстью немногочисленные шерстяные фабрики. Особое внимание правительство уделяло развитию племенного овцеводства в Слободской Украине. Для этой губернии мануфактур-коллегия издала специальные правила о содержании овец и продаже шерсти на суконные фабрики². Но все усилия правительства создать племенное овцеводство не дали результата ни при Петре I, ни при его преемниках.

Только с конца XVIII — начала XIX в. наблюдаются значительные перемены в животноводческом хозяйстве юга России и особенно в овцеводстве³. Для изготовления тонких сукон шерсть местных пород овец не годилась. Поэтому приходилось за золото покупать за границей шерсть тонкорунных овец мериносов. К тому же наполеоновские войны нарушили регулярное снабжение России тонкорунной шерстью и тонким сукном. Это заставило Сенат вновь обратить внимание на разведение тонкорунных овец. Местом для этого избрали Таврические и Приазовские степи. Экспедиция государственного хозяйства разработала проект покупки за границей в Испании лучших испанских мериносов, так называемых «странствующих овец», требовавших сообразно со временем года переменных пастбищ. Предполагалось придерживаться такого же порядка и у нас, т. е. не устраивать постоянного завода, а делать его летом и зимой подвижным. В августе 1797 г. этот проект был утвержден правительством⁴. Но завезти овец из Испании сразу не удалось: этому помешала война с Наполеоном. Первое стадо испанских мериносов появилось в Таврической губернии только в 1803 г. Правительство всячески покровительствовало помещикам, которые взялись за разведение мериносов. В 1804 г. были утверждены правила для раздачи в южных губерниях казенных пустопорожных земель под овчарные заводы⁵.

За усиленное разведение мериносов хозяевам заводов обещали ордена и ценные подарки. В Приазовье помещикам, желавшим разводить тонкорунных овец, давалось из казенных земель по две десятины на овцу. Таганрогский градоначальник Попков, например, раздал 28 богатым армянам под овце-

¹ ПСЗ, т. 7, № 4459.

² Земледельческий журнал, 1828, № 23, с. 197.

³ Парфенов А. Исторический обзор мер правительства к развитию овцеводства в России. — Тр. ВЭО, т. 3, с. 108.

⁴ ПСЗ, т. 24, № 18092.

⁵ ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 226, л. 52—77.

водство и плантации 5 100 дес. в виде участков от 200 до 400 дес.¹ Владельцы хуторов должны были развести на участках в течение 10 лет овец испанской породы в количестве, соответствующем величине участка, но не менее одной овцы на десятину. Через некоторое время на хуторе Артема Халыбова было уже 1 500 овец, на остальных хуторах, вместе взятых, — 2 000 мериносов и 2 225 простых овец.

Большую часть земли для овцеводства получили представители титулованной знати (барон Штиглиц, князь Кочубей, помещик Синельников и др.). Но наряду с ними тонкорунным овцеводством занимались и государственные крестьяне или, как их называли в народе, «тавричане».

Для создания овчарных заводов правительство выделяло огромные участки земли до 35 тыс. дес.

За несколько десятков лет тонкорунное овцеводство распространилось на юге страны от Таврической губернии до Каспийского моря. В Приазовье особенно славились овчарные заводы помещика Шабельского. Мериносская овца в 20-х годах XIX в. стоила обычно 3 руб., а цена барана-производителя доходила до 150 руб.² В окрестностях городов Ростова, Таганрога, Азова тонкорунное овцеводство не получило широкого распространения, так как от продажи сена тут можно было выгрузить больше, чем от овец; кроме того, для овцеводства требовалось огромное количество земли, как тогда говорили: одна верста — одна овца.

В работах по истории Новороссии и Украины обычно не приводятся данные о количестве овец у поселенцев в Приазовье. В архиве Ростовской области нам удалось собрать сведения об овцеводстве в Приазовье в первые десятилетия XIX в. Так, по данным «Ведомостей о хозяйственных заведениях» и «Статистических описаний» в Миусском округе было 230 тыс. овец, в Мариупольском уезде — 31 тыс., в Армянском округе — 51 тыс., т. е. общее поголовье овец в Приазовье достигало 342 тыс.

Здесь разводились различные местные породы для получения мяса, сала и грубых сортов шерсти. Русская, калмыцкая овца давала в год до четырех фунтов шерсти, мериносы — до шести. Главным товаром овцеводства была шерсть. Причем пуд шерсти калмыцких и русских овец стоил 3—5 руб., а мериносов — 25—40 руб. В 20-х годах XIX в. в Приазовье получали от 50 до 60 тыс. пудов шерсти. Шерсть в большей своей

¹ ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 226, л. 62—77.

² ПСЗ, т. 11, № 3031.

части вывозилась в центральную Россию, и только с 1816 г. было разрешено продавать ее за границу. Часть шерсти употреблялась на выделку кустарным способом крестьянских су-кон, войлоков и др.

Уже в начале XIX в. шерсть Приазовья становится важным экспортным товаром. В первой четверти XIX в. на юго-востоке России было открыто около 10 шерстяных ярмарок (в том числе крупнейшая в Екатеринославе)¹. В Ростове создается большое количество шерстомоек, а в Нахичевани открывают огромные салганы (салогонки), где уже в начале XIX в. забивали десятки тысяч овец. Кожа, шерсть, овечьё сало шли за границу и в центральную Россию. Кроме шерсти и мяса овцеводство давало большое количество шкур и сала — сырья для кожевенной и свечной промышленности. Армяне — выходцы из Крыма — сумели создать во многих армянских поселениях от Нахичевани до Григориополя огромные салганы. В отличие от кочевников-ногайцев и крымских татар армяне сумели превратить овцу в товар. На армянских салганах обычно осенью убивали огромное количество овец и своих, и купленных у крымских татар и калмыков. Сало вытапливали, наливали в меха и отправляли в Константинополь. Так, по данным «Ведомости хозяйственных заведений»², в армянских селениях в 1809 г. было вытоплено 3 560 пудов сала, а в греческих — до 2 000 пудов; $\frac{9}{10}$ сала шло на продажу, а остальное потреблялось на месте в пищу.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий в Приазовье были достигнуты заметные успехи в развитии овцеводства.

В конце XVIII — начале XIX в. на юге России и в Приазовье наблюдается количественный и качественный рост не только овцеводства, но и других видов животноводства: коневодства и в меньшей степени — крупного рогатого скота. Именно в этот период появляется большое количество различных животноводческих заводов. В Мариупольском, а позже и в Ростовском уездах заводчиками были крупные помещики Ковалевские, Шабельские и др. Владели заводами также богатые армяне и греки. Например, несколько животноводческих заводов числилось в армянских и греческих селах Мариупольского уезда: в армянском селе Крым (на р. Темерник) и в греческих

---

¹ Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Под ред. Рожковой М. К. М., 1959, с. 17.

² ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 2, л. 34.

селениях Б. Янисала и Керменчик было три животноводческих завода¹.

В Миусском округе подобными заводами владели представители казачьей старшины. В начале XIX в. по всей земле войска Донского таких заводчиков было до 385 чел. У них насчитывалось свыше 80 тыс. лошадей, до 193 тыс. голов скота.

Коневодство издавна являлось традиционной отраслью хозяйства для Юго-Востока России. По данным исследователя И. Мардера, уже «в начале XVIII века, кроме Малороссии, которая могла поставить 60 тыс. лошадей для военных надобностей, на Дону также снаряжали с той же целью до 20 тыс. лошадей».

Большое количество лошадей было необходимо для кавалерии, обозов, для различных хозяйственных надобностей. По словам де-Романо, в начале XIX в. на Дону и в Приазовье «было много табунов лошадей всяких пород вследствие смеси донских жеребцов с персидскими, черкесскими, татарскими, турецкими и русскими матками. Казачьи лошади не сильны, не могут возить большие тяжести, но отличаются легкостью и быстротой»².

В Приазовье коневодство наиболее значительно было развито в Миусском округе, в хозяйствах казачьих старшин. Здесь в задонских степях выращивали лучших на всем Юго-Востоке России строевых лошадей для продажи в русскую конницу и за границу.

«Между Доном и Донцом до Кальмиуса, местах гористых и сухих при текущих водах, — говорилось в «Статистическом описании земли донских казаков», — содержатся лошади легкие, красивые, резвые: они имеют копыта высокие и крепкие, крупные, сильные, шею и голову несколько лучше и менее бывают подвержены болезням, когда отгоняются во внутрь России. В здешних табунах менее примеси заводских»³.

Славился конский завод М. И. Платова под тавром Р. Большие заводы в Приазовье имели также Д. И. Иловайский, Орлов-Денисов, Мартынов, Греков, Фомин и др.

Обычно лошади на таких конных заводах содержались табунами количеством до 200 голов. Почти круглый год они находились под открытым небом, а зимой добывали себе пищу из-под снега; только полтора-два месяца в зимовнике их под-

¹ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье, с. 220.

² Калмыков М. Черкасск и войско Донское в 1802 г. по описанию де-Романо. Новочеркасск, 1896, с. 25.

³ Статистическое описание земли донских казаков, с. 192.

кармливали заготовленным сеном. На такой табун требовалось 8 пастухов.

Строевые лошади продавались в начале XIX в. по цене от 100 до 200 руб. Доход такой табун (за вычетом стоимости сена, зарплаты пастухам) давал от 3 до 8 тыс. руб.

С начала XIX в. правительство обратило особое внимание на улучшение качества строевых лошадей. Об этом говорится, в частности, в специальном рескрипте Александра I от 21 декабря 1801 г. на имя атамана М. И. Платова: «Нахожу я весьма основательным положение о восстановлении собственных казачьих конских заводов, утверждаю сим все предложенные вами к тому средства»¹.

Для войсковых конских заводов было закуплено до тысячи племенных жеребцов и уже в начале 20-х годов XIX в. в Миусском округе поголовье лошадей превысило 20 тыс., большинство из которых были строевыми.

Таким образом, за сравнительно короткий срок земледелие и скотоводство достигли в Приазовье заметных успехов. Уже в начале XIX в. эти отрасли хозяйства все больше и больше приобретают торговый характер. Развитие торгового земледелия в южных районах страны способствовало быстрому экономическому освоению степей². Достигалось это за счет феодальной эксплуатации беднейшего крестьянства и многочисленных сезонных сельскохозяйственных работников. Основная часть пахотной земли, лучшие породы овец, табуны породистых коней и стада крупного рогатого скота оказались в руках помещиков, казачьей старшины и богатых переселенцев из числа армян и греков. Между тем положение крестьянской массы не только не улучшалось, а заметно ухудшилось, особенно к концу второго десятилетия XIX в.

Успехи сельскохозяйственного освоения Приазовья достались трудовому люду дорогой ценой. Многие из них погибли от болезней и голода, зачастую царская администрация не только не помогала переселенцам, а еще больше усугубляла их тяжелое положение различными поборами и притеснениями. Крепостническая система и социальный гнет душили всяческую инициативу и творческую мысль. Переселенцы в этих условиях не смогли подняться выше рутинной переложной системы. Они продолжали пользоваться на новой земле первобытными орудиями труда: серпом, косой, сохой и плугом (за-

¹ СОВДСК, вып. 13, с. 91.

² Золотов В. А. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX в. Ростов н/Д, 1963, с. 21.

частую деревянным). Хищническое ведение сельского хозяйства приводило к резкому снижению плодородия почвы и эрозии ее на больших площадях.

Характерная особенность развития земледелия и сельскохозяйственных промыслов Приазовья в XVIII—начале XIX в.—зарождение буржуазных отношений (наемный труд, возникновение и рост внутренней и внешней торговли). Это привело здесь к более быстрому развитию хозяйства, чем в центральных районах России, где в экономике сильны были пережитки феодализма.

§ 3. Сельское хозяйство Дона и Приазовья в первой половине XIX века

Характерной особенностью развития сельского хозяйства Дона и Приазовья в первой половине XIX в. являлся рост товарного производства в скотоводстве и особенно в земледелии. Близость азовских портов создавала широкие возможности для сбыта сельскохозяйственной продукции и прежде всего хлеба на внешнем рынке.

Один из очевидцев, побывавший на Дону и в Приазовье в начале 20-х годов прошлого столетия, писал: «Проезжая степные места в осеннее время от Полтавы через Новомосковск, Бахмут и Донские земли до Таганрога, нельзя не удивляться многочисленным стадам волов, быков, коров и овец и несчетному множеству скирдов сена. В местах же, обращенных в хлебопахотные поля, скирды с хлебом разного рода в селениях и в поле представляют зрелище, которому трудно найти подобное в других странах России»¹.

С развитием производительных сил в стране и ростом общественного разделения труда усиливался процесс специализации хозяйственных районов страны. Юг и юго-восток Европейской России к середине XIX в. стал важным производителем зерна, часть которого поставлялась на внутренний и внешний рынок. Повышение спроса на зерно на внутреннем рынке в связи с развитием промышленности и ростом городского населения, все возрастающий спрос на русский хлеб в странах Западной Европы — стимулировали увеличение зернового производства в южных и юго-восточных губерниях России. Товарное производство развивается не только в помещичьих имениях, но также и в крестьянских хозяйствах.

¹ Северный Архив, ч. 2, 1822, с. 422.

В записке бывшего войскового атамана А. К. Денисова за 1822 г. министру финансов Е. Ф. Канкрину отмечалась зависимость земледелия от развивающихся товарно-денежных отношений: «Хлебопашеством на Дону занимаются все казаки, исключая живущих в г. Новочеркасске и низовых станицах, начиная от Старочеркасской, лишь меньшая часть которых занимается хлебопашеством... В урожайные годы остающийся за собственным продовольствием хлеб покупается для казенной надобности, вывозится в иногородние места и идет, в особенности пшеница лучшего сорта, за границу через Таганрогский порт. И, когда за границей требования на хлеб бывают значительны, тем самым хлебопашество на Дону увеличивается»¹.

Несмотря на недостаток удобных земель, возникший в результате хищнических захватов донскими чиновниками войсковых и юртовых дольствий, на Дону по сравнению с другими губерниями в первой половине XIX в. имелись еще значительные резервы расширения пахотных земель за счет луговых².

В 1822 г. из 14 203 204 дес. неудобная для хлебопашества земля составляла только 822 167 дес. (включая все земли, занятые дорогами и реками), среднеудобная — 1 066 605 дес. и совершенно удобная — около 12 млн. дес.³.

Рост товарного производства в земледелии сопровождался быстрым расширением посевных площадей. По данным В. К. Яцунского, в области войска Донского площадь пашни выросла с 1 728 тыс. га в 1796 г. до 4 198 тыс. га в начале 60-х годов XIX в., т. е. почти в три раза⁴.

Темпы роста посевных площадей на Дону и Приазовье можно сравнить только с темпами их роста в Херсонской и Таврической губерниях. В остальных губерниях страны посевные площади за этот период увеличились сравнительно немного.

В описаниях и дневниках путешественников, посетивших войско Донское и Приазовье в первой половине XIX в., в отчете

¹ ЦГВИА, ф. 331, оп. 1, д. 627, л. 23—23 об.

² Тенгоборский Л. В. О производительных силах России. М., 1854, с. 96.

³ Статистическое описание земли донских казаков, с. 17; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 159, л. 16 об. — 17.

⁴ Яцунский В. К. Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 127, 130.

тах войскового атамана о состоянии сельского хозяйства за этот период неоднократно отмечалось, что «... оно производилось средствами прежними, как было пред сим за много лет»¹.

С развитием товарно-денежных отношений и ростом товарности помещичьих, казачьих и крестьянских хозяйств постепенно изменяются орудия труда. С 20—30-х годов XIX столетия в помещичьих хозяйствах стали применять тяжелые бороны с железными зубьями, а с 1836 г. в Миусском округе начали вводить шотландские молотилки, пригодные для самого твердого хлеба, как, например, арнаутка. Для каждой такой машины нужны были две—три лошади. При этом они могли обмолачивать сразу от 25 до 50 копен. Однако в этот период такие машины широкого применения не получили, ибо в случае повреждения их нельзя было отремонтировать из-за отсутствия мастеровых.

Однако, несмотря на определенный прогресс развития производительных сил на Дону, они, как и по всей России, сковывались господством феодально-крепостнических отношений.

Земледелие на Дону и в Приазовье в первой половине XIX в. по-прежнему отличалось очень низким агротехническим уровнем. Преобладали средневековые способы ведения хозяйства. Навозное удобрение полей, орошение и ряд других приемов, которые могли повысить урожайность зерновых, не получили широкого распространения на Дону. «Землепашество обыватели сего (Черкасского. — Авт.) округа производят весьма просто и простыми самыми орудиями; спашавши раз землю — мало заботятся о раздроблении оной в мелкие частицы. Пашни их состоят из больших глыб земли — весьма немногие стараются о раздроблении пахотной земли и очищению оной от травянистых корней... Обыватели ни мало не беспокоятся об удобрении земли, но при сем том, урожай хлеба бывает выгоден — сие можно приписать доброте земли, нежели трудолюбию хлебопашца»².

Донские земли, еще не истощенные, по качеству почвы в первой половине XIX в. принадлежали к плодороднейшим областям России. В этот период земля на Дону и в Приазовье по сравнению с внутренними губерниями была столь плодородна, что требуя меньшего труда на свое возделывание, награждала вдвое большим плодом³.

¹ ГАРО, ф. 410, оп. 1, д. 660, л. 3; см. также: Штукенберг И. Ф. Статистические труды, т. II. Спб., 1858, с. 48.

² ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 336, л. 13—13 об.

³ Статистическое описание земли донских казаков..., с. 15; см. также: ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 115, л. 2.

На протяжении почти всей первой половины XIX в. на Дону и в Приазовье не существовало правильного севооборота. Здесь, как и в южных частях центрально-черноземного края и украинских губерниях, господствовало еще фактическое «пестрополье» без правильного чередования пара, ярового и озимого, без навозного удобрения, с крайне поверхностной обработкой почвы. После четырехлетнего употребления земли под хлебопашество ее оставляли в залежи на три—четыре года (в некоторых случаях даже на 7—8 лет).

Заинтересованность помещиков в повышении товарности своих хозяйств требовала внесения изменений в систему земледелия и структуру высеваемых культур.

С конца 40-х годов XIX в. в севообороте помещичьих хозяйств ведущее место заняли яровые хлеба, озимые сеются на определенных не столь обширных местах, для которых существует особый севооборот¹. Большое распространение получает пшеница арнаутка, урожайность которой достигала в среднем от 5 до 8 четвертей. В 1841 г. из 55 614 дес., засеянных пшеницей в Миусском округе, 21 912 дес. было отведено под арнаутку².

Донские твердые сорта пшеницы высоко ценились на внешнем рынке. Однако не всегда казаки-земледельцы могли хорошо обрабатывать пашни и улучшать систему земледелия. Отвлекаемые на исполнение повинностей по воинской службе, они были вынуждены в своем севообороте чаще использовать рожь³.

Со второй четверти XIX в. на Дону начинают высевать лен, экономически выгодную культуру в юго-западных и западных районах. Здесь возделывались главным образом различные сорта льна. В первой половине XIX в. быстро растет спрос на льняное семя на внешнем рынке. Крупнейшим на юге страны портом-экспортером льняного семени был Ростов-на-Дону. Одна десятая льна приносила 200 руб. прибыли ассигнациями, а одна десятая пшеницы (гарновки)—160 руб. Кроме того стебли льна могли служить хорошим материалом для фабрик по выделке бумаги, но так как в Донской области не было бумагопрядильной промышленности, они шли только на изготовление грубого холоста в домашнем хозяйстве⁴.

Специализация южных районов страны, в том числе Дон-

¹ Краснов Н. Материалы..., с. 256.

² ГАРО, ф. 653, оп. 1, д. 15, л. 3—3 об.

³ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 335, л. 13.

⁴ Там же, ф. 353, оп. 1, д. 15, л. 2 об.

ской области, на производстве зерновых культур и прежде всего пшеницы свидетельствовала о развитии торгового земледелия в этой части страны. О производстве зерновых в области войска Донского в середине XIX в. можно судить по таблице 1¹.

Таблица 1

Год	Посеяно (четвертей) зерна			Собрано (четвертей) зерна		
	озимого	ярового	всего	озимого	ярового	всего
1845	113537	356939	470276	449761	1141942	1591703
1850	105905	323788	429693	361105	885765	1246870
1851	101543	303455	404998	515251	1796420	2311671
1852	143118	348972	492090	537003	1600070	2137073
1853	136383	335747	492130	375314	2039269	2414583

По данным В. К. Яцунского, ежегодный валовый сбор зерновых в области войска Донского увеличился с 1 224 тыс. четвертей в 1802—1811 гг. до 4 850 тыс. четвертей в 1857—1863 гг., т. е. в четыре раза². Между тем численность населения области за это же время возросла с 312 945 чел. в 1801 г.³ до 885 137 чел. в 1858 г., т. е. лишь в 2,7 раза⁴.

В. И. Ленин считал, что увеличение количества собираемого хлеба (в расчете на душу населения) является одним из существенных показателей роста торгового земледелия⁵. При таком сборе зерновых оставался значительный излишек в виде товарной продукции. По мнению Л. Тенгоборского и Протопопова, на продовольствие сельского населения уходило 3 четверти на человека⁶ (А. В. Семенов считает даже 2,5 четверти)⁷. Следовательно, весь расход на продовольствие для сельского населения области составлял в 1858 г. приблизительно 2 000—2 650 тыс. четвертей хлеба. При среднем на Дону урожае сам-четыре, сам-пять на посев требовалось около 800 тыс. чет-

¹ ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 122, л. 33; д. 127, л. 33; Краснов Н. Материалы..., с. 264, 266 (без Ростовского уезда).

² Яцунский В. К. Изменение в размещении земледелия, с. 127, 130.

³ ГАРО, ф. 55, оп. 1 д. 381, л. 1—6; ф. 341, оп. 1, д. 18, л. 1.

⁴ Краснов Н. Материалы..., с. 201; Номикосов С. Статистическое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1884, с. 261.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 248—249.

⁶ Тенгоборский Л. В. Указ. соч., с. 85; Протопопов В. А. О хлебной торговле в России. — ЖМГИ, 1842, т. 5, с. 85.

⁷ Семенов А. В. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 3, Спб., 1859, с. 300.

вертей. Таким образом, около 1 400—2 000 тыс. четвертей хлеба оставалось в виде излишка, большая часть которого поступала на внешний и внутренний рынки страны. Хлеб везли главным образом в Ростов и Таганрог для последующей отправки за границу. Часть хлеба отправляли в центральные губернии России.

С улучшением орудий труда, агротехники и системы земледелия не только повышается товарность помещичьих имений, казачьих и крестьянских хозяйств, изменяется система землепользования, но и намечается специализация округов. По этому поводу К. Арсеньев писал: «... в Миусском округе хлебопашество несравненно прибыльнее и произойдет рациональнее. Близость к Таганрогу и Ростову, и удобство сбыта много способствует Миусскому хлебопашеству»¹. Посевы хлебов в Миусском округе с 1819 по 1836 г. возросли на 113%, а в Усть-Медведицком сократились на 33%².

Начавшая складываться специализация районов на производстве нескольких основных видов сельскохозяйственной продукции оказала влияние на экономическую структуру округов войска Донского.

Если в XVIII в. рыболовство было исключительным занятием жителей Черкасского округа, то начиная со второй четверти XIX в. наряду с ловом рыбы, стало развиваться производство хлеба на продажу. Хлеб, выращенный в округе, продавался в Таганрогском порте и иностранным купцам³. Развитие скотоводства в Усть-Медведицком округе, наоборот, привело к сокращению посевных площадей и производства товарного хлеба. Казаки и крестьяне стали закупать хлеб в соседних округах войска Донского.

Хозяйства донских помещиков, втягиваясь в систему рыночных отношений, уже в начале XIX в. стали основным поставщиком товарного хлеба на внешний рынок. По данным за 1819 г., 75% всей проданной на внутреннем рынке пшеницы принадлежали казачьим хозяйствам, а 77% пшеницы для внешнего рынка поставили помещики Дона и Приазовья⁴.

Несовершенная обработка земли, молотьба хлеба лошадьми и волами отрицательно сказывались на качестве казачьего и крестьянского хлеба. По свидетельству Н. Краснова, казачий

¹ Арсеньев К. Указ. соч., с. 357.

² Шульман Э. Формирование капиталистического хозяйства на южных окраинах России в первой половине XIX в. Канд. дис. Ростов н/Д, 1972, с. 45.

³ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 335, л. 14.

⁴ Шульман Э. Указ. соч., с. 42.

и крестьянский хлеб скупался по очень низким ценам, почти вдвое дешевле помещичьего. Из-за плохого состояния дорог и дальности вывоза хлеб почти весь шел на внутренний рынок. Казаки северо-восточных районов войска Донского вывозили свой хлеб на продажу в г. Борисоглебск Тамбовской губернии и г. Балазов Саратовской губернии¹.

Повышение товарности помещичьих хозяйств сопровождалось расширением запашки и усилением эксплуатации крепостных крестьян — увеличением барщины, переводом на месячину и т. д. В 1821 г. в Донской области, как отмечается в «Статистическом описании Черкасского округа», не было «ни одного селения, крестьяне коих состояли бы на оброке, все они сколь их не мало отправляются на работы господские в установленное время...»². Во многих помещичьих и казачьих хозяйствах Дона и Приазовья широко использовался более производительный вольнонаемный труд.

В это время донские земли стали одним из районов, где получили распространение отхожие промыслы. Близость обширных неистощенных земель в области войска Донского и Приазовья привлекала сюда большое число крестьян из Саратовской, Тамбовской, Курской, Орловской и других губерний Центральной России и Украины, искавших высокого заработка на земледельческих работах. Так, в 30-х — 40-х годах XIX в. крестьяне из села Гостомли, ежегодно приходившие на косовицу из Орловской губернии в Донскую область, за четыре месяца зарабатывали до 150 руб. ассигнациями, в течение полугода осенних месяцев они занимались валением шерсти в соседних селах, получая за работу 30—50 руб. ассигнациями, другие работали на местных мельницах и маслобойнях³.

При обширности посевов и дороговизне рабочих рук уборка хлеба производилась косой. Лишь в некоторых хозяйствах пшеницу убирали серпом. К середине XIX в., по расчетам С. Г. Струмилина, наименьшие затраты на десятину озимых посевов и наиболее высокая производительность труда в земледелии отмечалась в южных и юго-восточных районах России⁴.

Несмотря на отдельные успехи в развитии сельского хозяйства, в целом оно находилось на невысоком уровне. В се-

¹ Краснов Н. Материалы..., с. 250.

² ГАРО, ф. 46, оп. 1, л. 335, л. 13.

³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2. М., 1958, с. 359.

⁴ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, с. 186 (таблица).

редние 40-х годов XIX в. И. Ф. Штукенберг, побывавший на Дону, писал: «...оно (сельское хозяйство. — Авт.) во всех его отраслях ведется в земле войска Донского по весьма неискушенному первобытному способу и не подвергается никаким изменениям»¹. Следствием отсталости агротехники были низкие урожаи обычно сам-пять, а в иные годы, например, в 1850 г. даже сам-три.

Видное место в товарной продукции земледелия Дона занимал виноград. Наибольшее развитие виноградарство получило в Первом и Втором Донском округах, отчасти в Черкасском. Длинная полоса нагорного берега от ст-цы Цимлянской до ст-цы Кумшацкой была сплошь занята виноградниками. В этих районах виноградарство составляло для простых казаков одну из выгоднейших отраслей хозяйства и уступало в этом отношении только рыболовству в низовых станицах. Центрами виноградарства и виноделия были станицы Цимлянская, Раздорская, Константиновская, Мелиховская, Золотовская и Новочеркасская.

На Дону наряду с местными сортами винограда культивировались также сорта, вывезенные из других районов России и даже из других стран. Так, в 1817 г. казак Пухляков привез из Франции лозы винограда, получившего местное название «пухляковского».

В 1836 г. было произведено 150 тыс. ведер вина, а в 1842 г. — 275 тыс. ведер². Большая часть вина продавалась на месте и вывозилась в другие губернии страны. В 1844 г. в различных губерниях России и на Нижегородской ярмарке было продано 56 тыс. ведер на сумму 532 тыс. руб. серебром³.

К 50 годам XIX столетия площадь, занятая виноградниками, резко сократилась в связи с последствиями суровой беснежной зимы 1848 г. Если в 1847 г. в области было около 5 тыс. виноградников, то в 1857 г. их осталось 2477 с 200 тыс. кустов. В 1855 г. было изготовлено всего 70 тыс. ведер вина. Сократилась его продажа, что было вызвано и другой причиной: плохо приготовленное донское вино начинает вытесняться более качественными крымскими и импортными винами.

Бахчеводство и садоводство не получили большого распространения на Дону. Относительно широко они были развиты в Усть-Медведицком и Первом Донском округах. В записке, представленной сотником Кушнаревым Областному статисти-

¹ Штукенберг И. Ф. Указ. соч., с. 48.

² Краснов Н. Материалы..., с. 227.

³ ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 110, л. 81.

ческому комитету в 1843 г., отмечалось, что в Усть-Медведицком округе «... арбузы и дыни рождаются самые лучшие»¹. В этот период садоводство и бахчеводство носили в основном потребительский характер.

В первой половине XIX в. важную роль в экономике Дона продолжали играть скотоводство и коневодство.

Благоприятные климатические условия, обширные пастбища и луга, нетронутые целинные земли, а также недостаток рабочих рук и возрастание роли скота в земледелии как тягловой силы, способствовали развитию скотоводства в Донской области. В записке по войску Донскому, приложенной к предписанию кн. Лобанова-Ростовского сенатору Болгарскому, отмечалось, что на Дону «... почти вообще все имеют заводы лошадей и рогатого скота»².

Разведением скота в основном занимались зажиточные казаки и помещики. Их стада насчитывали тысячи и десятки тысяч голов, в то время как на 10 казаков во второй четверти XIX в. приходилось по 5 лошадей, 14 голов рогатого скота и 36 овец³. В 1822 г. в Донской области было 385 конезаводов, в которых содержалось 82 892 лошадей, 193 686 голов рогатого скота, а всего насчитывалось 372 639 лошадей, 964 776 голов рогатого скота и 2 431 566 овец⁴. Крупнейшими владельцами конезаводов и стад крупного рогатого скота являлись донские дворяне — Петр и Николай Иловайские, Краснощеков, Ефремов, Краснов, Орлов-Денисов, Платов и Мартынов. Самый многочисленный табун лошадей принадлежал Платову — около 4 тыс. гол., стадо крупного рогатого скота — Мартынову — свыше 20 тыс. голов⁵, крупнейшие конские заводы — генерал-майору Дьячкину и подполковнику Слюсареву⁶.

В первой половине XIX в. на Дону происходил известный рост скотоводства. К 1848 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось до 1 031 395 голов.

Земледелие, быстро развившееся в Донской области в первой половине XIX в., оказало большое влияние на скотоводство. Происходит изменение в соотношении сельскохозяйственных отраслей: удельный вес скотоводства в экономике края падает, меняется структура скотоводства. Отмечая зависи-

¹ ГАРО, ф. 653, оп. 1, д. 17, л. 2 об.

² Сб. исторических материалов, извлеченных из архива е. и. м. канцелярии, выл. 8. Спб., 1896, с. 360.

³ Номикосов С. Указ. соч., с. 39.

⁴ Статистическое описание земли донских казаков, с. 188.

⁵ Калмыков М. Указ. соч., с. 25.

⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 353, л. 24—88.

мость скотоводства от развивающегося земледелия, Н. Краснов в середине XIX в. писал: «Потребность в большом количестве рогатого скота уже давно составляла большое неудобство и главную причину относительной бедности здешних крестьян, употреблявших весь лишний хлеб на покупку пары волов, которые, не выдержав и одного года, подвергались губительному падежу»¹.

Скотоводство, утратившее к концу XVIII в. главенствующую роль в экономическом развитии донского края, в этот период «шло более важно как помощник успехам земледелия, нежели на предмет торговли с северными губерниями»².

Начавшая складываться хозяйственная специализация районов развивалась в примитивной форме. Для скотоводства становится характерным увеличение поголовья крупного рогатого скота, уменьшение количества лошадей и овец. В животноводстве все более расширяется нагульно-мясное направление, повышается роль тяглового скота рабочей силы. В 1858 г. в Донской области насчитывалось 933 388 лошадей, 962 517 голов крупного рогатого скота, из них — 279 629 волов, а также 2 187 350 овец³.

Скотоводство на Дону носило экстенсивный характер, однако некоторые его виды развиваются быстро.

С 20-х годов XIX в. широкое распространение на донской земле получает голландский рогатый скот, как более мясистый и крупный, чем калмыцкая и венгерская породы⁴. В связи с ростом спроса на шерсть на внутреннем и внешнем рынках на Дону начинают разводиться испанских и шленских овец, от которых настриг шерсти составлял до 6 фунтов, против 4 фунтов, получаемых от русских, калмыцких и волошских овец. Однако тонкорунное производство в Донской области не получило сколько-нибудь большого развития. В 1853 г. из общего числа овец (2 070 тыс. голов) тонкорунных было всего лишь 31 тыс. По данным Н. Краснова, на Дону в 50-х годах прошлого столетия собиралось около 250 тыс. пудов шерсти, которая почти целиком отправлялась на суконные фабрики центральных губерний России и заграничные рынки⁵.

При обилии пастбищ и лугов казаки, крестьяне и частично помещики не имели запасов кормов. Бескормица, наступившая вследствие суровой зимы 1848 г., вызвала массовый падеж ско-

¹ Краснов Н. Материалы... с. 254.

² ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 16, л. 4.

³ Краснов Н. Материалы..., с. 299.

⁴ Статистическое описание земли донских казаков, с. 195.

⁵ Краснов Н. Материалы..., с. 292—304.

та; особенно сильно пострадали казахи и крестьянские хозяйства. В 1850 г. поголовье крупного рогатого скота исчислялось в 735 519 голов¹, сократившись по сравнению с 1847 г. почти на 310 тыс. голов (т. е. на 30%). Каждое стихийное бедствие — неурожаем или падеж скота — выбивало значительную часть казаков и крестьян из хозяйственной колеи, усиливая расщепление казачества и крестьянства. Последствия падежа скота в 1848—1849 гг. были настолько значительными, что его поголовье удалось восстановить лишь после реформы 1861 г.

Поэтому очень важным делом в хозяйстве донского казака была заготовка сена на зиму. Многие казаки, имея в хозяйстве много скота, но мало рабочих рук, вынуждены были во время сенокоса и уборки хлеба нанимать людей, приходивших из соседних губерний: Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Саратовской². Суточная оплата труда косарю составляла от 50 коп. до 1 р. 50 коп. серебром³.

Нехватка рабочей силы была одной из причин отдачи помещиками и казаками земли в наем откупщикам крупного рогатого скота, которые пригоняли его из других мест⁴. Наиболее широкий размах получила сдача земли в аренду для выпасов скота в Усть-Медведицком, Первом и Втором Донском округах. В 30-х—40-х годах XIX в. здесь господствовала краткосрочная аренда — на 2—4 года.

Скотоводство на Дону носило промысловый характер, потому что торговля скотом являлась одной из доходных статей в хозяйствах казаков, крестьян и помещиков.

Благодаря влиянию земледелия на скотоводство в первой половине XIX в., выразившемуся прежде всего в возросшем спросе на рабочий скот — волов, повышаются цены на крупный рогатый скот. Стоимость пары волов за 1822 г. — 1848 г. увеличилась более чем в 2 раза. Ежегодно большое количество скота поступало на рынок. В 1845 г. было продано 82 960 голов рогатого скота и 22 628 лошадей; в 1848 г. в связи с нехваткой кормов продажа скота еще более увеличилась: было продано 152 700 голов крупного рогатого скота и 64 086 лошадей; в 1853 г. было продано 108 716 голов скота и 514 тыс. овец⁵.

Видное место в торговле скотом принадлежало зажиточной

¹ ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 122, л. 33.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2, с. 375, 359; ГАРО, ф. 353, оп. II, д. 192, л. 6.

³ Краснов Н. Материалы..., с. 296.

⁴ Сб. исторических материалов, извлеченных из архива е. и. п. канцелярии, вып. 8, с. 361.

⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 111, л. 72; д. 115, л. 30; д. 127, л. 33.

верхушке казачества и крестьянства. Домашний скот обычно продавали на Донских ярмарках — Урюпинской, Митякинской, Михайловской, Раздорской и других. Покупали скот чаще всего иногородние купцы и перегоняли его в столицы и другие города, откуда его отправляли в Российские кожевенные заводы и частью за границу¹. В 1850—1855 гг. ежегодная сумма от продажи крупного рогатого скота составляла 120 тыс. руб., овец — 980 тыс. руб., лошадей — 730 тыс. руб.²

Развитие сельского хозяйства на Дону сопровождалось ростом промышленности по обработке продуктов земледелия и скотоводства. Таким образом, на Дону и в Приазовье в первой половине XIX в. в сельском хозяйстве преобладающее значение имело земледелие, а точнее производство зерновых хлебов, что было вызвано довольно глубоким проникновением товарно-денежных отношений в экономику сельского хозяйства. Дон и Приазовье становятся важными центрами производства товарного хлеба, главным образом пшеницы, которая в значительных количествах поступала на внутренний и внешний рынки.

Несмотря на господство феодальных форм организации сельского хозяйства, развитие капиталистических отношений в экономике сельского хозяйства сопровождалось рядом существенных сдвигов в нем: растущей специализацией сельскохозяйственного производства, изменением структуры земледелия, характера землепользования, улучшением агротехники и орудий труда, применением техники, широким использованием наемного труда.

Складывавшиеся буржуазные отношения подрывали экономические основы казачьей общины, способствовали разрушению сословной замкнутости казачества и вовлечению его в общероссийскую систему хозяйства.

§ 4. Земледелие и животноводство в Ставрополье и на Кавказской линии

Огромные просторы свободных земель в только что присоединенном крае при сравнительно слабой его заселенности. Постепенно все же осваивались переселенцами. Особенность этого процесса состояла в том, что с самого начала создания

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720. л. 180; см. также: Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 9.

² Краснов Н. Материалы..., с. 368—369.

русских поселений обращалось особое внимание на развитие хлебопашества. Уже в рапорте от 28 сентября 1777 г. командующий войсками на Кавказе генерал Якоби сообщал князю Г. А. Потемкину, что «некоторые из казаков, пришедших сюда, открыли земледелие»¹. Одобряя эти мероприятия, князь Г. А. Потемкин в ордере от 5 декабря того же года настоятельно требовал, чтобы по окончании строительства крепостей «хлебопашество стараться всеусильно размножить при всех крепостях... а при том завести к пользе того края конные заводы, виноградные сады и табак, а потому всем по той линии состоящим полкам, батальонам и казакам раздать достаточные земли не только на выгон и для лесов, но и для хлебопашества...»².

Первые переселенцы встретились здесь со своеобразным климатом: они испытывали недостаток влаги, их подстерегали частые болезни, уносившие много жизней. Генерал Вердеревский, ревизовавший Кавказскую губернию в 1810 г., отмечая трудности переселенцев на новых местах жительства, одновременно писал, что Кавказская губерния может быть причислена к лучшим российским губерниям. «Хлебопашество в том краю, — продолжал он, — производится с довольном успехом, и жители в большей части сей губернии, пользуясь плодородием земли без всякого удобрения оной, довольствуются с избытком вырабатываемым хлебом»³.

В первое время русские переселенцы применяли привычные навыки ведения хозяйства, которые они приобрели у себя на родине. Один из ранних исследователей Северного Кавказа И. В. Ровинский отмечал, что «образ жизни, нравственность и досужество россиян по краткому времени пребывания в сем климате остаются еще в таком виде, какой они имели на прежних местах пребывания своего. Словом, вообще все их работы, одежда и даже лапотная обувь не имеют перемены своей»⁴. Однако новые условия настойчиво требовали видоизменения методов хозяйствования, выработки новых навыков и использования новых орудий труда.

Посевы здесь производились раньше, чем во внутренних губерниях России: яровые сеяли в конце февраля или начале марта, жатву озимых начинали в июне, обмолот — в августе⁵.

¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 140, оп. 194, л. 233.

² Там же, л. 220—221.

³ АКАК, т. 4, с. 922—924.

⁴ Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии. Спб., 1809.

⁵ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2797, л. 4.

Нарушение этих сроков приводило к большим потерям урожая¹.

Обычная русская соха при поднятии тучного чернозема оказывалась почти бесполезной и в лучшем случае могла пригодиться только при мелкой вспашке или рыхлении почвы. Наиболее эффективным орудием для поднятия целины оказался тяжелый украинский плуг, в который вместо лошадей запрягали по три — четыре и пять пар волов².

Переселенцы использовали не только свой опыт ведения земледелия, но в значительной степени перенимали все лучшее у соседних горских народов. Широкое распространение получили в то время озимая и яровая рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха. Семена многих этих культур, лучше приспособленные к местным почвенно-климатическим условиям, были тоже позаимствованы у местного населения. Вероятнее всего, что сорт пшеницы, названный «кубанская», местного происхождения. По свидетельству И. В. Ровинского, он завоевал здесь наибольшую популярность³.

Количество высеваемого хлеба в осваиваемых районах из года в год заметно увеличивалось. Показательны в этом отношении данные за 1789 и 1790 г. Если в 1789 г. было высеяно всех культур по шести уездам Кавказской губернии 8 511 четвертей и получено 37 362 четверти, то в 1790 г. эти цифры возросли соответственно до 25 659 и 133 489 четвертей⁴. Таким образом, только за один год по губернии посевы увеличились в четыре раза. Урожайность в целом всех зерновых культур в 1789 г. составила сам-4,4 и в 1790 г. — сам-5. Понятно, она не была устойчивой и в разные годы заметно колебалась.

В первой половине XIX в. значительное место отводилось посевам ржи. В 1830 г. только в Ставропольском и Георгиевском округах было собрано этой культуры 530 592 четверти⁵. В последующее время, когда пшеница стала предметом широкой торговли не только на внутренних, но и на внешних рынках, рожь стала постепенно вытесняться.

Особенно быстро развивалось сельское хозяйство в Ставропольском, Александровском и Георгиевском уездах. Эти районы обеспечивали потребности в хлебе не только населения

¹ О хозяйстве в имении действительного члена А. Ф. Реброва в слободе Владимировке Кавказской области Пятигорского уезда. — «Земледельческий журнал», 1840, № 4, с. 52.

² Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1. Спб., 1851, с. 204.

³ Ровинский И. В. Указ. соч., с. 502.

⁴ ЦГАДА, ф. 23, д. 35, л. 22—23.

⁵ ГАСК, ф. 79, д. 989, л. 524.

губернии, но и в значительной степени соседней Черномории, стоявших здесь войск и частично — соседних горских народов. В 1812 г. в них было засеяно озимыми более 67 тыс. дес., причем в Ставропольском уезде — 44 254 дес., Георгиевском — 15 413 и Александровском — 7 362 дес.¹ Как видно, на Ставропольский уезд приходилась большая часть посевов озимого хлеба. Вместе же эти уезды давали в общей сложности 95% всего хлеба по губернии.

Несколько иным было положение в восточных уездах губернии: в Кизлярском и частично в Моздокском. Казаки расположенных в них полков сеяли хлебов мало. Сравнительно невелики были посевы зерновых и в помещичьих имениях Кизлярского уезда. В 1808 г. в 8 наиболее крупных поместьях было засеяно только 9 422 дес. озимыми и, по-видимому, столько же яровыми². В этом уезде урожай хлеба не обеспечивал потребностей местного населения. Постоянную нужду испытывали многие казачьи станицы, немногочисленные казенные селения и помещичьи крестьяне.

Недостаток в хлебопашестве в Кизлярском уезде в значительной степени восполнялся посевами риса. Рисоводством особенно много занимались армянские крестьяне, вышедшие из Закавказья, имевшие навыки в возделывании этой культуры. Распространению риса в Кизлярском уезде способствовали почвенно-климатические условия, наличие каналов, возможность затоплять значительные земельные участки. В начале XIX в. здесь собирали в урожайные годы до 40 тыс. пудов риса³. Скоро он стал предметом торговли не только внутри Кавказской губернии, но и далеко за ее пределами, в том числе в Черномории, Астрахани, в ряде других городов и даже на Макарьевской ярмарке.

Итак, уже с самого начала активного освоения Кавказской губернии можно наблюдать специализацию районов на отдельных видах хозяйства. Исполняющий должность кавказского гражданского губернатора сообщал в 1813 г. в Петербург, что уезды губернии порознь отличаются: Ставропольский — хлебопашеством, скотоводством и солью; Александровский — теми же преимуществами; Георгиевский — целебными водами, хлебопашеством, скотоводством и торговлею и Кизлярский — виноградными и другими полезными плантациями, виноградным

---

¹ ГАСК, ф. 87, д. 11, л. 5—7.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 120, д. 21, л. 12.

³ АКАК, т. 4, с. 922.

спиртом и водкою, торговлею солью, шелководством и лошадиными заводами»¹.

Развитие товарно-денежных отношений захватывало земледелие, увеличивало его товарность, которая в 1814 г. уже составляла около 26, а в 1819 г. — 35,7%².

Общее количество посевных площадей быстро возросло и к середине XIX в. (1849 г.) в Ставропольской (Кавказской) губернии достигло 659 797 дес. Рост производства зерна был тесно связан с увеличением численности переселенцев всех категорий на Ставрополье и Кавказской линиях. В отчете за 1841 г. кавказский гражданский губернатор писал, что «увеличение народонаселения, увеличение потребности в хлебе и льянном семени сильно способствовали развитию земледелия... Но много еще оставалось пустующих земель от недостатка рук и искусства удобрять нетучные земли»³.

Сбор хлеба в имениях местных помещиков оставался небольшим. Так, в имениях Ставропольского уезда в 1847 г. было засеяно зерновыми 1 376 дес. и получено 5 763 четверти⁴. Основное же количество хлеба производили государственные крестьяне, посевы которых расширялись с каждым годом. Если в 1839 г. они засеяли 132 257 и собрали 557 981 четверть, то в 1854 г. эти цифры возросли соответственно до 386 817 и 1 666 147 четвертей⁵.

В отчете местных властей за 1848 г. указывалось: «Земледелие в Ставропольской губернии приметно увеличивается, чему благоприятствует как сбыт хлеба по ценам, щедро вознаграждающим труды земледельца, так и умножение рук от переселения казенных крестьян из внутренних губерний»⁶.

Тем не менее возможности для дальнейшего увеличения производства товарного хлеба здесь все еще оставались значительными. Большое количество свободных земель, отсутствие практики использования удобрений обусловили применение здесь перелога, т. е. системы, при которой после 2—4 разового

¹ АКАК, т. 5, с. 908—909.

² ГАСК, ф. 79, д. 4070, л. 37.

³ Там же, ф. 55, д. 37, л. 15—16.

⁴ Там же, ф. 46, д. 110, л. 44—46.

⁵ Там же, ф. 44, д. 365, л. 10; д. 37, л. 28; д. 132, л. 10; д. 604, л. 236, 423, 428—429; 608—609; д. 923, л. 28; ф. 55, д. 423, л. 103—104, 107—108; ф. 132, д. 757, л. 368—369; ф. 340, д. 118, л. 3; д. 172, л. 46; Отчет начальника губернии Волоцкого за 1858 год, с. 123—124; Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. II, 1851, с. 195; ЖМГИ, 49, кн. 12. Спб., 1853, вед. № 13. Из отчета Киселева за 1852 год; Штукенберг И. Ф. Статистические труды, т. 1. Спб., 1857, с. 17.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 275, л. 20.

использования земельные участки забрасывались «для отдохновения» на 8—12 и даже 15—20 лет¹. Это свидетельствовало об отсталости сельскохозяйственного производства и землепользования. Распространению переложной системы способствовало и то, что здесь фактически не было размежевания земель, а там, где оно производилось, носило больше формальный характер. Нерациональное использование земельных богатств Ставрополья в конце XVIII — первой половине XIX в. отрицательно сказывалось на хозяйственно-экономическом положении края, на жизни населения, прежде всего бедноты. Обстановка усугублялась периодическими засухами, поражавшими Ставрополье и приводившими к неурожаю. Неурожайными выдались 1788, 1813, 1817, 1833, 1848 г. Особенно тяжелым был 1833 год, когда засуха вызвала небывалый в этих краях голод.

Всякие попытки местных властей регулировать цены на хлеб, запрещение вывоза его за пределы губернии и другие меры практического значения не имели. Не дали результатов и выделение правительством в 1833 г. ссуды около 3 млн. на закупку хлеба для казенных крестьян, и выдача ссуды помещикам для оказания помощи их крепостным². Зажиточные крестьяне, имевшие запасы хлеба, наживались на повышении цен. Один из современников писал в это время, что на Ставрополье «богатые люди сделали еще богаче за счет лишений других, а бедняки теряли свое последнее достояние и терпели все последствия голода и повседневных лишений»³.

И все же успехи в развитии зернового хозяйства были немалые. К середине XIX в. зерновое хозяйство Ставрополья принимает все более товарный характер. Растут поставки хлеба возрастающему количеству войск, находившихся на Кавказе, увеличивается вывоз зерна в казачьи районы Черномории, за границу и, наконец, для обмена на товары горских народов.

Распашка большого количества целинных и залежных земель в Предкавказье свидетельствовала о большом и напряженном труде русских и украинских переселенцев в освоении

---

¹ ГААО, ф. 1, д. 208, л. 1—38; О хозяйстве и имени действительного члена А. Ф. Реброва, в слободе Владимировке Кавказской области Пятигорского уезда. — «Земледельческий журнал», 1840, № 4, с. 43.

² Горлов И. Я. Статистическое обозрение земледелия в России. — «Москвитянин», 1849, № 13, с. 47; Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История — статистика, т. 1. Спб., 1882, с. 196—198.

³ Архипов А. Несколько сведений о современном состоянии сельского хозяйства на Кавказе. — «Москвитянин», 1851, № 21, с. 141—142.

столь обширного и богатого края за сравнительно короткое время. И хотя распаханые земли все еще составляли небольшую ($1/13$) долю земельной площади¹, тем не менее это был огромный шаг на пути развития производительных сил не только Предкавказья, но и всего Российского государства.

Переселенцы из внутренних губерний, в основном русские и украинцы, принесли в Ставрополье и прежние навыки в развитии огородничества и садоводства. Кроме того многое было заимствовано у горских народов и выходцев из Закавказья. В результате огородничество и садоводство стали составной частью экономики на всей территории осваиваемого края. Однако в целом продукция этих отраслей оставалась незначительной и шла главным образом на удовлетворение собственных потребностей переселенцев и лишь в малой части на продажу. К середине XIX в. здесь насчитывалось 18 130 садов, из которых 500 были чисто фруктовыми².

В Притеречных районах как у казаков, так и у соседних кавказских народов выращивались в значительном количестве такие огородные культуры, как капуста, лук, чеснок, свекла, морковь, репа, редька, огурцы, арбузы, дыни, тыквы, а также садовые — яблоки, груши, вишня, черешня, сливы и др.³

Вся площадь, занимаемая огородами, к середине XIX в. в Ставропольской губернии составляла 3 861 дес., что к общему количеству пахотных земель относилось как 1 : 165⁴. Производством огородных культур на продажу занимались в основном немецкие колонисты, жившие вокруг Пятигорска.

В 40-х годах XIX в. в Предкавказье началось постепенное внедрение картофеля. В 1842 г. в Кавказской губернии была посеяна 821 четверть картофеля, а собрано 6 216 четвертей (урожайность сам-7,7). Посевы картофеля в имениях отдельных помещиков ограничивались обычно несколькими четвертями⁵. Площади под картофелем увеличивались особенно быстро во второй половине XIX в. Если в 1849 г. было посажено 4 405 четвертей, то в 1867 г. уже 46 637 четвертей⁶, или в 10 раз больше.

Немалые доходы населению Кизлярского уезда и соседних

---

¹ Фалеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья, с. 77.

² Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1, с. 198.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 41, д. 332, л. 12.

⁴ Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1, с. 197.

⁵ ГАСК, ф. 54, д. 131, л. 28.

⁶ «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. 1. отд. 2. Ставрополь, 1868, с. 160.

с ним горских народов давал сбор марены, корень которой как красящее вещество высоко ценился во внутренних губерниях России, в Закавказье и в Персии¹.

Таким образом, огородничество и садоводство являлось определенным подспорьем в экономике казаков и крестьян.

Важное место в экономике восточных районов Предкавказья (Кизлярский и частично Моздокский и Георгиевский уезды) играли виноградарство и виноделие. Этому способствовали мягкий и теплый климат, подходящие почвенные условия, наличие воды. Терские казаки занимались этими видами хозяйства чуть ли не с самого начала их поселения в этих местах. Во всяком случае об этом было хорошо известно уже в середине XVII в.² Виноградарство получило более широкое распространение с переселением сюда значительного числа армян из Дербента и Закавказья, хорошо знакомых с культурой винограда. Уже в 70-х годах XVIII в. кизлярские вина и водка «на манер французской»³ стали вывозиться в Астрахань и другие города России в значительном количестве. О развитии виноделия в Гребенском и Терско-Семейном войсках (по данным на 1774 г.) свидетельствует то, что на 1400 дворов здесь насчитывалось 2298 виноградных садов, с которых получали 3394 бочек вина⁴.

В 1813 г. в Кавказской губернии насчитывалось 5317, а в 1824 г. уже 6417 виноградных садов, из урожая которых производилось огромное количество вина и виноградной водки, значительную часть которого отправляли в обе столицы, в Ригу, на Макарьевскую ярмарку, что приносило казне большие доходы за счет акцизных сборов⁵.

Продажа кизлярского вина приобрела, видимо, настолько большие размеры, что правительство, с целью сохранения доходов, вынуждено было в 50-х и 60-х годах XVIII в. принять ряд срочных мер, запрещавших продажу привозных вин и чихири до тех пор, пока не будет продано казенное вино⁶.

Виноградарство между тем продолжало развиваться. В на-

¹ Ровинский И. В. Указ. соч., с. 116.

² Попко И. Терские казаки с стародавних времен, вып. 1. Гребенское войско. Спб., 1880, с. 303.

³ АКАК, т. 5, с. 908—909.

⁴ Мияский А. С. Терское линейное казачество в середине XVIII в. — Уч. зап. Курганского пед. ин-та, вып. 2. Курган, 1959, с. 224.

⁵ Дебу. Взгляд на Кавказскую линию. — «Северный архив». № 2, Спб., 1822, с. 181—182.

⁶ ГАСК, ф. 235, д. 1, л. 12—15.

чале XIX в. в Кизляре в урожайные годы получали до 50 тыс. сорокаведерных бочек вина¹.

С целью использования опыта возделывания винограда и его переработки в 1807 г. в Кизляре было создано училище виноделия. Сюда были доставлены лозы из многих стран. Набор учащихся проводился по специальным нарядам. Однако училище не оправдало надежд кавказского начальства и, хотя просуществовало 30 лет, не стало источником лучших знаний по виноградарству и виноделию².

Виноградарство получило широкое развитие и во многих помещичьих имениях Ставрополья. Еще в конце XVIII в. были заложены сады на значительных площадях в имении помещиков Всеволожских, в деревнях Черный Рынок, Раздолье и др. Получаемое здесь вино считалось лучше кизлярского и астраханского. Большие виноградные сады были в имениях помещиков Калантаровых в с. Маслов-Кут, Ребровых — в слободе Владимировке, у Тарумовых, Арешевых, Серебряковых и многих других. Особенно высоко ценилось вино помещика Реброва, которое продавалось в Ставрополе по 8 руб. за ведро и было дороже кизлярского в четыре раза. В 1844 г. в помещичьих имениях было получено до 200 тыс. ведер вина, тысячи ведер водки и спирта³.

Большинство виноградных садов на Тереке принадлежало офицерству и казачьей верхушке. По данным на 1838—1839 гг., в 7 станицах (Червленная, Новоладковская, Шелкозаводская, Щедринская, Паробочевская, Курдюковская, Староладковская) имелось 1362 семьи, владевших 2771 дес. виноградных садов, с которых получали 5316,8 бочки вина⁴.

Виноградарство и виноделие к середине XIX в. стало развиваться и в хозяйствах государственных крестьян и многих помещиков Пятигорского и Кизлярского уездов Ставропольской губернии. Так, выработка вина только в с. Прасковее Георгиевского (затем Пятигорского) уезда с 1819 по 1837 г. возросла с 1200 до 27 тыс. ведер⁵. В 1849 г. в Ставропольской губернии было произведено 1377826 ведер вина и 30224 ведра водки на общую сумму 788499 руб. серебром⁶.

¹ «Коммерческая газета», 1826, № 45; ГАСК, ф. 79, д. 2769, л. 106—113.

² ГАСК, ф. 87, д. 1, л. 110—111; ф. 79, д. 2769, л. 196—113; АКАК, т. 10, с. 702.

³ АКАК, т. 9, с. 538—539; ГАСК, ф. 79, д. 2749, л. 138; ф. 444, д. 611, л. 611—630.

⁴ Попко И. Терские казаки..., с. 467—483.

⁵ АКАК, т. 9, с. 538.

⁶ Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1, с. 201.

В казенных селениях Ставропольской губернии в 1851 г. насчитывалось около 9 800 садов, большинство из которых были смешанными, фруктово-виноградными. Особенно хорошие виноградные сады были в Петровской, Сандатовской и Палагидской волостях¹.

Однако введение правительством налогов на торговлю водкой в 1820 г., а затем их повышение в 1831 г.², разорительные действия ростовщиков, получавших до 20—30% прироста к ссудам, обычно выдаваемым мелким садовладельцам в счет будущего урожая³, а также частые разливы Терека и нередкие ранние заморозки привели к сокращению виноградников в Кизляре. С 1830 по 1887 гг. земельные площади, занятые в Кизляре под виноградниками, уменьшились с 6 957 до 4 069 дес.⁴ И тем не менее Кизляр и в последующее время оставался главным поставщиком виноградных вин в России. В 1875 г. производство вина в Терской области превышало выработку его в Крыму, Земле войска Донского, Херсонской губернии, вместе взятых. С Терской областью в этом смысле могла соперничать только Бессарабия, где в то время вырабатывалось 2,5—3 млн. ведер⁵.

Первые попытки в развитии шелководства были сделаны еще во второй половине XVII в. в Астраханском крае, где были заведены казенные «для шелкового дела тутовые сады». В наказе астраханскому воеводе было обращено внимание на возможность производства шелка и на Тереке⁶. В 1718 г. «под заведение шелководства, посева сарочинского пшена и хлопчатой бумаги»⁷ была пожалована земля по Тереку армянину Сафару Васильеву. Здесь, по Тереку, в 1735 г. возникли «шелковые малые заводы» гребенских казаков⁸.

¹ ГАСК, ф. 79, д. 2742, л. 6—21; ф. 52, д. 72, л. 12, 43, 45; ф. 444, д. 934, л. 30; ф. 132, д. 422, л. 11—23; Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1, с. 198.

² АКАК, т. 9, с. 535—540. За период с 1831 по 1835 г. казна получила в результате взимания этого налога 1 005 568 руб. 96 1/2 коп. (ГАСК, ф. 79, д. 4070, л. 72).

³ АКАК, т. 6, ч. 2, с. 652.

⁴ Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII—первой половине XIX в. — Тр. Чечено-Ингушского науч.-исслед. ин-та истории, языка и литературы. Грозный, 1961, с. 48; АКАК, т. 9, с. 535—540.

⁵ Терские ведомости, 1875, № 13; ср.: Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 51.

⁶ Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности в XVII—XVIII и начале XIX вв. М., 1947, с. 642.

⁷ Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 53.

⁸ Бутков П. Г. Указ. соч., т. 2, с. 63; Любомиров П. Г. Указ. соч., с. 643.

Распространение шелководства в этом крае было тесно связано с переселением сюда значительного числа выходцев из Закавказья — армян, грузин, которые хорошо были знакомы с культурой его производства.

С открытием Кавказского наместничества развитию шелководства стало уделяться большое внимание. Наряду с поощрительными начали применяться и меры понуждения местного населения к развитию шелководства. В 90-х годах XVIII в. было предписано посадить каждому семейству по 10 тутовых деревьев, в противном случае за каждое непосаженное дерево предусматривался штраф по 10 коп.¹ В целях поощрения развития шелководства правительственные власти устанавливали даже определенную сумму вознаграждения (за 1 пуд шелка — 50 руб., за 20 фунтов — 25 руб., за 10 фунтов — 10 руб., с оставлением шелка владельцам)².

Несмотря на это до конца XVIII в. шелководство в Кавказской губернии оставалось на низком уровне развития. Большая трудоемкость, отсутствие достаточного количества свободных рабочих рук препятствовали развитию этой отрасли хозяйства. И все же кавказское шелководство постепенно росло. Из общего количества выработанного в России в 1799 г. шелка — 190 пудов, на долю шелководов Терека приходилось уже 123 пуда 12 1/4 фунта³, т. е. 64,8% всего шелка, полученного в стране. Тутовые сады заводились не только по Тереку, в казачьих станицах, в казенных и помещичьих селах, но и в городах⁴. В Кавказской губернии за 1801—1840 гг. было выработано 8 222 пуда и 15,5 фунтов шелка⁵. В конце 40-х годов XIX в. кизлярский шелк сбывался на месте по 80—90 руб., а в Москве по 90—120 руб. за пуд⁶. Несмотря на принятые меры шелководство прививалось здесь медленно. К середине XIX в. оно стало приходить в упадок. «Шелководство в Кизляре, — говорилось в одном из документов за 1846 год, — не слишком в цветущем состоянии, хотя тутовых плантаций и

¹ Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении, ч. 2. Ставрополь, 1925, с. 30.

² Бентковский И. Судьбы шелководства в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1885, с. 1.

³ ПСЗ, т. 26. № 19290; ГААО, ф. 1, д. 390, л. 225—232.

⁴ ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 4, л. 440; Полко И. Терские казаки со стародавних времен, с. 185.

⁵ Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в течение 10 лет — с 1844 по 1854 год. Спб., 1855, с. 209.

⁶ ГАСК, ф. 101, д. 981, л. 327—332; Бентковский И. Судьбы шелководства в Ставропольской губернии, с. 23.

деревьев очень много»¹. В военно-статистическом обозрении за 1851 г. также указывалось, что шелководство «мало развито несмотря на привилегии Петра I»².

Большая трудоемкость, отсутствие достаточного опыта в производстве шелка в условиях еще мало обжитого края вызывало у основной массы населения явное недоверие к этой отрасли хозяйства.

В Кизлярском уезде в конце XVIII в. были сделаны попытки развития хлопководства. Выработка хлопчатой бумаги производилась в небольших количествах лишь в отдельных помещичьих имениях и частично в Терском семейном и Гребенском казачьих войсках. В 1802 г. здесь было получено всего 60 пудов 18 фунтов хлопка³.

В начале XIX в. выращиванием хлопка занимались отдельные помещики (Серебряков, Аглинцев, Аршев и др.)⁴. В 1810 г. в Кавказской губернии было собрано до 100 пудов, в 1814 г. — 235, а в 1815 г. — 254 пуда. Попытки привить хлопководство в Георгиевском, Александровском, Ставропольском и Моздокском уездах и в станицах Кубанского, Хоперского, Волжского и Кавказского полков оказались неудачны⁵.

Главной причиной неудач в развитии этой культуры были неподходящие климатические условия, не позволяющие довести хлопок до полного вызревания, и большая трудоемкость его производства.

Климатические и природные условия позволяли переселенцам на значительной территории осваиваемого края заниматься пчеловодством. Продукция его шла главным образом для собственного потребления и в незначительной степени на продажу. Во всей Кавказской губернии в середине XIX в. добывалось 1 100 пудов меда и 250 пудов воску. У линейных казаков соответственно 3 606 и 313 пудов⁶.

Северный Кавказ в конце XVIII — первой половине XIX в. был районом довольно развитого экстенсивного скотоводства и коневодства. Большинство горских и все кочующие народы основу своей экономики строили на разведении крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Развитие скотоводства у горских и кочующих народов на

¹ Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 55—56.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. 1, с. 208, 210.

³ ГААО, ф. 1, д. 10, л. 140.

⁴ Ровинский И. В. Указ. соч., с. 454—455.

⁵ АКАК, т. 4, с. 923; ГАСК, ф. 87, д. 34, л. 24—25; д. 265, л. 34—35.

⁶ ГАСК, ф. 87, д. 317, л. 117.

огромных степных просторах в предгорных районах способствовало развитию его среди русских и украинских переселенцев в этом крае в дореформенный период. Последние, используя этот веками накопленный опыт в кочевом, полукочевом и отгонном скотоводстве, заимствовали у горских народов те породы скота, которые лучше всего были приспособлены к местным условиям. Осваиваемые переселенцами районы Предкавказья скоро стали поставщиками мяса для внутренних губерний. Только с 1805 по 1813 г. туда было продано до 5 тыс. голов скота. В донесении Кавказского губернатора указывалось, что Кавказская губерния «ежегодно снабжает продаваемым скотом обе столицы и другие губернии»¹.

В первой половине XIX в. переселенцы из внутренних губерний России на новых местах жительства стали разводить свиней. В 1830 г. в Кавказской области насчитывалось 75 441 головы², а в 1853 г. эта цифра снизилась до 67 114 голов³. Развитие свиноводства в небольших размерах имело место и у линейных казаков.

На землях Ставрополя и Кавказской линии скотоводство носило экстенсивный характер. Основное внимание обращалось на количественное увеличение поголовья, тогда как качественная сторона оставалась на втором плане. Только в отдельных помещичьих имениях, да в хозяйствах богатой части ставропольского крестьянства и казачества Кавказского линейного войска владельцы стремились к качественному улучшению различных пород скота. Основная же масса крестьянства и казачества мало уделяла внимания этому вопросу.

Особенно выделялись постановкой дела улучшения скота имения ставропольских помещиков Реброва, Шан-Гирея, Майволдова и др. Процент скота у помещиков отдельных округов по сравнению с общим количеством в первой половине XIX в. колебался от 4,5% (в Ставропольском) до 50% (в Пятигорском). Основная же масса помещичьего скота принадлежала четырем — пяти имениям Пятигорского округа Кавказской области.

Основной породой крупного рогатого скота была «красная астраханская» или «калмыцкая» (ногайская, отличающаяся выносливостью и неприхотливостью в пище). С самого начала

¹ АКАК, т. 4, с. 922—924; т. 5, с. 908—909.

² ЖМВД, ч. 3, 1830, кн. 4, с. 142—143.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 839, л. 44; оп. 8, д. 184, л. 49, «Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1853 г.»; ср.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период, с. 82.

заселения края стало проводиться скрещивание различных пород скота. Часто стихийно выработывались и создавались новые породы, наиболее приспособленные к местным условиям.

К середине XIX в. в Кавказском линейном войске и Ставропольской губернии примерно на 62 508 дворов приходилось 246 200 голов крупного рогатого скота, около 120 тыс. лошадей, 1 750 тыс. овец¹. Было положено начало разведению меринсовых овец². В 1844 г. общее количество их достигло 14 712 голов³.

Основная масса скота принадлежала зажиточному крестьянству и казачеству. Значительная же часть казачества и крестьянства не имела необходимого для хозяйственных работ скота и вынуждена была при обработке земли входить в суряжничество. В середине 30-х годов XIX в. кавказский гражданский губернатор сообщал, что бедные крестьяне имеют «только по одной паре быков или лошадей и даже вовсе не имеют никакой оседлости»⁴.

У многих терских казаков также было мало скота. Часть казачьих дворов не имела даже самого необходимого рабочего скота, коров и овец⁵. Особенно в тяжелом положении находилась казачья беднота, вынужденная приобретать у богатей строевых коней для службы и нередко становиться из-за этого их неоплатными должниками. Специальных казенных или войсковых конских заводов в здешнем крае не было, и приобретение ремонтных лошадей в Кавказском линейном войске носило частный характер⁶.

У крестьян и казаков среднего достатка на семью обычно приходилась одна—две пары рабочего скота (волы), две—три коровы и до десятка овец.

В Ставропольской губернии и на Кавказской линии широко практиковалось отгонное (у кочевых народов — кочевое) скотоводство. Сена заготавливалось недостаточно. Ветеринарная служба практически отсутствовала. Нередко свирепствовали чума, холера. Все это вело к гибели огромного количест-

¹ Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. с. 270; Военно-статистическое обозрение, т. 16, ч. 1, с. 205—206.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 65, «Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1846 г.»; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 241; ср.: Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья..., с. 82.

³ ГАСК, ф. 1101, д. 943, л. 18; ф. 444, д. 615, л. 10; д. 604, л. 65.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 301, л. 87 об.

⁵ Полко И. Терские казаки..., с. 463—487.

⁶ ГАКК, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 315; Попко И. Черноморские казаки, с. 80.

ва скота. Так, во время зимы 1797—1798 гг. только потери крупного рогатого скота и особенно овец составили сотни тысяч голов. Массовые падежи скота особенно были велики в 1811, 1833, 1844—1845 гг. Во время жестокой пурги, разгневшейся в марте 1811 г., только калмыки потеряли 32 076 голов рогатого скота, 203 672 овцы, 1 531 верблюда¹. Велики были потери скота в засушливый 1833 год.

Исключительно голодной и страшной была зима 1844—1845 гг. в восточных районах Предкавказья. Небывалые морозы застали врасплох население этого края. В особенно трудном положении оказались кочевники. Только у туркмен и ногайцев погибло верблюдов и рогатого скота 21 912 голов и 72 018 овец. Многие из них, лишившись во время зимы не только скота, но и топлива, жгли свои кибитки и уходили в селения для пропитания»². Положение было настолько тяжелым, что кавказский наместник князь Воронцов просил петербургские власти сложить с них все недоимки за оброчное содержание 30 тыс. дес. земли и за ссудный хлеб³.

Значительное место в степном Предкавказье отводилось коневодству. Эта отрасль хозяйства была неразрывно связана со всем укладом жизни большинства оседлого горского населения, кочующих народов, казачества, русских, и украинских переселенцев из числа государственных крестьян.

Разведение лошадей носило обычно табунный характер. Крутлый год они находились под открытым небом. В этих условиях у лошадей вырабатывались выносливость, резвость, неприхотливость к корму, т. е. те качества, которые были особенно ценны в условиях постоянных, длительных и изнурительных походов. Еще в середине XVIII в. только у кочевых народов насчитывалось до миллиона лошадей⁴. Впоследствии поголовье лошадей у кочевников заметно сокращается. Сказывались поземельные ущемления, частые эпизоды и постоянные военные действия⁵.

В Кавказской области отдельные зажиточные крестьяне имели свои конские заводы, которые были по тому времени довольно значительными по размерам. По данным за 1844 г., лучшие конские заводы находились в Ставропольском округе,

¹ АКАК, т. 4, с. 884.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 862, л. 2—3.

³ Там же.

⁴ Бентковский И. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии, с. 3.

⁵ Фадеев В. А. Очерки экономического развития степного Предкавказья..., с. 80.

в селениях Медвежьем (у казенного крестьянина Николая Пашкова), Лестницком (у Василия Жукова) и в Пятигорском округе, в с. Александровском (у Марка Каранлина)¹.

В связи с возможностью выгодного сбыта лошадей в первой половине XIX в. стали уделять большое внимание коневодству ставропольские помещики, казачьи старшины и офицеры. Во многих имениях начали заводить лошадей различных пород: венгерской, английской, кабардинской, стоимость которых была значительно выше обычных. Эти породы лошадей пользовались большим спросом среди армейских и казачьих офицеров.

Стремление отдельных помещиков приспособить свое хозяйство к потребностям рынка к середине XIX в. стало особенно заметным. В 1848 г. в донесении губернского предводителя дворянства указывалось: «Лучшие конские заводы находятся в Пятигорском уезде, и в особенности отличаются между ними заводы помещиков Реброва, Калантарова, Скаржинского, Ростованова, а по Ставропольскому уезду — Устиновых, Майволдова и генерал-лейтенантши Сысоевой»². Однако помещичье хозяйство здесь, как известно, не получило широкого распространения. По данным 1844 г., помещикам принадлежало лишь 12—14% лошадей³.

Таким образом, в целом сельскохозяйственное производство в Северо-Кавказском крае в XVIII — первой половине XIX в. было экстенсивным. Однако такие отрасли хозяйства, как выращивание зерна, скотоводство и коневодство, получили значительное развитие и приобрели товарный характер. Ставропольская (Кавказская) губерния к середине XIX в. превратилась в крупный центр по производству хлеба и мяса. С 1803 по 1849 г. производство зерна здесь увеличилось в 5 раз, достигнув 1 809 372 четвертей⁴. Высоко ценился во внутренних губерниях России северо-кавказский скот. Значительная часть коней и продуктов скотоводства шла на нужды войск, находившихся на Кавказе.

§ 5. Сельское хозяйство Черноморья

Плодородные Черноморские степи, покатоги невысоких гор и заключенные между ними равнины Черноморья пред-

¹ ГАСК, ф. 444, т. 1844, д. 604, л. 605; ф. 101, д. 981, л. 356.

² Там же, ф. 101, д. 981, л. 327.

³ Там же, ф. 101, д. 943 л. 18—20; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 839, л. 44.

⁴ Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья..., с. 77.

ставляли богатый источник для развития всех отраслей сельского хозяйства. Свыше 2,5 млн. дес. (84%) здесь занимали удобные для земледелия почвы. Лесов в Черномории было крайне мало, около 7,5 тыс. дес. Они располагались по правому берегу р. Кубани и тянулись от ст-цы Старокорсунской до Дубового рынка, т. е. до юрта ст-цы Старотиторовской. Добрая половина их представляла собою лесные поляны, поросшие от корней и пней небольшими кустарниками. Воды разных рек, лиманы Черного и Азовского морей изобиловали рыбой, ловля которой привлекала не только местное население, но и людей из других районов.

Основным занятием жителей Черномории было земледелие. В первые годы заселения при обилии свободных земель в Черномории господствовала переложная система земледелия. С годами она уступила место трехполью, а затем плодотворной переменной системе¹.

Технический уровень земледелия Черномории, если его характеризовать по орудиям труда и способам обработки почвы, был тогда низким. Переселенцы из центральных губерний России и Украины применяли те же примитивные орудия труда, какими пользовались у себя на родине. При поднятии целинных земель использовался тяжелый сабан (плуг). Глубина вспашки сабаном была значительной, но этот плуг требовал в упряжку от трех до пяти—шести пар быков. Только старшины и некоторые казаки Черномории, располагавшие большим количеством тяглого скота, могли расширить запашку целинных земель и увеличивать торговые посевы. Средняя часть казачества, имея две—три пары волов, засеивала хлеба около двух десятин на каждую душу, широко применяла «супрягу». Казачья же беднота, если не использовала «супряжничество», то целиком попадала в кабальную зависимость к станичным богатым.

Здесь засеивали озимые хлеба — рожь и пшеницу (с последних чисел августа до глубокой осени), яровые — пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо (с первых чисел марта до половины мая²).

Русские и украинские переселенцы свой опыт ведения земледелия в Черномории соединяли с опытом соседних горских народов, совершенствуя агротехнику зерновых культур. Пшеница считалась ценной культурой. Сеяли кубанский ее сорт. Была также неудачная попытка внедрить египетские

¹ ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 493.

² Там же.

сорта¹. Но на полях Черномории преобладали посевы менее требовательной и более урожайной ржи. Под эту культуру взмetyвался пар поздней весной или ранним летом, а в конце августа или начале сентября проходил посев с одновременной запашкой и боронованием почвы. Двукратная вспашка земли под рожь считалась более надежной, гарантирующей хороший урожай.

Особенностью возделывания яровых культур была сезонность их, ограниченная безморозным периодом. Не только в центре, но и на южных окраинах России земледелие тогда давало пахарю свою продукцию только раз в год, в теплый сезон. Особенно был ограничен вегетационный период яровых теплолюбивых культур: гречихи, проса и др. Овес, ячмень, горох, мак сеяли в марте, часто без предварительной обработки почвы. Одновременно землю вспахивали, засевали, а затем еще раз вспахивали. Под просо — одну из наиболее урожайных и засухоустойчивых крупных культур — отводили участки самой хорошей целинной земли. Хлебороб землю поднимал осенью, а сеял весной, когда почва хорошо прогрелась. Глубина заделки семян была небольшой. Когда семена пускали корни, поле вновь вспахивали и бороновали. Такую агротехнику возделывания проса широко применяли переселенцы из Черноземного центра России.

По долголетнему опыту хлебороб знал, что в начальный период после посева просо, прорастая, угнетается сорняками. Поэтому вся система весенней обработки почвы была направлена на очистку ее от сорняков, даже ценой потери некоторой доли влаги. При повторном вспахивании и бороновании просьяное поле очищали от сорняков, и оно давало хороший урожай. Гречиха — ценная крупяная культура и один из лучших медоносов — считалась менее требовательной, чем просо и другие культуры. Под нее употребляли пропашную землю. Сеяли гречиху по однажды вспаханному и заборонованному полю.

Высевали в Черномории на каждой десятинах: ржи — 8 четвериков, пшеницы — 8, ячменя — 8, овса — 8, гречихи — 3, проса — 3, гороху — 3, чечевицы — 3, кукурузы — 3, льняного семени — 3 четверика².

Зерновые культуры в Черномории созревали в более ранние сроки, чем на прежних местах жительства переселенцев: озимая рожь и пшеница — в середине июня; вегетационный период у проса составлял 14 недель, овса — 12, гречихи — 3 не-

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 320, л. 21.

² Там же, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 493.

дела. Жатва и уборка продолжалась до августа и сентября. В более сжатые сроки убирали хлеба в хозяйствах старшин и зажиточного казачества. В горячую пору уборки они применяли улучшенные орудия и использовали наемный труд людей, пришедших со стороны.

В 1860 г. Черноморья занимала площадь 2 972 116 дес. земли, из которой под пашней находилось 183 177 дес., под сенокосом — 2 094 770 дес., под лесами — 2406 дес. Неудобная для полеводства земля составляла 619 761 дес.¹

В статистическом описании селений Черноморья за 1852 год сказано: «Вырабатываемого жителями хлеба достаточно для годовой пропорции»². Вывозилась на продажу хлеба самая малая часть, до 200 четвертей от каждого юрта. Урожайность хлебов характеризовалась так: «Хлеб в хороший год соломою достигает в высоту от 1 до 3 аршин; зерном средним числом приплоду «сам-7»³. Это — показатель высокого урожая хлеба, но данное свидетельство находится в противоречии с другими приведенными ниже данными, обобщающими в цифрах урожайность хлебов в Черноморьи.

В табл. 2 показан сбор хлебов в четвертях по ведомости 1849—1850 гг.⁴

Таблица 2

Округ	Рожь и пшеница				Овес, ячмень, просо, гречиха			
	1849 г.		1850 г.		1849 г.		1850 г.	
	засеяно	собрано	засеяно	собрано	засеяно	собрано	засеяно	собрано
Таманский	5974	77415	12537	40148	4863	30602	6197	22513
Екатеринодарский	4702	57965	15394	53805	11433	33744	14840	29829
Ейский	6464	28500	7824	37463	2280	25764	5722	21364
Итого:	17140	163880	35755	131416	18576	90110	26759	73706

Из злаковых культур по урожайности первое место занимала рожь, второе — пшеница, затем — яровые хлеба: овес, ячмень, просо и гречиха. Это были основные культуры, «прочего хлеба сеют в малом количестве»⁵.

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1161, л. 75.

² Там же, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 492 об.

³ Там же, л. 493.

⁴ Там же, ф. 252, оп. 1, д. 1161; О статистических сведениях за 1850 г. о войске Черноморском, л. 76, 77, 79, 80.

⁵ Там же, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 493.

Урожайность озимых и яровых культур в Черномории не превышала «сам-3» или «сам-4». Только по Таманскому округу в 1849 г. урожайность ржи и пшеницы оказалась необычайно высокой: «сам-14». Очевидно, произошло это благодаря высокому намолоту ржи. В лучшие годы урожай ее доходил до «сам-12», пшеницы — не выше «сам-7», а в обыкновенные годы урожай был «сам-3», «сам-4».

Яровые культуры: овес, ячмень, просо и гречиха — значительно уступали озимым по урожайности. Правда, по Ейскому округу в 1849 г. урожай овса и проса поднялся до «сам-12». Но эти культуры отличались и наибольшей неустойчивостью в урожае. Ячмень и гречиха — культуры теплолюбивые — в зависимости от климатических условий, влажности и заморозков, давали «сам-5-8-10». Однако в 1850 г. по Екатеринодарскому округу они плохо вознаградили хлеборобов за их тяжкий труд, дав урожай даже ниже «сам-2»¹.

Высокие урожаи хлебов в Черномории в целом были обусловлены не улучшенной техникой земледелия, а большим плодородием чернозема.

Важной отраслью сельского хозяйства Черномории являлось скотоводство. Обширные сенокосные угодья, тучные пастбища с сочной и мягкой травой, раскинувшиеся по степным просторам Кубани на два миллиона десятин, позволяли пашенным крестьянам и казакам разводить и содержать домашних животных не только как необходимое дополнение к земледелию, обеспечивая его тягловой силой. Эта отрасль хозяйства давала населению продукты питания, а домашним промыслам — сырье. Скотоводство Черномории составляло самостоятельную и притом господствующую отрасль сельского хозяйства.

Ведущей отраслью скотоводства являлось коневодство. Отмечаются две особенности в характеристике коневодства в кубанских степях. Первая — лошади кормились степным кормом под открытым небом². Это обуславливало выносливость и нетребовательность их к корму. Вторая особенность режима состояла в косячной случке, что приводило к смешению пород конского состава. Только в отдельных хозяйствах, разводивших особо ценные породы лошадей, косячная случка совмещалась с индивидуальной и конюшечным содержанием жеребцов до шести и кобыл до пяти лет.

Из многих разводимых здесь степных пород — донской, горской, киргизской, калмыцкой, запорожской — преобладала

¹ ГАКК, ф. 574 оп. 1, д. 257, л. 493.

² Там же, ф. 252, оп. 1, д. 303, л. 17, об. 18; ф. 249, оп. 1, д. 1764, л. 23 об.

черноморская. Лошади этой породы обладали крупным ростом, большой силой, выносливостью и резвостью. Однако замкнутость частных заводов и сравнительно небольшое поголовье племенных лошадей в каждом из них не создавали условий для развития и улучшения массового коневодства.

Отсутствие статистических данных не позволяет назвать точное число конских заводов в Черномории и поголовье лошадей в них. В источниках нет дифференциации между собственно коннозаводческими предприятиями специального типа и тем, что было бы вернее назвать конскими дворами, отвечавшими внутренним нуждам хозяйства. Как правило, в ведомостях приводятся показатели конского поголовья по всему Черноморью или по отдельным его округам.

Данные табл. 3 раскрывают состояние коневодства по округам Черноморий за 1850 г. Они включают поголовье степных частных табунов, военно-служебных коней и рабочих хозяйственных лошадей¹. Весь молодняк до четырехлетнего возраста, хотя и содержался отдельно от взрослых коней, также находился на степном режиме. В середине XIX в. в Черномории насчитывалось около 51 тыс. лошадей, т. е. поголовье возросло по сравнению с 1807 г. почти на 28 тыс. лошадей². Статистические данные о частных табунах, находившихся в Екатеринодарском округе, свидетельствуют о том, что они принадлежали старшинам и зажиточным казакам. В ст-це Старомышастовской, например, на 608 душ населения приходилось 857 коней. Из них 524 принадлежали отставному войсковому старшине Котляревскому, 253 лошади — есаулу Черной, 46 — подполковнику Зенковскому и 34 — хорунжему Попову³. В ст-це Роговской из 1289 чел. табунами владели войсковой старшина Вербицкий (262 лошади), старшина Бурносова (207), есаул Аленина (128), казак Марк Науменко (51), остальное же население этих станиц лошадей не имело⁴.

В хозяйствах старшин и зажиточных казаков содержались помимо лошадей и волов — главной тягловой силы в Черномории — стада коров и гулевого скота, большие отары овец, много коз, свиней и разнообразной птицы.

По приведенным в табл. 4 данным нет возможности выявить удельный вес старшинского скотоводства и сравнить

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1161. «Ведомость о коннозаводстве Черноморского казачьего войска за 1850 г.», л. 113—113 об., 114—114 об., 115—117

² Там же, ф. 249, оп. 1, д. 1764, л. 375.

³ Там же, ф. 252, оп. 1, д. 303, л. 15—15 об.

⁴ Там же.

Таблица 3

Округ	Количество, голов						Итого
	Жеребцов черноморских	Кобыл	Приплода				
			4 лет	3 лет	2 лет	1 года	
Таманский	918	6203	5475	5311	619	1362	19888
Екатеринодарский	509	5086	1889	2234	3714	3525	16957
Ейский	358	4504	1442	2225	2186	1252	11965
Всего:	1785	15793	8806	9770	6519	6139	48810

Таблица 4¹

Округ	Количество, голов					
	Волов		Коров и гулевого скота		Овец	
	1849 г.	1850 г.	1849 г.	1850 г.	1849 г.	1850 г.
Таманский	11011	14681	40574	51107	133461	147883
Екатеринодарский	14420	16275	59903	64836	128052	138249
Ейский	10388	14147	45476	53895	192663	247763
Всего:	35819	45103	14958	169833	454176	533895

его с показателями хозяйств зажиточных казаков войска. Сводные цифры говорят только о росте поголовья в 1850 г. по сравнению с предыдущим годом. Исключение составляет число волов в Таманском округе, уменьшившееся в 1850 г. Однако в целом по Черномории поголовье волов прибавилось за один год на 23 900 голов. Сводные данные о состоянии скотоводства в Черноморском войске показывают, что поголовье росло за счет естественного приплода. «Противу прошлого 49 года, — говорится в «Ведомости о состоянии скотоводства войска Черноморского», — увеличилось разного рода скота, все это скотоводство не встречало особенно важных потерь и от того более приплодилось»².

Особенно значительно увеличилось в Черномории поголовье овец. Овца давала казаку и крестьянину шерсть, смушки, шубные и меховые овчины, продукты питания. В описы-

¹ ГАКК, д. 1161. «Ведомость о состоянии скотоводства войска Черноморского», л. 82, 83, 85.

² Там же, л. 86.

ваемый период суконная промышленность России предъявляла большой спрос на шерсть, что стимулировало развитие в Черномории овцеводства. Разводились грубошерстные овцы. Нетребовательные к условиям существования, они содержались на подножном корму в обширных прикубанских степях. Для скрещивания с грубошерстными матками завозили сюда тонкорунных баранов испанской и других пород.

В начале XIX в. для разведения мериносов в Черномории был создан войсковой овчарный завод. В январе 1842 г., по данным директора Евдокима Парохни, поголовье его насчитывало 7 689 «испанских и других пород овец»¹. В мае 1846 г. в специальном «объявлении» по случаю продажи поголовья названы матки таких пород: «испанских 486, метисовых 629, цигейских 2 439»². Накануне реформы 1861 г. в Черномории насчитывалось 15 730 овец названных пород³. Скотоводство Черномории, в отличие от земледелия, носило торговый характер.

С образованием Черномории русские и украинские переселенцы занялись огородничеством и садоводством, ставшим важной отраслью хозяйства. Теплый климат Черномории позволял выращивать здесь все огородные и садовые культуры. Фруктовые деревья, как отмечалось в статистическом описании Черномории за 1852 год, растут на открытом воздухе без искусственной защиты, не подвергаясь суровости климата⁴. Из огородных культур выращивались капуста, свекла, морковь, лук, чеснок, редька, репа, тыква, огурцы, арбузы, дыни, т. е. те культуры, которые были предметами забот переселенцев у себя на родине. На новое место жительства они привезли и картофель. В официальном отчете за 1847 г. сказано, что «посев картофеля составляет постоянную потребность для жителя войска Черноморского». В тот год картофеля черноморцы собрали 14 143 четверти⁵. Черноморцы «разводили овощи... для своего употребления и частью на продажу»⁶. Так, жители Калниболоцкого юрта сбывали овощи в с. Белоглинское и стцу Новопокровскую Ставропольской губернии. В 1852 г. сотня кочанов капусты стоила здесь от 1,5 до 3 руб., свеклы — от 50 коп. до 1 руб., картофеля от 10 до 50 коп.⁷ Примечательно,

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 145, л. 4.

² Там же, л. 403.

³ Там же, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 82, 221 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 249, оп. 1, д. 1833, л. 308, 336.

⁶ Там же, ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 492 об.

⁷ Там же.

что посевы «земляных яблок, или картофеля», этой новой ценной культуры, «сообщаются от казаков к мирным черкесам»¹.

В первые годы заселения Черномории садоводство было слабо развито. У соседних же адыгов оно достигло тогда высокого уровня. На Тамани переселенцы также застали много фруктовых садов, насчитывавших 15 тыс. деревьев. В первые годы возникла даже необходимость раздачи садов на территории фанаторийского окружного правления «желающим старшинам на обрабатывание и соблюдение»². Тогда же в г. Екатеринодаре был заложен крупнейший в Черномории питомник в 25 тыс. кустов лучших сортов виноградных лоз и 19 тыс. фруктовых деревьев, привезенных из Крыма³. Однако в дореформенный период садоводство и виноградарство, как и земледелие Черномории, не получили еще широкого развития.

---

¹ Попко И. Черноморские казаки, с. 75.

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 263, л. 6.

³ Там же.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ДОНУ И В СТЕПНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

§ 1. Промышленность Донской земли и Приазовья в XVIII — первой половине XIX века

Процесс общественного разделения труда в XVIII в. отличался на Дону своеобразием. Если сельское хозяйство развивалось быстро, то в области промышленности рост производительных сил происходил очень медленно. В то время как во всей стране быстро увеличивалось число промышленных предприятий и утверждалась мануфактурная стадия в развитии промышленности¹, Дон еще не знал мануфактур. Правда, на Дону существовало небольшое число предприятий (некоторые из них назывались «заводами»), но занимались они главным образом переработкой продуктов сельского хозяйства и подсобных промыслов, к тому же они были небольшими.

Из числа подобного рода заведений наибольшее распространение на Дону получили так называемые рыбосплетные заводы, но крайне примитивного устройства². Очень несовершенными по оснащению и организации труда были и другие предприятия — салотопенные, кожевенные, маслобойные, шерстомойные, черепичные и т. п., к тому же очень немногочисленные на Дону. В книге Гильденштедта приводится такое описание устройства валяльной машины. «Сегодня, — пишет он, — рассматривал в стоящей на Бузулуке Алексеевской станции машины, на которых местные жители валяют сукно.

Для этого берут толстые дубовые бревна, почти 2-х футов

¹ Яцунский В. К. Указ. соч. — «История СССР», 1958, № 5, с. 68—77; Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. — В кн.: Вопросы генезиса капитализма в России. с. 7—8.

² См.: гл. II, § 1 настоящей монографии.

в диаметре, а длиной около 5 футов; эти бревна распиливают вдоль пополам и каждую половину выдалбливают в виде полуцилиндра. В этом полуцилиндре вырезывается двадцать прямолинейных выступов (Reife), которые делаются не очень острыми и высотой около дюйма; на дне полуцилиндра вырезывается небольшой желобок, по концам имеющий 2 дыры для стока воды. Этот выдолбленный полуцилиндр ставится горизонтально и представляют собой корыто валяльной машины.

Вторая часть этой машины—это длинное бревно, имеющее 7 футов длины, от 6 до 8 дюймов ширины и несколько дюймов толщины; снабжено оно на нижней поверхности 7-ю широкими зубцами, а на середине верхней поверхности находится крюк (Накен), сквозь который продета веревка, удерживающая брус в висячем положении; по обоим концам бруса приделаны 2 рукоятки, за которые хватаются 4 человека и раскачивают брус по длине от одного конца на другой так, что лежащее под ним в корыте сукно, смоченное теплою водой и маслом, давится и трется. Нельзя отрицать, что эта машина очень несовершенна и гораздо хуже обыкновенной валяльной мельницы, но в случае нужды, когда нет хорошей машины, этот прибор годится для домашнего употребления»¹.

Завладев в первой четверти XVIII в. маньчскими степями и получив маньчские озера в исключительное владение, донские казаки с 40-х годов XVIII в. стали заниматься добычей соли. Казаки нуждались в большом количестве соли для рыболовного промысла. Войско разрешало казакам «ломать» соль для собственного употребления или для продажи в пределах Донской земли. Но провозить добытую соль через маньчские степи было опасно из-за частых нападений на обозы со стороны кочевников. Поэтому добычей соли занималась небольшая часть казаков, а остальные предпочитали ее покупать. Обычно «ломка» соли начиналась осенью, после того как в течение лета в соляных лиманах воды становилось меньше и соль стучалась в кристаллы, которые осаждались на дно, образуя кору. Кору разбивали ломками, соль нагружали в тачки лопатами и по доскам «вывозачивали» на берег, где складывали, а затем грузили на телеги. Таким примитивным способом казаки, как сообщает де-Романо, добывали в Маньчских озерах 4 млн. пудов соли в год².

¹ G ü l d e n s t ä d t J. A. Reisen durch Russland, Bd. 1, S. 73. В той же книге описание машины, служащей для очищения воска, которая отличалась столь же примитивным устройством (там же, с. 94).

² R o m a n o A. L. de Goup d'oeil philosophique, t. 2, p. 141.

Во второй половине XVIII в. на Дону начали распространяться водяные мельницы. Они стояли дорого, принадлежали, как правило, старшинам и богатым казакам и приносили им значительный доход¹. Но, как видно из описания Гильденштедта, устроены они были очень примитивно, часто останавливались и ломались².

Даже ремесла, которые в центральной России еще в средние века достигли очень высокого уровня, у казаков и в XVI—XVII и в XVIII вв. были развиты очень слабо. По данным «Топографического описания» 1806 г. на Дону «из обывателей некоторая часть отправляет ремесла: кузнечное, слесарное, сапожное, портняжное, плотничье, кушнарское и каменщицье»³. Из казаков этим занимались лишь неспособные к службе и бедные. Так, в 1776 г. «по бедности шшел для кузнечной работы» казачий сын Степан Чертопрахов⁴, в 1790 г. «по недостатку де ево, будучи не в состоянии исправиться к военной службе», был записан в число войсковых каменщиков казак Сиротинской станицы Ларион Тандыкин⁵.

Основные ремесленные работы выполнялись не казаками, а великоросскими и украинскими людьми. Большая часть из них приходила на Дон на короткое время. Так, в 1774 г. для работ по строительству в Черкасках каменной церкви приехали из Москвы один «мастер», 2 штукатура и 8 каменщиков⁶, в 1750 г. пришли из Суржака мастера по валянию шерсти и нанялись для выполнения работ по заказу казаков Кумылженской станицы⁷. Постепенно многие из них оседали. Среди многочисленных украинцев, проживавших на Дону сначала свободно, а с 1764 г. в качестве «приписных» встречались в значительном числе овчары, мельники, «кравецы» (портные), «чеботари», «ковали», маляры и пр.⁸.

В первой половине XIX в. промышленность на Дону оставалась развитой слабо. Хотя в России начался уже переход к машинному производству, на Дону лишь утверждается мануфактурная стадия развития промышленности. В этот период

¹ Письма Н. Л. Астахова к своим детям. — СОВДСК, вып. 6, с. 192—194, 198.

² G ü l d e n s t ä d t J. A. Reisen durch Russ'land. Bd. T. 1, S. 60.

³ СОВДСК, вып. 11, с. 36—37.

⁴ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 192, л. 1.

⁵ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 47; см. также: ф. 338, оп. 1, д. 191, л. 2; д. 210, л. 1; д. 278, л. 10 и 28; д. 298, л. 6; д. 354, л. 24; д. 435, л. 6.

⁶ Акты Лищина, т. 2, ч. 1, № 341, с. 308—309.

⁷ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 16.

⁸ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1215—1226; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 16, 23; д. 354, л. 24; д. 435, л. 5; д. 625, л. 2 и др.

в Донской области и Приазовье преобладали в основном мелкие предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, а также небольшие кирпичные заводы. В отчете по войску Донскому за 1818 г. войсковый атаман А. К. Денисов писал: «По войску Донскому никаких фабрик и мануфактур не имеется по причине занятия жителей казачьего сословия военной службой»¹. Даже в наиболее экономически развитом Миусском округе «фабрик и мануфактур, где мог бы (крестьянин) заработать на пропитание семейства своего нет никаких...», отмечалось в 1841 г. в рапорте поручика Картушина войсковому наказному атаману Власову².

«Главнейшими источниками богатства жителей земли войска Донского, — как считал И. Ф. Штукенберг, — служат земледелие, скотоводство, промышленность, каменный уголь, соль, рыбные промыслы и торговля. Фабрик и ремесел вовсе не существует в земле войска Донского»³. В 1822 г. в Донской области насчитывалось 74 завода, из них винокуренных — 37, кирпичных — 31, салотопенных — 4, на которых все работы производились вручную⁴.

Обилие рыбы на Дону и его притоках, в озерах и прудах донского края создавало благоприятные условия для развития рыбных промыслов⁵. Превращение хлебопашества в ведущую отрасль хозяйства на Дону способствовало развитию мукомольной промышленности. Широкое распространение, особенно в первой четверти XIX в., получили водяные мельницы, как наиболее производительные и доходные. В 1822 г. на Дону насчитывалось 1293 ветряных и 813 водяных мельниц. Водяные мельницы стоили дорого, они как правило принадлежали помещикам и зажиточным казакам. Так, из 813 водяных мельниц 267 владели помещики⁶.

Среди предприятий Таганрога выделялась паровая мельница — крупнейшая на юге страны. Она занимала большое трехэтажное здание и была оборудована совершенной по тому времени техникой. Паровые машины приводили в движение 24 жернова мельницы. На мельнице изготавливалась мука, большая часть которой шла на экспорт.

К середине XIX в. число ветряных мельниц значительно

¹ ЦГВИА, ф. 331, оп. 1, д. 192, л. 72.

² ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 15, л. 2.

³ Штукенберг И. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 19.

⁴ Статистическое описание земли донских казаков..., с. 223—224.

⁵ См.: подробнее § 3, гл. II настоящей книги.

⁶ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 398, л. 45—56 (подсчет авт.); статистическое описание земли донских казаков, с. 150—183.

возросло. В 1849 г. их насчитывалось на Дону 2 139. А количество водяных мельниц осталось почти без изменения (871)¹. Это объяснялось тем, что строительство ветряных мельниц обходилось дешевле и не требовало специальных условий (наличия реки, ее перекрытия, строительства дамбы и т. д.).

Новым явлением для экономики Дона и Приазовья стали в первой половине XIX в. винокуренные заводы. Сырьем для них служило поставляемое казаками и крестьянами зерно, которое, по свидетельству современников, из-за плохой обработки ценилось и продавалось вдвое дешевле помещичьего. Изготавливаемые из него вино и водку продавали в различных уголках Земли войска Донского и за ее пределами², где производство хлеба занимало ведущее место³. Большинство винокуренных заводов принадлежало донским чиновникам и зажиточным казакам.

Из-за нехватки крепостных крестьян даже для хлебопашества и скотоводства помещикам и зажиточной верхушке донского казачества приходилось использовать на винокуренных заводах наемный труд. Однако винокурение не получило на Дону и в Приазовье широкого распространения. Если в 1820 г. на 37 винокуренных заводах работали 227 наемных рабочих и производилось 194 тыс. ведер, то в 1860 г. на 6 винокуренных заводах с общим числом рабочих 351 чел. было выработано 202 тыс. ведер вина⁴. Причиной этого было превращение области войска Донского и Приазовья в район торгового земледелия с выходом донского хлеба на внутренний и внешний рынок и введение в 1843 г. винного откупа, который привел к значительному сокращению винокуренных заводов и производства хлебного вина.

Развитие рыбного промысла и наличие большого количества рыбоспелтных заводов способствовали росту добычи соли в области войска Донского. Соляные промыслы кроме доходов войску давали хороший заработок казакам ряда станиц, позволяя им снаряжать своих сыновей на службу без помощи Войска⁵.

Ежегодно численность занимавшихся соляными промыслами достигала 2—3 тыс. чел. Рабочих на промыслы обычно нанимали крупные предприниматели на Мартыновской ярмарке

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720, л. 283, 286—292 (подсчет авт.).

² Краснов Н. Материалы..., с. 250.

³ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 398, л. 45—56.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720, л. 283, 286—292; Краснов Н. Материалы..., с. 368—369, 392—393.

⁵ СОВДСК, вып. 4, с. 76.

до 1 октября с платой от 60 до 90 руб. в месяц. Добывали соль артелями в 50 и более человек. В 1845 г. на Манычских соляных озерах было добыто 1 200 тыс. пудов соли¹.

По мере развития соляного промысла крупные соледобытчики из организаторов производства превращаются в перекупщиков соли².

В первой половине XIX в. на Дону возникает и развивается угольная промышленность. Добыча каменного угля здесь началась еще в 1791 г., когда приступили к разработке месторождений в юрте станицы Гундоровской с поставкой угля Луганскому литейному заводу.

С 1797 по 1806 г. были найдены девять месторождений угля на Нижнем Донце и Нижнем Миусе. В 1827 г. в Донской области развернулись разведывательные работы под руководством полковника Оливиери, посланного на Дон правительством. Тогда же были открыты залежи Грушевского антрацита.

Войсковое правление, увидев, что угольный промысел начинает приносить промышленникам прибыль, в 1836 г. командировало на хутор Поповку асессора Максимова для изучения этого дела с намерением, если оно выгодно, наложить пошлину на добываемый уголь. На Грушевском руднике Максимовым были найдены шесть горных выработок в виде штолен, направленных по наклону пласта, принадлежавшие первым грушевским углепромышленникам: есаулу Фомину, казакам Галушкину, Левицкому, Болдыреву, Струкову и Дубровскому с Сухаревским, которые добывали до 50 тыс. пудов антрацита в год³.

Вскоре «по высочайшему повелению» был командирован в Донскую область горный инженер штабс-капитан Анисимов. В 1841—1842 гг. он исследовал 97 месторождений угля, из них 42 наиболее богатых были взяты в войсковую собственность. В 1843 г. были исследованы еще 258 месторождений, расположенных в Донецком и Первом Донском округах. Из них 55 подлежали передаче в войсковую земельную собственность. Центром угольной промышленности в Донской области становится район р. Грушевки.

В 1837 г. в Грушевке было три шахты, на которых все операции выполняли наемные рабочие. Один работник добывал от 20 до 30 пудов угля в сутки, себестоимость которого со-

¹ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 302, л. 66.

² СОВДСК, вып. 4, с. 94—95.

³ Антипов А. Исторический очерк развития на Дону горной промышленности. ТОВДСК, вып. 1, с. 57—58.

ставляла 8—12 коп. за пуд. В 1839 г. в Грушевке насчитывалось уже 6 шахт с годовой добычей 150 тыс. пудов, а в 1857 г. из 57 действовавших в войске Донском шахт — 44 приходились на этот район. В 1853 г. на Грушевских шахтах было добыто 3 649 тыс. пудов угля¹. Цена за уголь по месту сбыта возросла с 20 до 25 коп. за пуд².

Резкий скачок добычи угля к середине 50-х годов XIX в. стал возможен не только в результате увеличения количества шахт, но и благодаря изменению способов добычи и введению различных технических усовершенствований.

До 1841 г. уголь на Грушевке добывали на так называемых ползовых шахтах, которые шли по наклону пластов. Антрацит в них доставляли на поверхность сами рабочие на салазках, вмещающих от 5 до 7 пудов угля, воду откачивали бочонками³. С 1841 г. стали рыть вертикальные шахты. В 1842 г. была углублена до верхнего рабочего пласта первая образцовая войсковая вертикальная шахта. На ней применили крепления, внутренние откатки и наружное подъемное устройство посредством конного ворота. Для откачки воды были устроены ручные ворота с вертикальным валом. С помощью этих приспособлений антрацит поднимали на поверхность в ящиках, емкостью до 8 пудов угля; воду — бадьями⁴. По образцу этой шахты начали делать точно такие же и в других местах Грушевского рудника. К 1864 г. на Грушевском руднике насчитывалось 747 участков, где добывали до 5 млн. пудов антрацита в год⁵. В то же время при относительно широком развитии горного промысла, как отмечают современники, на Дону до 1860 г. в шахтах работала только одна паровая машина, да и та не действовала⁶.

В конце 30-х начале 40-х годов XIX в. частные шахты были незначительны и оценивались они хозяевами в 20—28 руб. ассигнациями, а в 50-х годах — основной капитал для проходки шахты на глубину 40 сажень, постановки необходимых строений составлял уже от 7 000 до 8 000 руб⁷.

С развитием горного промысла стала ощущаться нехватка рабочей силы. Большинство горнорабочих, трудившихся на

¹ ГАРО, ф. 46, оп. 3, л. 127, л. 32.

² Краснов Н. Материалы..., с. 351.

³ Юганов Н. Грушевские антрацитовые разработки в земле войска Донского. — ДВВ, 1861, № 12.

⁴ ДВВ, 1861, № 9, № 12.

⁵ ТОВДСК, вып. 1, с. 58—59.

⁶ Краснов Н. Материалы..., с. 350.

⁷ Там же, с. 343, 350.

шахтах, состояло из крестьян, которые несмотря на выгоду промысла при наступлении полевых работ с июня до октября бросали шахты и уходили в деревни. Недостаток рабочей силы в войске Донском заставлял горнопромышленников искать выход в привлечении постоянных рабочих из-за границы. Некоторые шахтовладельцы начали вытисывать горнорабочих из Пруссии, однако этот опыт не дал желаемых результатов¹. Поэтому в Донской области заработок рабочих был несколько выше, чем в центральных губерниях России и имел тенденцию к росту. Если в 1848 г. горнорабочий получал 2 1/2 коп. с добытого пуда, то в 1860 — 5 1/2 коп.²

Несмотря на то, что грушевские шахты были расположены рядом с Азовским морем, транспортировка угля была делом сложным и дорогим. Большую часть добытого угля доставляли потребителям на фурах конной или воловьей упряжки. Это обходилось очень дорого. Вот почему потерпела неудачу попытка сбывать уголь в Москве, предпринятая в 1850 г. Доставка туда угля заняла 145 дней, и пуд антрацита обошелся 47 1/4 коп. По заключению московского генерал-губернатора А. А. Закревского, «не только по цене 40 коп., но и по 30 коп. за пуд не будет никакой пользы для фабрикантов заменить дрова или торф этим стораемым»³. Даже для пароходов Черноморского флота дешевле было доставить уголь из Англии, нежели из находившихся рядом шахт Донской области. Когда началась Крымская война, паровые суда русского флота остались без угля, который ввозили из Англии. Только в начале 60-х годов началось строительство Грушевской железной дороги, которая должна была соединить грушевские шахты со стацией Аксайской, расположенной на берегу Дона.

Развитие промышленности разрушало внутриобластную замкнутость и вовлекало Донскую область в орбиту всероссийского рынка. Если в начале XIX в. сырьем для винокуренных, салотопенных, кожевенных заводов служило местное сырье — продукция помещичьих имений казачьих и крестьянских хозяйств, то к концу 50-х годов XIX в. некоторые из водочных, кожевенных, воскобойных предприятий получали сырье из Московской, Харьковской и Саратовской губерний⁴. Готовый товар — выделанные овчины, мерлушки, обработан-

¹ ДВВ, 1861, № 3.

² ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 127, л. 32—35 об.

³ Цит. по: Модестов В. В. Из истории угольной и металлургической промышленности Донбасса. — В кн.: Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX века. М., 1958, с. 264.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720, л. 283—292.

ные кости, валяные изделия из шерсти отправляли в Среднее Заволжье и Поволжье, в Харьковскую губернию, туда же поступало и сырье¹. Однако рост промышленности тормозился средневековыми, феодально-сословными препонами. В 1839 г. было издано постановление о вымежевании в войсковую земельную собственность всех земель, на которых обнаружались месторождения каменного угля (в том числе и помещичьи) с вознаграждением владельцев из свободных войсковых запасов. Поэтому помещики не только не добывали уголь и не сдавали угольные участки в аренду, но тщательно скрывали угольные месторождения на своих землях. Добычей угля могли заниматься только лица, принадлежавшие к войсковому сословию. Лишь в 1856 г. добывать уголь на войсковых землях было разрешено товариществу из лиц невойскового сословия. Развитию промышленности препятствовал и сословный характер землевладения. В 1835 г. казаку П. Сербинову было запрещено заводить в войске Донском «фабрику для делания разных сортов писчей бумаги» по той причине, что «устройство на войсковой земле фабрик и других заведений разрешается не иначе, как с согласия тех станичных обществ, в юртах коих предполагается постройка»².

В рескрипте Николая I, присланном на Дон в 1835 г., указывалось, чтобы «никто из непринадлежавших войску людей не был допускаем на постоянное жительство в войско Донское», а лица, находящиеся в войске Донском «по служебным обязанностям, гражданские они, или духовные... как покупать и строить в войске домов, так и приобретать земельных угодий... не имеют права»³. Иногородние вообще могли проживать и иметь торгово-промышленные предприятия только в г. Новочеркасске. Промышленность Приазовья — в г. Ростове, Таганроге, Нахичевани и близлежащих селах, свободная от феодально-сословных пут, развивалась значительно быстрее, чем в области войска Донского.

Если в 20-х годах XIX в. здесь, как и на Дону, были в основном мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, то в 40-е—50-е гг. появились заводы, положившие начало совершенно новым отраслям промышленности. В 1846 г. в Ростове был открыт чугунно-плавильный завод, работавший на чугунном ломе и изготовлявший земледельческие орудия, плиты, решетки и т. д., а 1853 г. К. С. Ку-

¹ Рындызюнский П. Г. Мелкая промышленность. — В кн.: Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959, с. 89.

² ЦГВИА, ф. 331, оп. 1, д. 755, л. 1—3 об.

³ Попов И. П. Материалы к истории Дона, с. 157.

шнарев основал табачную фабрику с капиталом 3 000 руб. Подобные предприятия стали возникать также в Нахичевани, Таганроге, а в конце 50-х годов — в Новочеркаске»¹.

На формирование буржуазных отношений в промышленности Дона и Приазовья большое влияние оказали отхожие промыслы. Важнейшими рынками рабочей силы на юго-востоке России становятся Ростов и Таганрог. Здесь к началу сезонных работ собирались десятки тысяч наемных рабочих. Отсюда они уходили на заработки в область войска Донского, Екатеринославскую губернию и Черноморское казачье войско². По неполным данным, в 1850 г. в Ростов прибыло более 15 тыс. рабочих, из них почти 10 тыс. составляли женщины, что свидетельствует о широком применении женского труда на промышленных предприятиях области (особенно на шерстомойках)³.

Значительная часть пришлых рабочих прямо направлялась на Грушевские шахты, Манычские соляные озера и т. д. Известно, что в 1860 г. на шахтах Грушевского района было занято не менее 1 600 рабочих, на манычских соляных промыслах — 1 500 чел.⁴, на шерстомойках Ростова — до 10 тыс. чел.⁵, на других промышленных предприятиях — не менее 2 тыс. чел. Много рабочих трудилось на рыбных промыслах, разгрузке и погрузке товаров в Таганрогском и Ростовском портах. Особенно широко применялся вольнонаемный труд на водном и гужевом транспорте.

В летний период с начала мая до конца октября между волжской пристанью Дубовкой и казачьей станицей Качалинской происходила так называемая «ходка». Здесь с разных концов южной и юго-восточной России собирались тысячи возчиков, объединяясь в артели по 10—60 пар волов, запряженных в украинские фуры. Через пролетающий перевалок в направлении к Дону они везли из Сибири и северных губерний лесные материалы, изделия из металла, вино и разнообразные товары промышленного центра. Каждый возчик получал по 8—15 коп. ассигнациями с пуда, а каждая фура могла поднять от 30 до 60 пудов⁶.

¹ Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону, 1749—1949. Ростов н/Д, 1949.

² ЖМВД, ч. 28, Спб., 1838, с. 138—147.

³ Чалхушьян Г. Х. История Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 1893—1894, с. 50.

⁴ Краснов Н. Материалы..., с. 357, 361.

⁵ Кузнецов И. А. Прошлое Ростова. Ростов н/Д, 1897, с. 115.

⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2, с. 376.

Одним из распространенных отхожих промыслов было бурлачество. Сплав барж с верховьев Дона до Ростова стоил до 25 руб. Многие крестьяне, покончив со сплавом, не возвращались домой, а прямо уходили в степи наниматься на полевые работы, мельницы и заводы¹.

Хотя заработок на Дону был несколько выше, чем в центральных губерниях России, он оставался мизерным и едва обеспечивал рабочим нищенское существование. Женщины-работницы ростовских шерстоек в середине прошлого столетия получали всего по 20—30 коп. в день². За жилые помещения приходилось отдавать значительную часть заработка. Шахтеры ютились в зловонных сырых землянках. По этой причине приходившие на Дон работники, главным образом из государственных и оброчных крестьян, долго не задерживались здесь. Обычно через год—два они уходили в поисках лучших условий. Но уже к середине XIX в. сформировался костяк постоянных рабочих. По данным Г. А. Иноземцева, на Дону и в Приазовье их насчитывалось накануне реформы 1861 г. около 5—6 тыс.³

Возрастание роли наемного труда, развитие рынка рабочей силы способствовали возникновению более совершенных заводов и фабрик, что привело к изменению структуры донской промышленности. Повышается удельный вес шерстомотильных, кирпичных, кожевенных предприятий, требовавших больших капиталовложений, и предприятий новых отраслей промышленности — угольной, табачной и т. д. В 1860 г. на Дону (включая Таганрог, Ростов и Нахичевань) было 222 завода, из них 95 кирпичных, 19 салотопенных, 5 овчинных, 9 шерстоек, 13 свечных, 12 табачных, 6 винокуренных и т. д.⁴. Объем производства этих предприятий составил в том же году 1 050 тыс. руб.

В отличие от других районов страны в Донской области и в первой половине XIX в. очень слабо было развито ремесло. Еще в начале XIX в. в прошении на имя войсковой канцелярии от «деревянных, холщовых, сапожных, шапошного и железного рядов старост и стариков» отмечалось, что у них

¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа. П. Д. Киселева, т. 1, с. 413.

² Кузнецов И. А. Указ. соч., с. 115.

³ Иноземцев Г. А. У истоков рабочего движения на Дону. Ростов н/Д, 1956, с. 11.

⁴ Номикосов С. Указ. соч., с. 531; Кузнецов И. А. Указ. соч., с. 15; Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Указ. соч., с. 62; Бровкович Д. А., Иноземцев Г. А., Корчин М. Н. Таганрог. Ростов н/Д, 1948, с. 42.

нет условий «для торговли, работы, представлении местаazole базара для беспрепятственного прохода и защиты их прав»¹. Ввиду отвлечения казаков для несения воинской повинности мало что изменилось в развитии ремесленных промыслов и к середине XIX столетия. Фактически на Дону не было ремесленных промыслов за исключением, пожалуй, «гончарного», работавших на рынок. Ремесленники, проживавшие в городах и станицах области (портные, сапожники, столяры, ковали и др.) почти целиком были заняты удовлетворением нужд местных заказчиков.

Развитие промышленности и сельского хозяйства способствовало росту городов в Донской области и Приазовье.

18 мая 1805 г. был заложен Новочеркасск — главный административный центр Донской области. Необходимость переноса казачьей «столицы» из Старочеркаска была продиктована неудачным его расположением: почти ежегодно город затоплялся весенними водами Дона. Была и другая причина — донское дворянство во главе с М. И. Платовым стремилось создать новый дворянский по своему облику центр, свободный от вековых традиций Старочеркаска как центра когда-то вольного Дона. В 1804 г. на Дон по царскому указу был направлен инженер де Волан, который должен был осмотреть место для нового города. М. И. Платов и де Волан избрали таким местом так называемый Бирючий Кут — возвышенность, окаймленную двумя небольшими речками — Аксаем и Тузловом. Здесь в торжественной обстановке и был заложен в мае 1805 г. г. Новочеркасск. Уже через год сюда начали переводиться официальные учреждения из Старочеркаска². Последний теряет свое прежнее значение не только административного центра, но и города, превратившись со временем в станицу.

В 1859 г. в Новочеркасске уже насчитывалось почти 20 тыс. жителей³. Это был город донских дворян, чиновников и казачьей верхушки. Промышленные предприятия в нем почти отсутствовали. Городская торговля обслуживала главным образом жителей города.

Совсем иного рода были города Ростов, Нахичевань и Таганрог. Они выросли как крупнейшие торговые центры не только Донского края, но и Южной России. Нахичевань, возникшая в 1780 г., была тесно связана с Ростовом и прежде всего

¹ ГАРО, ф. 341, оп. 1, л. 68, л. 19—23.

² Кирпичников А. Новочеркасск (1805—1905 гг.). Новочеркасск, 1905.

³ Краснов П. Материалы..., с. 506.

с его портом и торговыми учреждениями. Армянское купечество играло видную роль в торговле Ростова. Территориально Нахичевань почти сливалась с Ростовом. Их отделяла друг от друга узкая полоса, впоследствии полностью застроенная жилыми домами, складами и т. д. В Нахичевани уже в начале XIX в. развивается промышленность: открываются шелкоткацкие, кирпичные, кожевенные и другие предприятия. К началу 60-х годов здесь насчитывалось 40 промышленных предприятий: 2 табачных, 11 салотопенных, 5 хлопчатобумажных, 4 свечных и т. д. Они были небольшие, и общий объем их производства составлял лишь 100 тыс. руб.

С 1797 г. Ростов становится уездным городом Новороссийской губернии, но с 1807 г. Ростов, Нахичевань и Мариуполь—города, тесно связанные с таганрогской морской торговлей, были включены в состав Таганрогского прадоначальства.

До открытия в 1836 г. в Ростове таможни он был крупным центром транзитной торговли. Доставлявшиеся сюда товары из различных районов Донской области, Поволжья, Урала и Сибири и других губерний страны затем переправлялись в Таганрог.

С 1836 г. Ростов приобретает самостоятельное значение как торговый центр и вскоре опережает по оборотам Таганрогский порт. Обозреватель журнала «Москвитянин» писал в 1850 г. о Ростове, его значении и влиянии на развитие юга и юго-востока России: «К числу новых рынков, открытых для отечественной торговли, принадлежит город, которого существования до 1830-х годов никто не подозревал. Это город Ростов-на-Дону. Это, собственно, форштадт крепости Св. Дмитрия, которая по своему местоположению на устье (гирлах) р. Дона, должна была сделаться торговым рынком для казачьих земель. Теперь благодаря счастливому развитию Азовской торговли г. Ростов-на-Дону служит пристанью для всей юго-восточной России и обещает в будущем еще значительно развиться. Он основан так называемыми «бурлаками», зашедшими в этот край более ста лет назад». В 1823 г. вся его торговля не превышала 150 тыс. рублей серебром и состояла из одного железа и коровьего масла. С учреждением таможни в 1836 г. отпускная торговля достигла 342 тыс., а к 1846 г. 2 836 000 рублей, т. е. увеличилась в 20 раз¹.

Численность населения города неуклонно растет. В 1809 г. в Ростове проживало 3 000 чел., в 1823 — 6 594, а в 1860 г. —

¹ «Москвитянин». Учено-литературный журнал за 1850 г., ч. 3, от. 5, с. 91—92.

17574 чел.¹. Фактически число жителей города было значительно большим, так как официальная статистика не учитывала прошлое население. Большинство населения города составляли помещицы и государственные крестьяне, пришедшие на заработки, нижние чины—солдаты крепости Св. Дмитрия и казенные поселяне². Во второй четверти XIX в. в Ростове начинает развиваться промышленность. В 1850 г. здесь насчитывалось более 50 предприятий³. Правда, большинство из них было мелкими заведениями с небольшим числом рабочих. Наиболее крупными предприятиями были шерстемойки, деятельность которых носила сезонный характер. На шерстемойках Эмса, Рали, Скараманга и других было занято до 6 тыс. рабочих. Шерстемойки вымывали ежегодно до 220 тыс. пудов шерсти. Значительную роль в городской жизни играло купечество. Растут купеческие капиталы и численность купеческого населения. Если в 1823 г. в Ростове купцы и члены их семей составляли 192 чел., то в 1851 г. — 1 275, а в 1859 г. — 2 495 чел.⁴

Крупным торговым городом был Таганрог. В октябре 1843 г. депутаты таганрогских купцов в записке правительству писали о Таганроге: «Вся Россия открыта ему. Он находится в свободном во всякое время сообщении с коренными русскими губерниями, с Москвой, сердцем и торжищем Государства, с ярмарками Нижегородской, Ирбитской, Коренною, Лебедянскою, Урюпинскою и Харьковской — следовательно, торговля его есть торговля Государственная...»⁵.

Таганрог в начале XIX в. подчинялся Новороссийскому губернатору. Указом Александра I от 12 июня 1808 г. «для пользы таганрогской торговли» таганрогский прадоначальник был освобожден от подчинения административным органам Новороссийского края и подчинялся непосредственно центральному правительственным учреждениям.

В 1887 г. Таганрог вошел в состав области войска Донского. Значение города росло с развитием его внешнеторговых операций. Почти все городское население так или иначе было связано с внешней торговлей. Основную часть населения составляли грузчики, возчики, моряки каботажных судов, рабочие обширных складов и амбаров, комиссионеры, служащие

¹ Кузнецов И. Указ. соч., с. 65.

² Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, т. 1. Ростов н/Д, 1912, с. 52—53.

³ Кузнецов И. Указ. соч., с. 65.

⁴ Чалхушьян Г. Х. Указ. соч., с. 48.

⁵ ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 304, л. 14.

торговых компаний, чиновники таможни, комерческого суда и других государственных учреждений, а также купцы. Численность населения Таганрога за первую половину XIX в. увеличилась в девять раз — с 2390 в 1806 г. до 21279 чел. в 1860 г. Численность купеческого населения только за 24 года возросла в три с половиной раза (с 394 в 1823 г. до 1415 чел. в 1841 г)¹. Купечество города, имевшее два магистрата (русских купцов и купцов греческого происхождения), оказывало значительное влияние на местные административные органы: чиновничий аппарат градоначальства, таможни, коммерческий суд. Многие из дворян, проживавших в Таганроге (Фурсовы, Сафиянопуло, Варвацци и др.) также активно участвовали во внешнеторговых операциях города.

Таким образом, в промышленном развитии области войска Донского и Приазовья происходят заметные сдвиги: дальнейшее распространение получают предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, возникают новые заводы, фабрики и шахты, положившие начало таким отраслям промышленности, как винокуренная, мукомольная, шерстемойная, каменноугольная, литейная. Характерным явлением в экономике становится широкое использование наемного труда и различных технических усовершенствований.

Развитие старых и возникновение новых городов на Дону и в Приазовье способствовали подъему промышленного и сельскохозяйственного производства, расширению внутренней и внешней торговли, вовлечению этого экономического района в орбиту всероссийского рынка и мировой системы хозяйства.

Складывание буржуазных отношений и развитие промышленности на Дону и в Приазовье в первой половине XIX в. заметно отличалось по характеру от этого процесса в центральных районах России. Оно имело свои особенности, вытекавшие из исторически сложившихся условий формирования и развития донского казачества. В то время как Россия вступила в эпоху промышленного переворота, на Дону и в Приазовье только начинается переход от простой капиталистической кооперации к мануфактуре. Промышленное производство начинает разрушать внутриобластную замкнутость. В Приазовье промышленность, свободная от сословно-феодалных пут, развивалась значительно быстрее, чем на Дону. Здесь

---

¹ ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 284, л. 33; Бровкович Д. А., Иноземцев Г. А., Корчин М. Н. Указ. соч., с. 33; ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 301, л. 14.

фактически отсутствовали крепостнические формы производства и поэтому предприятия основывались на более свободных началах.

§ 2. Рыбные промыслы казачьих областей Азовского бассейна

Рыбные промыслы Азовского бассейна занимали видное место в рыболовной промышленности России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. К 50-м годам XIX столетия Азовский бассейн вышел по общим размерам уловов на второе место в России, а само рыболовство превратилось в важную отрасль экономики юга страны.

Рыбопромысловая деятельность русских и украинцев в Азовском бассейне началась, когда побережье моря находилось в руках Турции. Вплоть до второй половины XVIII в. освоение бассейна тесно связано с внешней политикой правительства России, направленной на обеспечение выхода страны к южным морям и защиту границ, а также с практической боевой деятельностью донского и запорожского казачества. В таких условиях бассейн Дона в XVII — первой половине XVIII в. осваивали преимущественно донские и запорожские казаки. Из-за крайне трудных условий к 60-м годам XVIII в. была освоена только часть Азовского бассейна — низовья Дона, северное и частично восточное побережье моря. Крымское и значительная часть кубанского побережья остались вне досягаемости рыбопромышленников Русского государства.

Во второй половине XVIII в. начинается принципиально новый этап. В 80-е годы XVIII в. Азовское море превращается во внутреннее море России, что создало благоприятные условия для широкой колонизации обширного южного края и рыбопромыслового освоения всего бассейна.

Развернувшаяся во второй половине XVIII в. массовая колонизация приазовских земель сопровождалась активным включением различных групп поселенцев (украинских государственных крестьян, солдат гарнизонов, греков, армян и др.) в рыбопромысловую деятельность. Находясь в прямой зависимости от военно-политической ситуации на юге и связанных с нею темпов и особенностей заселения и освоения края, рыбный промысел, в свою очередь, оказывал влияние на географию заселения приазовских территорий. В итоге уже к концу XVIII в. вся прибрежная полоса Азовского моря вместе с устьями впадающих в него рек оказалась заселенной и вовле-

ченной в хозяйственный оборот, а к середине XIX в. Азовский бассейн прочно вошел в состав ведущих рыбопромысловых районов России.

С появлением в Приазовье наряду с казачьим русокого и украинского населения естественно возникла проблема использования рыбопромысловых вод различными группами населения.

Проводя курс на превращение донского казачества в замкнутое привилегированное военнотруженное сословие, призванное стать верной опорой самодержавия, правительство России встало на путь размежевания вод бассейна, наделив казачество исключительным правом беспощадного рыболовства в торгово-предпринимательских целях в закрепленных за войском водах. Рыболовство рассматривалось как один из материальных источников исправной подготовки каждого казака к несению обязательной военной службы.

Как и многие другие исключительные права донского казачества, привилегия в области рыболовства сложилась, была оформлена и закреплена в законодательном порядке верховной властью далеко не сразу. Но к 60-м годам XVIII в. многое в этом отношении было уже сделано.

В обстановке массовой колонизации Приазовья во второй половине XVIII в., совпавшей во времени и связанной по существу с началом разложения феодально-крепостнической системы в России, всем ходом экономического развития был выдвинут вопрос о двух возможных путях дальнейшего развития промыслов Азовского бассейна.

Первый путь, предполагавший ликвидацию права-привилегии донского казачества в области рыболовства и провозглашение «всесословного» (с определенными оговорками) права на свободное предпринимательское рыболовство в низовьях Дона и Азовском море, объективно вел к подрыву одного из основных устоев, определявших существование феодально-замкнутого военнотруженного казачьего сословия. Одновременно он создал сравнительно благоприятные условия для быстрого утверждения капиталистических отношений в этой отрасли хозяйства.

Однако в рассматриваемое время победила другая линия — линия на дальнейшее укрепление и развитие сословных прав казачества, призванная обеспечить его сохранение в качестве особой военнотруженной корпорации. Это во многом предопределило дальнейшую историю рыбных промыслов Азовского бассейна в дореформенный период.

Зафиксированная в разновременных жалованных грамо-

тах, сенатских разъяснениях, привилегия донского казачества в области рыболовства нашла законченное и развернутое выражение в первом систематическом своде узаконений о войске Донском — в «Положении об управлении войска Донского 1835 г.». Анализ правил «О рыболовстве и рыбной промышленности в Донском войске», составивших IV раздел Приложений к Наказу гражданскому управлению войска Донского, свидетельствует об их противоречивости. Считаюсь с продолжавшимся процессом имущественной и социальной дифференциации в среде донского казачества и общим развитием товарно-денежных отношений как на Дону, так и в стране в целом, правительство и местные казачьи власти стремились создать определенные условия для дальнейшего роста и укрепления крупных казачьих рыбопромысловых предпринимательских хозяйств. Вместе с тем предусмотренные законодательством различные ограничения свободы казачьей предпринимательской деятельности в области рыболовства существенно затрудняли такой рост, а подтверждение категорического запрещения «иногороднего» предпринимательского рыболовства в казачьих водах искусственно тормозило развитие рыбных промыслов в значительной части бассейна.

В конце XVIII в. территория бассейна, изъятая из общего рыбопромыслового пользования, была значительно расширена за счет выделения вод для переселенного на Кубань Черноморского казачьего войска и наделения его правом-привилегией в области рыболовства.

В отличие от войска Донского в Черноморском войске со времени переселения его на Кубань и по крайней мере до 1855 г. рыболовство рассматривалось прежде всего как один из основных источников доходов войсковой казны в целом. Этот подход определил некоторое своеобразие самого права-привилегии Черноморского войска в области рыболовства, а также несколько иное, чем на Дону, отношение к рыбопромысловой деятельности в водах Войска лиц неказачьего сословия. В Черноморском войске еще в конце XVIII в. все рыболовство было разграничено на частное и войсковое.

Переходя к рассмотрению техники и технологии рыболовства и рыбообработки, отметим прежде всего, что в исследуемое время использовались в основном традиционные снасти типа неводов, волокуш, вентерей, сетей, кручных самоловных снастей, принесенных сюда донскими и запорожскими казаками на заре русско-украинского рыбопромыслового освоения бассейна, т. е. задолго до второй половины XVIII в. Этот же

в принципе тип орудий лова применялся и много позже — во второй половине XIX — начале XX вв.¹

Но наличие однотипных в принципе орудий лова еще не говорит о том, что они были совершенно одинаковыми в разное время, на разных этапах развития промысла. Прогресс техники, а главное, определенная интенсификация промысла в условиях развивавшейся на протяжении последнего дореформенного столетия конкуренции прямо и непосредственно сказались на технике рыболовства в казачьих областях.

Это выразилось в совершенствовании техники рыболовства, и прежде всего орудий лова. Идет укрупнение и специализация орудий лова с целью повышения их производительности — увеличения уловов за один заброс. Резко увеличилась длина и высота неводов. Из универсальных неводно-волокушных орудий выделились сельдяные волокуши с более мелкими ячейками. Развернулось и до 1835 г. продолжалось на Дону смоление сетных снастей, значительно удлинившее срок их службы. Начиная с 40-х годов XIX в. на промыслах стала распространяться более совершенная самоловная снасть, заимствованная в Каспийском бассейне и получившая по этой причине название «астраханки», или шматовой. Она освободила рыбака от дополнительной работы по подъему снастей из воды с целью выяснения есть ли улов. Изменились способы установки и группировки таких многочисленных в бассейне орудий лова, как вентери.

По свидетельству Н. Я. Данилевского, обследовавшего донские и кубанские рыбные промыслы в начале 60-х годов XIX в., «вентери донские представляют замечательную особенность в том отношении, что их выставляют не только по несколько в линию, но и в два и даже в три этажа, вентерь над вентерем, так, чтобы приходилось крыло над крылом и бочка над бочкой»². На Кубани к нижнему краю крыльев вентеря стали приделывать дополнительные полотнища, сети, которые ложились на дно и полностью преграждали проход рыбе.

Технология рыбообработки не претерпела в дореформенное столетие существенных изменений. Вместе с тем в течение указанного времени, особенно в последние дореформенные де-

¹ См. подробнее: Тоценко Л. Т. Рыбные промыслы Азово-Донского бассейна в XIX в. — В кн.: Архивы — общественным наукам. Ростов н/Д, 1970, с. 49—70.

² Данилевский Н. Я. Описание рыболовства на Черном и Азовском морях. Исследования о состоянии рыболовства в России, т. 7, Спб., 1871, с. 151.

десятилетия, были осуществлены и в этой области определенные нововведения, производившиеся стихийно и продиктованные в конечном счете спросом рынка (усовершенствование способов обработки отдельных видов рыб, более полная утилизация исходного продукта). Отдельные попытки административного внедрения новых методов рыбообработки, предпринимавшиеся без должного учета рыночного спроса, оказались обреченными на неудачу. Об этом свидетельствует, в частности, история внедрения так называемого корнваллийского способа засолки сельди.

Имеющиеся материалы позволяют прийти к выводу о значительном росте производительных сил, производственно-технического потенциала рыбных промыслов казачьих областей к середине XIX в. по сравнению со второй половиной XVIII в. В начале 40-х годов XIX в. на промыслах казачьих областей насчитывалось свыше 900 крупных орудий лова (морских и речных неводов и волокуш, сеж), около 400 специализированных рыбообрабатывающих заведений, свыше 1700 различных лодок (баркасов, неводников, кормачных лодок и др.) и не менее 15—17 тыс. работников¹.

Главное направление в развитии производительных сил на промыслах в предреформенное столетие, в эпоху разложения и кризиса феодально-крепостнического строя и формирования капиталистического уклада в стране, состояло в общем увеличении количества орудий лова, транспортных средств, специальных рыбообрабатывающих заведений, особенно крупных, численности занятых на промыслах работников. Другое важное направление заключалось в расширении освоенных в рыбопромысловом отношении площадей Азовского бассейна — в развитии наряду с речным и прибрежным собственно морского рыболовства.

Технико-технологическое перевооружение промыслов в описываемое время отставало от их общего роста, но к концу дореформенного периода все же произошли определенные изменения в области техники и технологии рыболовства и рыбообработки. Увеличение числа крупных орудий лова и рыбообрабатывающих заведений при одновременном совершенствовании процесса рыбообработки, расчленили его на ряд стро-

¹ ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 7, л. 1 и др.; д. 3, л. 26; л. 14, л. 29; ф. 46, оп. 1, д. 530, л. 62 и др.; д. 572, л. 1—24; д. 530, л. 62 и др.; ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 445, л. 5—19; ф. 252, оп. 1, д. 2568, л. 22; д. 2502; л. 33—34; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 157—264; Акты Лишина, т. 3, с. 69; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910, с. 569; Краснов Н. Материалы..., с. 330—336.

го последовательных операций создавали естественную исходную предпосылку для специализации работников, превращения их в частичных рабочих и, следовательно, для возникновения мануфактурного разделения труда.

Промысловый лов рыбы в Азовском бассейне, в том числе и в водах казачьих областей, производился во второй половине XVIII—первой половине XIX в. круглогодично, подразделяясь на четыре основных сезона: весенний, летний, осенний и зимний. Наибольшее количество уловов в области войска Донского и в Черномории приходилось на весеннюю пору.

Среднегодовые уловы в области войска Донского за 1819 и 1822 г. составляли 3 411 900 пудов, за 1850—1854 гг. — 2 566 870, за 1856—1860 гг. — 748 350 пудов¹. Период с 20-х по первую половину 50-х годов в истории донского рыболовства можно оценить как время интенсивного и в целом сравнительно стабильного рыболовства, что, конечно, не исключало довольно значительных годовых колебаний. Вместе с тем на протяжении ряда десятилетий интенсивное рыболовство в низовьях Дона, сопровождавшееся массовым грубым нарушением правил лова, а также развитие промысла в прилегающих к устью Дона районах Азовского моря привели к заметному сокращению рыбных ресурсов в восточной части бассейна и снижению уловов на нижнем Дону во второй половине 50-х годов XIX в. Все это явилось, в свою очередь, следствием порочной практики царизма, издавна вставшего на путь расчленения единого бассейна и создания отдельных рыбопромысловых зон, призванных обеспечить сословные казачьи права.

В отличие от области войска Донского в Черномории наблюдается устойчивая тенденция к росту валовых уловов на протяжении всего последнего предреформенного пятидесятилетия. Так, если среднегодовой улов в 1839—1843 гг. составлял 4 930 пудов красной рыбы, 2,4 млн. штук судака, то среднегодовой улов за 1857—1859 гг. возрос до 13,5 тыс. пудов красной рыбы и 3,4 млн. штук судака² (без Ачуевского завода). Среднегодовые уловы красной рыбы в Ачуевском заводе составляли в 1850—1855 гг. 24 тыс. пудов³. Этот рост объясня-

¹ ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 7; ф. 46; оп. 1, л. 572, л. 4—5; Статистическое описание земли донских казаков. Новочеркасск, 1891, с. 219; Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 170—171.

² Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 116; ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 218, л. 12; л. 2502, л. 39—40.

³ Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 110.

ется тем, что ресурсы южной части Азовского моря были еще далеко не исчерпаны. Уловы в Черномории приблизились по величине к донским только к 50-м годам. Между тем протяженность рыбопромысловых вод Черномории была значительно больше, а следовательно, степень эксплуатации рыбных ресурсов соответственно ниже, чем на Дону и в восточной части бассейна в целом.

Основную часть валовой продукции промыслов казачьих областей в дореформенное время составляла белая рыба. Главными промысловыми видами белой рыбы на Дону и Кубани являлись судак и тарань, к которым начиная с 30-х годов XIX в. добавляется на нижнем Дону во все возрастающем количестве сельдь, а на Кубани — сом. Уловы других промысловых видов белой рыбы (леца, сазана, чехони, синца, сома на Дону; сазана, шемаи, рыбаца, сельди на Кубани) были значительно меньше. Среди красной рыбы главенствующее место и на Дону и на Кубани занимала севрюга: ее вылавливали во много раз больше, чем осетра, стерляди и белуги, вместе взятых.

В последние дореформенные десятилетия промыслы казачьих областей Азовского бассейна давали по неполным сведениям в отдельные годы до 10 тыс. пудов пакусной икры, 100 тыс. пудов красной и свыше 4 млн. пудов белой рыбы. К исходу дореформенного столетия на этих промыслах получали половину валовой продукции Азовского бассейна и примерно 1/10 часть продукции всего рыболовства Европейской части России.

На протяжении всего дореформенного столетия доля товарной части продукции промыслов неуклонно возрастала, составляя в последнее предреформенное десятилетие уже от 3/4 до 9/10 всей валовой продукции¹. Столь высокая товарность объяснялась развитием на промыслах крупных предпринимательских хозяйств и широким вовлечением их в систему всероссийских рыночных связей. Рыбный промысел являлся самой высокотоварной отраслью хозяйства казачьих областей дореформенного времени, однако в связи с быстрым развитием других отраслей хозяйства, прежде всего земледелия и скотоводства, и повышением их товарности происходило постепенное сокращение относительной доли рыбной тор-

---

¹ ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 7, л. II и др.; ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 218, л. 69 и др.; д. 1837, л. 380—387; Статистическое описание земли донских казаков, с. 219; Голобуцкий В. А. Черноморское казачество, Киев, 1956, с. 292.

говли в общем объеме торговли области войска Донского и Черномории с другими районами страны¹.

На долю белой рыбы и изделий из нее (судачьей икры-галаганов, рыбьего жира и др.) в области войска Донского и Черномории в последние дореформенные десятилетия в целом устойчиво приходилось свыше 3/4 стоимости всей товарной продукции промыслов, на долю красной рыбы и изделий из нее — менее 1/4. Все это, разумеется, не означает, что подобное соотношение имело место во всех без исключения рыбопромысловых районах Дона и Черномории. В некоторых из них доля красной рыбы и изделий из нее была значительно выше указанной, в других — практически близка к ней. В Ачуевском войсковом заводе, например, на долю красной рыбы и изделий из нее приходилось от 78 до 91% всей стоимости проданной продукции. Основная часть предназначенной для продажи белой и красной рыбы подвергалась обработке, готовилась «впрок», что позволяло перевозить ее на большие расстояния.

Рыбные промыслы казачьих областей Азовского бассейна дореформенного времени являлись чрезвычайно доходной отраслью хозяйства, обеспечивавшей (при благоприятных условиях) быструю отдачу вложенных капиталов и создававшей реальные условия не только для простого, но и для расширенного воспроизводства.

Так, в 1844 г. предпринимателями ст-цы Елизаветинской, крупнейшего рыбопромыслового центра Дона, было продано рыбы и рыбопродуктов на 800 тыс. руб. В течение этого года израсходовано на приобретение снастей 50 тыс. руб., на содержание рабочих — 117 тыс. руб., на соль — 78 тыс. руб., чистая прибыль составила 555 тыс. руб.² Чистая прибыль Ачуевского завода на Кубани в 1822 г. составила 20 507 руб., в 1828 — 25 958, в 1832 г. — 34 718 руб. Отдельные рыбопромышленники Черноморского войска лишь за один весенний лов 1823 г. на побережье Азовского моря продали рыбы и изделий из нее на 5—10 тыс. руб. После расчета с рабочими на долю хозяев заводов оставалось по меньшей мере по 2,5—5 тыс. руб.³

География сбыта продукции донских рыбных промыслов приобрела устойчивые черты уже во второй половине XVIII в. В это время донская рыба и изделия из нее широко расхо-

¹ По данным отчета донского войскового атамана в 1844 г. на долю рыбы и рыбных продуктов приходилось 20% всей стоимости донской торговли, в 1849 г. — 17%, в 1853 г. — 12,6%. Сходная тенденция обнаруживалась и в области Черноморского войска. (ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 530, 572, 603).

² ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 14, л. 6.

³ ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 445, л. 12—19; д. 804, л. 1700 и сл.

дились по различным великорусским губерниям и территории Украины. С конца XVIII в. начинают регулярно поставлять рыбную продукцию в районы Великороссии и Украины так же рыбные промыслы Черноморья.

В первой половине XIX в. сфера сбыта продукции промыслов на внутреннем рынке заметно расширяется. Одновременно развивается и вывоз продукции промыслов на внешний рынок.

В 60-е годы XVIII в. донская рыба и изделия вывозились в Турцию, Грецию, Крым и Польшу. С 90-х годов стала поступать на внешний рынок и продукция кубанских промыслов. В первой половине XIX в. сбыт продукции казачьих промыслов на внешнем рынке возрастает, значительно увеличивается число европейских стран, закупавших ее, расширяется ассортимент вывозимых товаров. Бальки и паюсная икра находили постоянный сбыт в Турции, Греции, Италии, Франции, откуда часть товаров перепродавалась в Германию, Швейцарию и другие государства. Красную судачью икру (галаганы) и тарань, которую готовили главным образом на казачьих промыслах, охотно покупала Турция. Различная продукция вывозилась в Польшу и австрийскую Галицию. С получением автономии дунайскими княжествами и расширением их торговых связей с Россией продукция казачьих промыслов, особенно Черноморского войска, нашла там широкий и постоянный сбыт.

Основная часть продукции рыбных промыслов сбывалась донскими и кубанскими рыбопромышленниками непосредственно на месте производства или на ближайших ярмарках и рынках портовых городов.

Развитие товарного производства на рыбных промыслах, широкий рынок сбыта при невозможности для большинства рыбопромышленников организовать самостоятельную доставку и продажу продукции в районах основного потребления вызвали к жизни опрощную массу скупщиков, которые «превращали сбыт из мелкого, случайного и неправильного в крупный и регулярный»¹.

Социальный состав скупщиков был весьма неоднороден и менялся на протяжении всего дореформенного столетия. Во второй половине XVIII в. ведущее место среди скупщиков занимали украинские крестьяне-чумаки. В первой половине XIX в. важную роль в скупке продукции промыслов начинает играть крупный русский купеческий капитал. Все более

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 359.

приметную деятельность на рыбных промыслах развивают в первой половине XIX в. скупщики из числа казаков, мещан близлежащих приморских городов: Азова, Ростова, Таганрога, Мариуполя, Ейска, Темрюка, Керчи.

Очень рано обнаруживается специализация скупщиков по отдельным промысловым зонам бассейна. Это позволяло им хорошо изучить хозяйственные возможности местных донских и кубанских рыбопромышленников и использовать в отношении с ними кредит как средство экономического закабаления.

Наряду с чисто торговой и ростовщической деятельностью на рыбных промыслах казачьих областей крупные купцы в первой половине XIX в. начинают распространять сферу своего влияния и на производство. В частности, представители крупного купеческого капитала неоднократно брали на откуп Ачуевский рыбный завод.

Переходя к рассмотрению социально-экономической структуры, типов хозяйств, необходимо отметить прежде всего, что на промыслах казачьих областей в дореформенное время лов и обработка рыбы, как правило, объединены в рамках одного хозяйства, представлявшего собой хозяйственный комплекс. Наряду с комплексными на Дону и Кубани имелись хозяйства, занимавшиеся только ловом или только обработкой рыбы.

Все комплексные хозяйства на Дону можно разделить на три группы: а) крупные промысловые (предпринимательские) заводы, как правило, круглогодичного срока действия; б) менее крупные промысловые заводы, производившие лов и обработку рыбы главным образом в течение одной путины; в) хозяйства кустарно-домашнего типа, в которых обработка пойманной рыбы велась в мелких заведениях «при домах». Первая группа — это крупные товарные хозяйства, вторая представляет в основном мелкотоварное производство, возрасставшее временами до уровня крупного, третья группа включает в себя натуральные и мелкотоварные хозяйства.

Аналогичные группы комплексных хозяйств имелись и на рыбных промыслах Черноморского войска.

Весьма существенный вопрос о числе и соотношении различных групп хозяйств на промыслах не получил ясного освещения в литературе. Материалы официальной отчетности о численности рыболовов-хозяев, заводов и иных заведений для обработки рыбы, орудий лова и транспортных средств в пяти низовых станицах области войска Донского, дававших основную часть уловов всего войска, показывают, что абсолютное большинство рыболовов-хозяев (свыше 90%) вело комплексное хозяйство, причем крупные и средние предпри-

нимательские хозяйства составляли почти четверть всех комплексных хозяйств. Наиболее многочисленными на рыбных промыслах нижнего Дона даже в последние дореформенные десятилетия оставались мелкие хозяйства, обрабатывавшие пойманную рыбу «при домах» и использовавшие мелкие орудия лова. Крупные хозяйства круглогодичного орока действия составляли по численности примерно 1/10—1/11 часть всех хозяйств.

В Черноморском войске на кубанском побережье Азовского моря на крупные и средние предпринимательские хозяйства приходилось менее половины общего числа хозяйств¹. Вместе с тем именно они и на Дону, и на Кубани давали, во всяком случае в последние предреформенные десятилетия, основную часть валовой и товарной продукции рыбных промыслов казачьих областей.

В области Черноморского войска развитие крупных рыбопромысловых хозяйств в первой половине XIX в. сопровождалось переходом основной части их к казачьей старшине и быстрой концентрацией в руках крупнейших предпринимателей. Уже в 1823 г. более половины всех заводов на кубанском побережье Азовского моря находилось в руках казачьей старшины, причем по всем без исключения показателям хозяйства старшин превосходили в целом хозяйства нечиновных казаков-богатеев. В руках 12 крупнейших предпринимателей, составлявших четвертую часть всех владельцев крупных хозяйств, было сконцентрировано в 1823 г. 47% общего количества заводов и 48% всей рабочей силы. К началу 40-х годов XIX в. число крупных рыбопромышленников-старшин увеличилось в два раза, между тем как численность крупных владельцев из среды нечиновного казачества осталась практически на прежнем уровне. В руках старшин оказалось уже свыше 70% всех заводов. Если в начале 20-х годов самые крупные предприниматели имели по три завода, то через 20 лет у некоторых из них было от четырех до шестнадцати заводов. Восемью крупнейшим предпринимателям, т. е. 1/8 всех заводладельцев, принадлежало свыше 1/3 всех неводных и свыше 1/2 всех крючных постоянных заводов².

Высокая степень концентрации производства в руках крупнейших рыбопромышленников привела в середине 40-х годов XIX в. к созданию в Черноморском войске предпринимательских объединений, выступавших сообща против конкурентов.

¹ ГАРО, ф. 301, оп. 22, д. 7, л. 1 и др.; ГАКК, ф. 222, оп. 1, д. 2568, л. 26 и др.; ф. 421, оп. 3, д. 131 и др.

² ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 445, л. 5 и сл.; ф. 252, оп. 1, д. 2568, л. 22—29.

Процесс перехода крупнейших рыбопромысловых угодий в руки старшин имел место, как установлено А. П. Пронштейном, и на территории войска Донского во второй половине XVIII в.¹, однако в первой половине XIX в. он не получил здесь дальнейшего развития и не привел к таким результатам, как на Кубани. Типичной фигурой крупного предпринимателя на рыбных промыслах нижнего Дона в последние предреформенные десятилетия являлся отнюдь не старшина, как на Кубани, а нечиновный казак-богачей.

Не получил дальнейшего развития на Дону в первой половине XIX в. и отмечавшийся здесь уже в 60-х годах XVIII в. процесс концентрации промыслового хозяйства в руках немногих предпринимателей. Причины этих явлений состоят, на наш взгляд, в особенностях правительственной и войсковой политики в области реализации права-привилегии на рыболовство на Дону и прежде всего во взгляде на донское рыболовство как на один из материальных источников обеспечения исправной подготовки к военной службе каждого казака. Ограничительные меры стесняли свободу предпринимательской деятельности и исключали возможность такой концентрации в руках немногих, какая имела место в Черномории до 1855 г.

Наличие среди крупных рыбопромышленников значительного числа нечиновных казаков-богачей, широко применявших в своих хозяйствах труд наемных работников, в том числе и лиц войскового сословия, свидетельствует о начавшемся еще в дореформенное время процессе социального расслоения среди нечиновного казачества, о формировании собственной казачьей буржуазии, вышедшей из среды рядовых казаков. Для этой группы казаков занятие рыболовством из материального источника исправной подготовки к военной службе превратилось в легальное, санкционированное законом средство освобождения от несения военной службы, т. е. стало выполнять прямо противоположную социальную роль.

Одновременно происходит процесс вовлечения в сферу активной рыбопромысловой предпринимательской деятельности чиновной верхушки, становящейся на путь буржуазной организации хозяйства.

Наряду с казаками — чиновными и нечиновными, среди владельцев крупных товарных хозяйств на рыбных промыслах казачьих областей имелись лица невойсковых сословий, представляющие «посторонний», главным образом великорос-

¹ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в., с. 90.

сийский капитал. Проникновение неказачьего капитала в сферу производства началось и развивалось из сферы сбыта и снабжения. Именно отсюда, извне происходило разрушение феодально-сословных препоп, воздвигнутых русским абсолютизмом ради сохранения послушного и надежного привилегированного военнослужилого казачьего сословия. Вместе с тем реакционная политическая линия царизма, подкрепленная широкой системой законодательных и административных мер, в частности в области рыболовства, стремление крупных войсковых предпринимателей, да и рядового казачества, к сохранению и ограждению своих сословных прав и привилегий, не дали возможности неказачьему капиталу захватить ключевые позиции в сфере производства на промыслах.

Значительное количество крупных товарных высокодоходных предпринимательских хозяйств, основанных на эксплуатации наемных работников, освобождавших их владельцев от физического труда и обеспечивавших необходимые экономические условия для расширенного воспроизводства, позволяют говорить о существовании в этой отрасли хозяйства, по крайней мере в последние предреформенные десятилетия, не только простого товарного, но и собственно капиталистического производства. Это свидетельствует о развитии на рыбных промыслах тех же процессов, которые в эпоху разложения и кризиса феодально-крепостнического уклада в России затронули в разной степени и другие ведущие отрасли хозяйства южной России.

§ 3. Развитие промышленности в Ставрополье и на Кавказской линии

Кавказ и Предкавказье издавна привлекали к себе внимание рассказами о несметных богатствах полезных ископаемых. Русские ученые и инженеры, которых неоднократно направляло сюда правительство в XVIII в., собрали ценные сведения о богатых месторождениях серебра и свинца в Осетии, особенно в Садоне, небольших месторождениях золота по Терреку и Малке, залежах свинца и угля в Карачае¹. Северный Кавказ стал известен и как кладовая нефти. Но в основном полезные ископаемые были сосредоточены в горной части Кавказа, т. е. за пределами описываемого нами района. К тому же и добыча их, по существу, лишь зарождалась в дорефор-

¹ См. напр.: Бирзе А. М. Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии. — «Краевой архив», № 4 (83), с. 189; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 373, л. 23 об.; оп. 1, д. 590, л. 8—10.

менное время, поскольку развитию промышленности и ремесел мешали отсталые крепостнические отношения. К этому следует добавить удаленность Северного Кавказа от центра страны, длительность разорительной Кавказской войны.

Предкавказье и в XVIII в. и в первой половине XIX в. оставалось краем сельскохозяйственным. Предприятий, основанных на труде крепостных, посессионных крестьян, здесь не было. В рапорте Сенату от 24 февраля 1792 г. кавказское наместничество доносило, что в крае ни суконных фабрик, ни приписных к ним крестьян не имеется¹. Но постепенно на базе развивающегося сельского хозяйства, в осваиваемых районах Предкавказья росли производительные силы и складывались товарно-денежные отношения.

В конце XVIII — первой половине XIX в. здесь уже были многочисленные, хотя и мелкие по своим размерам промышленные предприятия. Основная масса таких предприятий — кустарных заведений — размещалась в городах. По данным на 1838 г., в Кавказской области насчитывалось 120 заводов с общей выработкой продукции на 213 113 руб. Многие из них совсем были маленькими, обычно с годовым выпуском продукции на 50—100 руб., особенно в Моздокском и Кизлярском округах².

К середине XIX в. выпуск продукции всех предприятий области возрос до 0,55 млн. руб.³, т. е. за 12 лет почти в 2,5 раза. Это свидетельствовало о довольно быстром росте производства и развитии товарно-денежных отношений на Ставрополье и на Кавказской линии.

Кустарные предприятия создавались не только в городах, их устраивали государственные и даже помещичьи крестьяне. Так, некоторые крестьяне графа Воронцова, находившиеся на оброке, занимались выделкой кож, производством виноградных вин и водки на продажу. Воронцовские крестьяне развивали промыслы, а также занимались извозом, что служило важным дополнением к земледелию и скотоводству — основе их экономики. Среди крепостных Воронцова особенно выделялись в конце 30-х годов XIX в. 20 семей, занимавшихся производством кож. Отдельные из них получали по тому времени значительные доходы. Так, кожевенный завод Моисея Радченко приносил доход 4 160 руб., Козьмы Дорошенко —

¹ ГААО, ф. 476, д. 27, л. 75.

² ГАСК, ф. 444, д. 499, л. 183—187.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. I, с. 213—215.

2476, Ивана Литвинова — 1924, Якова Литвинова — 1430 руб. и т. д. На многих заводах крепостных работали даже вольнонаемные, вероятнее всего местная беднота, нанимались сюда и опытные мастера¹. Ряд спиртокурительных заводов был расположен в казачьих станицах на Тереке, в хуторах и помещичьих имениях².

В последующее время появляются новые предприятия. Так, в 1844 г. в Ставрополье имелись уже две табачные фабрики, работал литейный завод, производивший отливку церковных колоколов и различных изделий из чугуна. Он выпускал за год продукции на 13419 руб. 20 коп. В 1846 г. Воронцов разрешил ставропольскому купцу 3-й гильдии Ефимову также заняться производством колоколов. Этот завод был открыт, однако, только в 1852 г.³

В 1847 г. только в одном Ставрополье насчитывалось 45 небольших кустарных фабрик и заводов, на которых в общей сложности вырабатывалось продукции на сумму 194981 руб. 65 1/2 коп.⁴

В хозяйственной жизни Предкавказья заметную роль приобретало мукомольное производство. Это вызывалось увеличивающимся спросом на хлеб не только внутри края, для нужд армии, горских и кочующих народов, но и за его пределами, даже за границей. Отдельные мельницы, особенно в имениях помещиков Реброва и Калантарова, были по тому времени довольно значительными⁵. Общее количество мельниц в 1849 г. только в Ставропольской губернии и Кавказском линейном войске составляло 1702, из них у казаков Линейного войска было 949, у государственных крестьян — 696 и у помещиков — 57 мельниц⁶.

Начиная со второй половины 30-х годов XIX в. заметно расширяются границы виноградарства, а на его базе и виноделия. Помимо Кизляра и низовьев Терека виноделие распространяется в Моздокском, Пятигорском и частично в Ставропольском округах, приобретая все более товарный характер. В этом отношении наиболее характерным является производство вина в имении помещика Реброва, в селении Владими-

¹ ГАСК, ф. 444, д. 499, 1839 г., л. 183—187; ф. 101, д. 944, л. 7—13.

² Там же.

³ Там же, ф. 79, д. 4967, л. 5; д. 3743, л. 7; «Ставропольские губернские ведомости», 1852, № 31.

⁴ Там же, ф. 71, д. 222, л. 17.

⁵ Там же, ф. 444, д. 604, л. 403.

⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. 1, с. 215.

ровке. Здесь приготавливались пенные вина «на манер шампанского»¹.

Основная продукция промышленности расходилась внутри края. Вскоре встал вопрос о снабжении войск сукном и кожей, но практического решения он так и не получил.

Промышленность в районах Кавказского линейного казачьего войска была развита слабее, чем в Ставрополье. Это объясняется не только крайним положением, близостью к театру военных действий, но и крайне острой нехваткой рабочей силы. Тем не менее, почти в каждой казачьей станице на Кавказской линии были искусные кузнецы, плотники, столяры, каменщики, мельники, ткачи, портные и сапожники. Женщины пряли лен, пеньку, ткали сукно и холстину, валяли и красили сукна².

В Ставропольской губернии и на Кавказской линии большинство изготавливаемых изделий шло только для удовлетворения собственных хозяйственных нужд. Сотни других предметов, начиная от иголок и кончая оружием и казачьей экипировкой, поступали из внутренних губерний России и от горских народов.

Основная масса ремесленников была сосредоточена в городах. Уже в 1803 г. в Кизляре насчитывалось 26 мастеров золотых и серебряных дел, имелись слесари и другие ремесленники. Сюда нередко приезжали и селились здесь мастера и ремесленники из соседних кумыцких селений и знаменитого аула Кубачи, которые издавна славились своим искусством резьбы, чеканки по металлу (золоту, серебру, бронзе).

Число крестьян, приходивших на заработки из внутренних губерний России в Ставропольскую, доходило ежегодно до 4 тыс. человек, из них около 2 тыс. занимались ремеслами³.

Среди ремесел важное место занимало кузнечное дело. Подковка лошадей, шинование колес и выполнение других хозяйственных нужд делали специальность кузнеца особенно ценной. К середине XIX в. только в Ставропольской губернии и Кавказском линейном войске насчитывалось 362 кузницы, в которых было занято около 1 000 чел.⁴.

Немалое значение в экономике края играли соляные промыслы. В Астраханской губернии и на Кавказе насчитывалось

¹ ГАСК, ф. 79, д. 2769, л. 130, 131; ф. 101, д. 944, л. 102.

² Дебу. Взгляд на Кавказскую линию.—«Северный архив», 1822, № 2, с. 117—178.

³ ГАСК, ф. 79, д. 1375, л. 20.

⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 16, ч. 1, с. 213—214.

151 соляное озеро, но добыча велась только в некоторых. За 10 лет (с 1825 по 1835 г.) было добыто 11 510 тыс. пудов¹. Соль в Ставропольской губернии в первой четверти XIX в. добывали из Кумского и Маджарских озер. От 250 до 300 тыс. пудов соли добывалось в озере Джалга Ставропольского уезда². Отсюда ее поставляли в специальные соляные магазины, из которых затем она поступала войскам и частным лицам. На меновых дворах соль продавали горцам за деньги, она служила также предметом обмена на другие товары, главным образом лес.

Добыча соли ложилась обычно на плечи казачьей и крестьянской бедноты. Размер добычи ее зависел не только от внутренних потребностей населения, но и от объема меновой торговли с горскими народами, величины улова рыбы и т. д.

Абсолютное большинство предприятий в Кавказском линейном казачьем войске и Ставропольской губернии принадлежали частным лицам. Среди казенных предприятий Ставропольской губернии были лишь кирпичный завод в Пятигорске, принадлежавший военному ведомству³, да перешедшие за долги в 1857 г. рыбные предприятия Всеволожских и шелковые Хастатовых. Последние также почти не приносили доходов и обычно оставались убыточными.

Как видно, сырьевые возможности для развития промышленности северокавказских земель были огромными. Здесь получило начало производство табака, сахарного тростника, сбор и переработка марены и желтинника, производство поташа и пр.

Несмотря на заметные сдвиги развитие промышленности в Предкавказье в целом было незначительным. Ее продукция почти полностью расходилась внутри губернии, удовлетворяя самые элементарные хозяйственные и бытовые нужды. В «Обзрении Кавказского края» говорилось, что «из-за малой образованности здешних купцов в торговом отношении и по малому знанию, какие продукты необходимы для русских внутренних губерний и от каких операций с некоторым терпением можно извлечь большую пользу, а также от незнания богатства своего края, или же от привычки идти все по старой рутине, не прокладывая новой дороги, некоторые отрасли промышленности не находятся в том цветущем положении,

---

¹ ЖМВД, т. 26, 1837, с. 361.

² АКАК, т. 5, с. 899.

³ ГАСК, ф. 444, д. 604, 1844 г., л. 403

в каком они должны быть по средствам страны»¹. В целом же занятость населения Ставропольской губернии ремесленным производством была ничтожно малой. Даже на 1 января 1877 г. общее число ремесленников Ставропольской губернии определялось лишь в 2470 чел., что при общем населении в 432 473 чел. составляло всего 0,5%².

§ 4. Промышленность Черномории

Промышленное производство дореформенной Черномории, как и всего Предкавказья, было развито слабо. На осваиваемой территории возникали мелкие кустарные предприятия, занятые в основном переработкой продуктов сельского хозяйства. Небольшие по размеру салотопенные, кожевенные, маслостоловые, пивоваренные заведения, сосредоточенные в городах Ейске и Екатеринодаре, находились на стадии простой кооперации и не переросли в мануфактуры³.

Первая суконная мануфактура возникла в Черномории в 1815 г. близ ст-цы Платнировской. Построили ее на войсковые средства по распоряжению херсонских военных губернаторов генерала Дюка де Ришелье и графа Ланжерона⁴. Она должна была «доставить возможность обмундироваться хорошо» нижним чинам казачьего войска и получить выгоду «против покупаемого ими сукна в лавках у вольнопромышленников».

Мануфактура строилась хозяйственным способом, по нарядам, трудом самих казаков. Лес и другие материалы поступали даровые. Шерсть с войскового овчарного завода также не учитывалась и передавалась на мануфактуру как даровое сырье. Расходы на окраску сукон не принимались во внимание. При мануфактуре был создан свечарный завод «для улучшения фабрики выделыванием на оном шерсти, имеющей сниматься из овец испанской породы, тонких сукон для обмундирования офицеров». С этой целью близ Одессы, в Бессарабской области, закупили «шпанских овец, метис и цыгей маток,

¹ Обзорение Кавказского края. Рукпись. Ставропольская краевая библиотека, с. 103, 104.

² Бентковский И. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. — Извлечения из «Ставропольских губернских ведомостей», 1878, № 15, 16, с. 2.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2204, л. 222; ф. 574, оп. 1, д. 257, л. 40 об, 74.

⁴ Там же, ф. 252, оп. 1, д. 274, л. 1. До 1821 г. Черномория находилась в подчинении херсонского военного губернатора, а затем была причислена к Отдельному кавказскому корпусу.

баранов на 12 340 руб. ассигнациями». Овчарню разместили на речке Малой Бейсужке и по балке Прощальной. В начале 40-х годов поголовье овец указанных пород достигало 8 466 штук¹.

Платнировское предприятие являлось типичной мануфактурой. Даже в неполном перечне ее рабочих показано 18 специальностей.

На первом месте в производстве сукон разных сортов Платнировской мануфактурой («Табель» за 1843 г. отмечает семь сортов сукон) по важности профессии стояли ткачи, прядильщики, ворсильщики («сукно ворсили и стригли»). Рабочие, кто «основы сновал и нити вязал», кто «скребла и карди делал», выделены особо. В штате мануфактуры с ее ручной техникой имелись и такие специальности, как прессовщик, столяр, токарь, слесарь, кузнец и др.². По-видимому, среди рабочих были мастера высокого класса.

Рабочих, или «фабричников», как называл их смотритель мануфактуры подполковник Порохня, рекрутировали главным образом из «войсковых обывателей» Черномории. В их число входили лица, «наказанные за противозаконные поступки шпицрутенами»³, а также «люди из осиротелых, не имеющих пропитания взрослых и мальчиков, посланных сюда противу воли, кои потому чинили всегда побеги»⁴.

Таким образом, на Платнировской мануфактуре использовался принудительный труд приписных казаков, в чем-то провинившихся перед Черноморским войском. Мануфактура для них служила исправительной тюрьмой или ссылкой. Естественно, что эта категория рабочих могла трудиться только из-под палки. Не была заинтересована в увеличении производственной мощности войскового предприятия и другая категория рабочих — из «осиротелых взрослых и мальчиков», т. е. тех, кто не имел средств к независимому существованию и был прислан на мануфактуру против воли. Условия жизни и труда рабочих были тяжелыми. Войсковое начальство запрещало работным людям пахать землю, разводить скот, иметь хотя бы небольшое подсобное хозяйство, получать какие-нибудь средства для поддержания своего существования. Рабочие терпели нужду во всем: в пище и в одежде⁵. Вознаграж-

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 274, л. 1 об., 8, 57 об., 403.

² Там же, д. 287, л. 111.

³ Там же, л. 114 об., 115.

⁴ Там же, л. 1 об. — 2.

⁵ Щербина Ф. А. История, т. 2. Екатеринодар, 1913, с. 653.

дение за труд было нищенским: рабочим платили за валку одного аршина сукна по 5 коп.¹

В год открытия войсковой мануфактуры на ней работали 41 мужчина и 50 женщин. В 1824 г. сукно выдвельвалось на 5 станках, рабочих было 103 чел., общий расход на них равнялся 4 161 руб. Приписанные к мануфактуре казаки не получали вознаграждения, работали неопределенное время, трудились плохо, часть их убегала.

В целом дела Платнировской мануфактуры шли плохо. Директора ее расходовали огромные средства на «командировки», часто менялись; подготовка квалифицированных рабочих не проводилась. В результате производительность труда была крайне низкой, издержки росли, а объем производства сукна разных сортов оставался мизерным.

В государственном архиве Краснодарского края сохранилась «Табель о выделанном на Черноморской войсковой фабрике разного сорта сукна» с 1816 по 1842 г., т. е. за всю историю деятельности этой мануфактуры. За 25 лет работы (сумма производства в Табеле не показана за 1818—1819 гг.) произведено всего 109 кусков 50 742 аршина 8 вершков сукна². Цена всего проданного сукна составила 35 146 руб. 15 коп. За эти же годы только на «командировки» была издержана огромная сумма: 91 501 руб. 85 коп.³

Мануфактура приносила войсковому правительству убытки. Поэтому на Платнировскую мануфактуру была направлена с целью ревизии хозяйственная экспедиция. На основании выводов экспедиции мануфактура была ликвидирована. В мае 1846 г. войсковое правление упразднило и овчарный завод.

Значительное развитие в Черномории получило рыболовство и рыбообработка⁴. Но оно было немислимо без добычи соли. Солепромышленность была заметной доходной статьей войскового правления. Поэтому последнее установило не только строгий контроль за деятельностью солепромышленников, но и внимательно следило за вывозом и ввозом из Черномории соли, конфискуя ее у всех нарушителей установленных правил. В Черномории существовало особое управление, состоявшее из главного и участковых смотрителей. В их распоряжении имелись казачьи команды, которые и осуществляли надзор за солепромышленниками и охрану соли от хищников.

¹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 287, л. 36 об., 349—350.

² Там же. д. 274, л. 94.

³ Там же.

⁴ См. § 2 гл. III настоящей книги.

Смотрители взимали в войсковую казну пятую долю со сбора соли.

В 1845 г. на войсковых соляных озерах было добыто 759 338 пудов соли. После Крымской войны добыча соли резко сократилась. По данным отчета за 1858 г., соли было добыто 162 999 пудов, в том числе на Бугазском (южном) озере — 140 146, на Ахтарском — 21 835, на Ясенском — 1 018 пудов¹. В том же году войсковое правление Черномории беспошлинно перевезло из Крымских соляных озер 250 тыс. пудов соли². Эта мера была вызвана «неурожаем» соли на войсковых озерах, и тогда с разрешения высшего начальства с Крымского полуострова на Кубань для рыболовных заводов соль ввозилась без пошлины³.

Соль составляла важнейший предмет меновой торговли с закубанскими горцами. Так, сумма поступавшей «в оборот по доставке из войсковых соляных озер на меновые дворы соли» вместе с покупкой лавочных товаров «для промена закубанцам» составляла более 8 тыс. руб.⁴.

В дореформенный период в промышленном производстве Черномории возникла новая отрасль — нефтедобыча. Источники нефти на Таманском полуострове казаки заметили еще в начале заселения края, но особый интерес к ним они проявили спустя три десятилетия. Весной 1822 г. на Тамани начались поиски «нефтяных родников», которыми пользовались еще татары. Последние для своих нужд примитивным способом добывали нефть: рыли ямы — «копанки» или неглубокие колодцы. Уходя, татары скрыли наружные признаки «нефтяных колодцев». В мае 1822 г. казаки обнаружили и привели в порядок пять колодцев, а летом следующего года нашли еще 40 нефтяных колодцев. Всего за 10 лет старатели Черномории открыли и привели в действие 129 колодцев, из них 46 на Тамани⁵.

Поиски нефтяных источников вновь возобновились в Черномории в начале 30-х годов. Из Баку в 1833 г. пригласили знатоков нефтяного дела Гаджи-Наби-Юсуфа-оглы и Юсуфа-Амир-Бек-оглы, которые, обследовав местность с нефтяными выходами, открыли 200 колодцев. Были обнаружены родники нефти в обрывах Азовского моря. Здесь в толстых залежах песка сохранилась не только черная, но и белая нефть⁶.

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1764, л. 77; д. 2294, л. 129—129 об.

² Там же, л. 130.

³ Шербина Ф. А. История, т. 2, с. 647—648.

⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1764, л. 77.

⁵ Там же, д. 1706, л. 85.

⁶ Там же, д. 1730, л. 6 об.

Войсковое правление Черномории все нефтяные колодцы сконцентрировало в своих руках. Нефть добывали только летом и в незначительном количестве. Так, с 1 мая до 1 июля 1834 г. в большом песчаном кургане на берегу Азовского моря 36 рабочих добыли всего 238 ведер черной и 92 ведра белой нефти. А за 6 лет — с 1835 по 1841 г. было получено 1565 пудов белой и 9849 пудов черной нефти на сумму 27 008 руб. Но из-за дороговизны нефть покупали плохо. Далекое не каждый мог уплатить 2 руб. ассигнациями за ведро.

Предпринимались попытки расширить добычу нефти в Черномории и ее сбыт. Командующий особым Кавказским корпусом барон Розен утвердил подробные правила эксплуатации нефтяных источников. Но, как показал отчет 1842 г., усилия властей не дали удовлетворительных результатов.

Недолгое время нефтяные источники еще эксплуатировались войсковой казной. Сперва ежегодно для разработки нефти командировалось от 40 до 48 казаков, отбывавших внутреннюю службу, а потом в летние месяцы команда была доведена до 100 чел. при одном офицере в звании смотрителя и пяти приказных. Прикомандированные казаки, помимо провианта, получали за каждое ведро добытой из песка белой нефти по 6 коп., а за каждое ведро черной нефти, добытой из колодцев, по 5 коп. серебром. В начале 1843 г. было добыто 121 ведро белой и 2 012 ведер черной нефти¹.

Между тем сбывать нефть было по-прежнему трудно, и нефтяной промысел приносил лишь убытки. Обсудив положение о добыче нефти в течение последних 8 лет, войсковое правление 12 января 1844 г. приняло решение: «...отдать нефтяные колодцы в откупное содержание»². В 1845 г. были составлены «Кондиции» для сдачи на откуп нефтяных промыслов и назначены торги. Но лишь в 1850 г. был заключен контракт о передаче на откуп нефтяных источников нахичеванскому мещанину Егору Черкасову за 380 руб. в год.

Предприятиями мануфактурного типа в Черномории были кирпичные «заводы». В 1808 г. один из них войсковая канцелярия передала двум подрядчикам, обязавшимся возвести 40 кирпичных куреней, здание канцелярии в Екатеринодаре и другие строения. В 1838 г. работало уже 4 кирпичных завода (2 в Екатеринодаре, 1 в Бейсуге, 1 в Ейске), а в 40-х годах — 7. На них выжигалось 4 млн. штук кирпича.

¹ ГАКК, д. 1730, л. 14—15.

² Там же, л. 16—17.

Наиболее типичным являлся Екатеринодарский кирпичный завод. Он имел в 1843 г. 2 сарая на стропилах для выделки и хранения кирпича, 1 дом турлучный для пребывания людей, 2 печи для обжига кирпича, 1 сарай для изготовления черепицы, 2 печи для выделки кирпича¹.

Рабочие для кирпичной промышленности формировались, как и для Платнировской суконной мануфактуры, главным образом по нарядам от войска. Приписанные к заводам казаки не выдерживали тяжелых условий труда и разбежались. Подрядчики и их доверенные часто извещали об этом войсковое правление.

В августе 1810 г. с кирпичного завода бежало 6 чел., а 23 из 46 рабочих оказались больными. На следующий год подрядчик просил разыскать 15 чел. бежавших, в их числе двух женщин. Убегали с кирпичного завода даже рабочие, нанятые по договору. В 1811 г. 60 чел. наемных переселенцев, забрав вперед деньги, частью заболели, а частью разбежались. Сам подрядчик сотник Гусельщиков умер, а его компаньон Ачинов оказался несостоятельным². Кирпичный завод был возвращен войсковому правлению.

Таким образом, промышленное производство Черномории дореформенной поры находилось в зачаточном состоянии. Попытка создать суконную мануфактуру для нужд войска не увенчалась успехом. Широко распространенный рыбный промысел основывался на примитивной форме лова и обработки рыбы. Нефтедобыча только намечалась, не имела еще промышленного значения.

---

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, л. 1699, л. 26; л. 1706, л. 34 об.

² Ш е р б и н а Ф. А. История, т. 2, с. 640—641.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

§ 1. Развитие внутренней и внешней торговли на Дону в XVIII веке

XVIII век в истории России характеризуется крупными экономическими сдвигами: быстрым ростом производительных сил, улублением общественного разделения труда, усилением хозяйственной специализации районов, значительным развитием обмена между ними, ускорением процесса складывания всероссийского рынка¹. Особенностью хозяйственного развития России в этот период являлось вовлечение во всероссийский рынок таких отдельных районов, как Подонье — Приазовье.

Торговые отношения между донским казачеством и внутренними областями Российского государства возникли очень рано и уже в XVII в. достигли значительного развития. В специальном исследовании донской торговли XVII в. А. А. Новосельский на большом материале показал, что «вследствие частого нарушения мира на южных границах и известной автономности войска Донского торговые отношения между областью Дона и внутренними областями Московского государства не имели вполне спокойного и регулярного характера, но все же они отличались довольно значительной интенсивностью и на протяжении XVII в. значительно усиливались»².

Вместе с тем А. А. Новосельский отметил, что при всем

¹ Подробно об этом см.: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М., 1958; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 9—11 и др.

² Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке. — «Исторические записки», т. 26, 1948, с. 215—216.

значении донская торговля не могла идти в сравнении ни с северной, ни с волжской русской торговлей. Долгое время это была типичная колониальная, меновая торговля, не знавшая эквивалентного обмена. Отличительной чертой ее было слияние с военной деятельностью. Это, правда, «далеко не исчерпывало содержания донской торговли, но представляло собой одну из характерных ее черт»¹. Только этим можно объяснить, например, то, что Дон в XVII в. оставался «главным рынком, откуда на Русь проникал полон»².

В XVIII в. донская торговля шагнула далеко вперед. Это произошло не только в связи с ростом общественного разделения труда во всей стране, но и со значительными экономическими и социальными сдвигами на Дону, в силу которых в XVIII в. Дон быстро вовлекался в общее русло экономического и социального развития России.

Быстрое развитие производительных сил на Дону и вовлечение края в систему всероссийского рынка определили прежде всего перемены во внутренней торговле, занимавшей ведущее положение во всей донской торговле. Она значительно выросла; изменились количество и ассортимент товаров, которыми торговал Донской край. Дон стал покупать значительно меньше хлеба, а торговля «ясырем» совсем прекратилась. В то же время увеличилась торговля рыбой, икрой, скотом, а в конце XVIII в. особенно большое значение приобрела торговля лошадьми.

На рынке появились товары, которыми раньше Дон вообще не торговал, например: овечья шерсть, хлеб, виноград³, такие изделия из сельскохозяйственного сырья, как войлок, войлочные кибитки, белые и красные овчины, тулупы⁴. С каждым десятилетием увеличивался вывоз виноградного вина. Торговля продуктами сельскохозяйственного производства свидетельствовала о постепенном превращении Донского края в аграрный район страны и определяла его место в системе складывавшегося всероссийского рынка.

В обмен на Дон шли товары из Великодержавии и Украины⁵:

¹ Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в. — «Исторические записки», т. 26, 1948, с. 198, 208.

² Там же, с. 214.

³ ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 7 об; ф. 339, оп. 1, д. 68, л. 1—10; оп. 1, д. 24, л. 59; ТОВДСК, вып. II, отд. 2, с. 112; СОВДСК, вып. 11, с. 36 и др.

⁴ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, л. 83—118; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 53.

⁵ Шульга И. Г. Развитие торговли на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. — В кн.: Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960, с. 162—163.

продукты сельского хозяйства, например хлеб, но главным образом промышленные товары¹.

Торговые связи Дона не ограничивались близлежащими областями, а распространялись значительно дальше. В конце XVIII в. донской скот в некоторых случаях перегонялся промышленниками даже через Москву далеко на север². Такую торговлю на первых порах вели русские купцы³, но постепенно в нее втягивались и донские казаки.

Из их среды выделилась особая группа богатых казаков, для которых торговля стала основным занятием. При поддержке правительства и войсковых властей в самом начале XIX в. они объединились в особую корпорацию — «Общество торговых казаков», которое пользовалось рядом привилегий⁴.

Совершенно новым явлением в донской торговле XVIII в. стало развитие обмена внутри края между отдельными его районами. Раньше это было невозможно из-за крайне низкого уровня развития производительных сил. В XVIII в. производительные силы настолько выросли, что между отдельными районами наметилось географическое разделение труда, а это создало благоприятные условия и для развития торговли.

Верховые казаки везли вниз по Дону избыток хлеба, сплавляли лес; отсюда в обмен отправляли скот, рыбу, виноград и вина. Велась торговля и другими товарами. Уже в 60-х годах XVIII в. на станичных и других торгах Дона имелось 495 лавок с разным товаром, 23 мясных прилавка, 33 рыбных сарая, 105 кабаков и 56 шинков⁵.

В XVIII в. на Дону существовал уже ряд значительных торговых центров. Наиболее крупным из них был Черкасск — главный город войска Донского. Сюда со своими товарами съезжались не только русские и украинцы, но также греки, турки, персы и др. Оживленную торговлю вели и казаки. На Черкасском торгу можно было купить, и притом в немалом количестве, «всякий хлеб, живность, рыбу, капусту и прочие всякие мелочные товары»; тилы, петли, костыли, гвозди и

---

¹ Вейнберг Л. Б. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии, вып. 1 (XVI—XVIII вв.). Воронеж, 1890, с. 101—102; Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России, с. 170, 176, 185; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 584, л. 1; там же, ф. 341, оп. 3, д. 4, л. 8-а об.

² ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 229, л. 1—2, 5—5 об.

³ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 107; Вейнберг Л. Б. Указ, соч., с. 101—102.

⁴ Савельев Е. П. Очерки из истории торговли на Дону. Новочеркасск, 1904, с. 40—41.

⁵ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1516.

другие металлические изделия; сукна, кумачи, байки, платки, ленты, нитки и многие другие товары¹.

Черкасский торг по данным переписи 1764 г. имел 203 лавки, 25 прилавков, 39 кабаков, 4 погреба и 1 сарай². Торг был хорошо организован. Он состоял из Сапожного, Шапочного, Мясного и других рядов, причем купцы каждого ряда объединялись для защиты своих интересов от конкуренции. Много лавок в рядах принадлежало торговым казакам и приписным крестьянам³.

Однако главную роль на Черкасском торгу играли не мелкие торговые казаки или приписные, а старшины. Войсковому атаману Степану Ефремову принадлежало несколько лавок в торговых рядах, медовый шинок и 10 кабаков, которые он отдавал на откуп за 2 000 руб.⁴ Бывшие войсковые есаулы Алексей Иловыйский и Петр Орлов владели десятью шинками и также сдавали их на откуп за 633 руб. Большую торговлю вели в Черкасске и некоторые богатые казаки, например Федор Елифанов Большой, Андрей Ефимов Житков, Мандрыкин, Филатов и др.⁵ В отличие от мелких торговых заведений рядовых казаков лавки старшин и богатых казаков были, как правило, крупными. В красной лавке казачьей жены Прасковьи Пустынниковой, например, было товару на 706 руб. 24 коп., в том числе несколько токов китайки разных сортов и цветов, 106 аршин локтевого сукна, 192 аршина стамету разного и т. д., в другой ее лавке товары оценивались в 464 руб. 60 коп., в лавке богатого казака Филатова было товаров на сумму свыше 3 000 руб., а в лавке казака Алексея Думина на 2 572 руб.⁶

Со второй половины XVIII в., после учреждения Темерницкой таможни (1749 г.) и образования Ростова, торговые обороты в Черкасске постепенно стали сокращаться. Хотя Черкасск и оставался крупным центром торговли на Дону, но кое в чем он уже уступал Ростову. В 1769 г. С. Г. Гмелин заметил, что «Черкасск не почитается теперь более торгую-

¹ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 412, л. 1; ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 345; ф. 338, оп. 1, д. 281, л. 11—13.

² ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1478.

³ ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 450; оп. 3, д. 5, л. 7 об.; ф. 338, оп. 1, д. 1015, л. 25 об.

⁴ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1471—1475.

⁵ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 221, л. 19—20 об.; д. 291, л. 1; д. 302, л. 1 и др.

⁶ Там же, д. 281, л. 11—13; д. 302, л. 1; ф. 341, оп. 1, д. 27, л. 723.

щим городом с Турками, но крепость св. Дмитрия присвоила себе сие имя...»¹.

На Дону были и другие, менее значительные центры внутренней торговли. Если в Черкасске торговля велась круглый год, то в других местах на Дону ведущая роль принадлежала ярмарочной торговле. Это было тесно связано с господством феодально-крепостнических отношений в стране, и поэтому отдельные местные центры втягивались в орбиту всероссийского рынка медленно.

Впрочем, некоторые донские ярмарки XVIII в. были крупными центрами торговли, например Урюпинская и Михайловская. Они возникли в начале второго десятилетия XVIII в., а уже через четверть века приобрели широкую известность². По данным переписи 1764 г., на Урюпинской ярмарке имелось 307 лавок, 23 мясных прилавка, 33 рыбных сарая и 56 винных шинков³. Посетивший ее в 1771 г. И. А. Гильденштедт отметил, что туда «приезжают купцы со значительных русских городов, особенно из Москвы и Тулы, приезжают и турки из Крыма, татары, калмыки, армяне и пружины со всякими местными и иностранными европейскими и азиатскими товарами. Всякий житель прилегающих местностей, а также все жители Воронежской губернии запасаются здесь на весь год»⁴. Это наблюдение Гильденштедта подтверждается другими данными. Так, в 1764 г. Урюпинскую ярмарку посетило 44 воронежских, 29 суздальских, 25 арзамасских, 22 елецких, 18 нижегородских, 16 калужских купцов. В том же году на ярмарке торговало 39 казаков из разных донских станиц и много приезжих торговцев из украинских городов⁵.

Несколько уступала Урюпинской ярмарке Михайловская. Однако уже в 1764 г. в ней насчитывалось 93 лавки и 6 кабаков, причем большинство из них было построено в «давних годах». Третей по значению была Луганская (на Донце) ярмарка, где в 1764 г. насчитывалось 42 лавки и 1 станичный кабак⁶. Затем шли Митякинская, Казанская, Вешенская и Березовская ярмарки. Было на Дону еще около 50 мелких и мельчайших ярмарок, многие из которых организовывались старшинами в своих слободах⁷.

¹ Гмелин С. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 272.

² Акты Лишнина, т. 2, ч. 1, № 107, с. 110—111; № 119, с. 120—123 и др..

³ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1481—1497.

⁴ G ü l d e n s t ä d t J. A. Reisen durch Russland, Bd. 1, S. 61.

⁵ Там же, л. 1481—1501.

⁶ Там же, л. 1501—1504, 1511—1513.

⁷ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 3, л. 24, 26.

В XVIII в. ярмарочная торговля уже не являлась передовой формой обмена, но и она способствовала дальнейшему вовлечению Дона во всероссийский рынок.

В XVIII в. заметные сдвиги произошли и во внешней торговле. После изгнания турок из Азова в 1696 г. Россия не имела возможности сразу же наладить внешнеторговые связи через этот город. В надежде на развитие черноморской торговли было начато сооружение путей между Волгой и Доном. Кроме того на Карловицком конгрессе 1698 г. и в дальнейшем Россия несколько раз ставила вопрос о предоставлении русским торговым кораблям права свободного плавания через Черное море. Но всякий раз Турция заявляла, что Черное море для иностранных кораблей будет свободно лишь тогда, «когда Турское государство падет и вверх ногами обратится»¹. После неудачного Прутского похода России пришлось снова оставить Азов и вопрос о свободной торговле русских купцов через Азовское и Черное моря на несколько десятилетий был снят, а работа по сооружению каналов прекращена².

Между тем в первой половине XVIII в. в России не было более удобного выхода к южным морям, чем через низовье Дона. Хотя основные хозяйственные центры империи располагались далеко от Приазовья, но они были уже прочно связаны с рядом торговых центров Донского края и особенно с Черкасском, куда в первой половине XVIII в. часто приезжали турецкие, персидские, греческие и даже венецианские и французские купцы³.

Правительство очень быстро оценило выгоды, которые могли дать России зарождавшиеся внешнеторговые связи с южными и юго-восточными странами по Донской магистрали. Следствием этого явилось, с одной стороны, учреждение 15 декабря 1749 г. Темерницкой таможни, а с другой — предложение купцам создать в Темерницком порту торговую контору.

В ответ на предложение правительства в 1756 г. была образована «Российская в Константинополь торгующая коммерческая компания». Получив ряд льгот и обладая значительными капиталами, «Компания» открыла конторы в Москве, при Темерницком порте и в Константинополе и развила активную торговую деятельность. В связи с этим внешнеторговый оборот через Темерницкую таможню значительно вырос. Уже в

¹ Богословский М. М. Петр I, т. 5. М., 1948, с. 153.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, с. 146—150.

³ Акты Лишнина, т. 2, ч. 2, № 1612, с. 751—761.

1758 г. он равнялся 87 тыс. руб., а в 1762 г. достиг 170,2 тыс.¹

В 1762 г. «Компания» была ликвидирована. Внешнеторговый оборот через Темерницкую таможенно сократился до 103 тыс. руб.² Но Нижний Дон как новый центр внешней торговли не потерял своего значения для всей России. Наоборот, именно с этого времени начинал играть большую роль в качестве общероссийской торговой магистрали путь, который шел из центральных районов страны по Волге до Дубовки и Царицына, оттуда по переволоке до Качалинской станицы, а затем вниз по Дону. О развитии торговли по этой магистрали в конце XVIII в. можно судить по данным «Топографического описания» 1806 г., в котором отмечается, что «от начала весны до самой зимы... в Качалинской войска Донского станице... грузятся на суда российские товары: канат, железо, гвоздь, хлеб, кожи, икра, масло коровье, также сплавляют лес, дрова и всякие деревянные мелочи и доставляются частью в Старочеркасск, более в портовый город Таганрог, где оные иностранцам и российскому купечеству применяются на разные иностранные товары и продаются на наличные деньги»³.

То обстоятельство, что внешнеторговая магистраль пролегла через землю войска Донского, способствовало дальнейшему вовлечению в торговлю местных жителей. Жители Миусского, Аксайского и Первого Донского округов начали особенно интенсивно возделывать пшеницу, чтобы продавать ее «по ближайшей удобности при Таганрогском порте»⁴. В донские станицы и на ярмарки непрерывно приезжали армянские, греческие и другие купцы, привозя с собой «разный товар», а в обмен покупая товары у казаков⁵.

Реже в источниках говорится о внешнеторговых экспедициях донских казаков. Обычно богатые торговые казаки или старшины объединялись и ездили для торгового промысла в Едисанскую орду, Большую Кабарду и Персию⁶, в Трухменскую орду и другие места⁷. Привезенные из-за границы това-

¹ Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону, 1749—1949, с. 24—26; см. также: ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 129, л. 10—12.

² Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Указ соч., с. 82.

³ СОВДСК, вып. 11, с. 36.

⁴ Там же, с. 35.

⁵ ЦГАДА, Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2, л. 276; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 884, л. 3—3 об.; ф. 341, оп. 1, д. 27, л. 800—800 об.

⁶ ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 8, л. 83.

⁷ Там же, ф. 338, оп. 1, д. 221, л. 19—20 об.

ры донские казаки часто сами доставляли в торговые центры Российской империи и там продавали¹.

§ 2. Развитие внутренней торговли на Дону и в Приазовье в первой половине XIX века

В результате интенсивного заселения и хозяйственного освоения юго-восточных окраин России, развития сельского хозяйства и промышленности произошли большие сдвиги в экономике Дона и Приазовья. Это способствовало расширению торговли между различными районами области войска Донского и Приазовья и вовлечению их в систему всероссийского рынка.

В связи с промышленным переворотом, начавшимся в России в 40-х годах XIX в., значительно возросли потребности фабрик и заводов в сырье, которое они получали с юга. В свою очередь они все больше сбывали туда своей продукции. Южная Россия превращалась в район торгового зернового хозяйства. Одновременно там на обширных неосвоенных землях развивалось скотоводство. Поэтому область войска Донского и Приазовье в обмен на товары центрально-русской промышленности предлагали в основном хлеб и скот, которые продавались не только на Дону и Приазовье, но и во внутренних губерниях России.

Основной формой внутреннего обмена на Дону и Приазовье в дореформенный период была ярмарочная торговля. Это объясняется не только феодальными производственными отношениями, но и слабостью экономических связей южных и юго-восточных окраин России с Центральным промышленным районом вследствие дальности расстояния и плохих путей сообщения. Число ярмарок на Дону и Приазовье в первой половине XIX в. постоянно возрастало. С 1822 по 1857 г. оно увеличилось с 70² до 187. В Новочеркасске в 1857 г. было 2 ярмарки, в Черкасском округе — 11, Первом Донском — 21, Втором Донском — 25, Усть-Медведицком — 40, Хоперском — 44, Донецком — 15, Миусском — 29³. Самой крупной на Дону были Урюпинская ярмарка, годовой товарооборот которой в 20-х—30-х годах XIX в. составлял 2,5—3,5 млн. руб.⁴, и Ростовская.

¹ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России..., с. 141.

² Статистическое описание земли донских казаков..., с. 227.

³ Краснов Н. Материалы..., с. 328.

⁴ Статистическое описание земли донских казаков..., с. 328.

Стоимость товаров, привозимых на Ростовскую ярмарку, колебалась от 2 651 770 руб. в 1846 г. до 5 396 464 руб. в 1864 г.¹ Крупными ярмарками, на которых в основном продавали шерсть, скот, считались Луганская и особенно Криворожская: на первой в конце 20-х годов XIX в. ежегодно продавали до 15, а на второй — до 30 тыс. пудов шерсти². На ярмарках Донской области и Приазовья торговля шла в основном продуктами помещичьих, казачьих и крестьянских хозяйств: хлебом, крупным и средним рогатым скотом, рыбой, кожей, салом, маслом, а со второй четверти XIX в. и углем.

С углублением хозяйственной специализации районов и развитием товарно-денежных отношений происходит специализация ярмарочной торговли. В ст-це Гниловской во всякое время года преимущественно торговали рыбой на сумму до 400 000 руб. в год серебром³, в ст-це Аксайской — хлебом и лесом. В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. общий оборот торговли в последней этими товарами составлял соответственно 200 тыс. — 700 тыс. руб. в год⁴. На ярмарках Приазовья — в Миусском округе, городах Ростове, Таганроге, Нахичевани и близлежащих селах в основном торговали хлебом⁵. На ярмарках войска Донского — Митякинской, Раздорской, Луганской, Криворожской, Средне-Егорлыкской и Урюпинской торговали главным образом скотом, откуда его переправляли в различные российские города⁶.

Большое значение для развития внутренней торговли на Дону и Приазовье имела связь со всероссийским торжищем — Макарьевской и Нижегородской ярмарками. В 1822 г. на Нижегородской ярмарке 34 чел. из области войска Донского продали товаров на сумму 1,9 млн. руб.⁷ В обмен на свои продукты жители Дона и Приазовья в большом количестве закупали на Макарьевской ярмарке промышленные товары, которые затем продавали в лавках Новочеркасска, в станицах и слободах. Значительная роль в расширении торговли на Дону и Приазовье, особенно в Усть-Медведицком, Хоперском, Первом и Втором Донском округах принадлежала иногороднему

¹ Скальковский А. А. Ростов и торговля Азовского бассейна. [Б. М.], 1865—1866, с. 67.

² Золотов В. А., Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов н/Д, с. 104.

³ ДВВ, 1861, № 7.

⁴ Там же, № 5.

⁵ ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 16, л. 12—12 об.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18720, л. 179 об.—180.

⁷ Остроухов П. А. Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.—Исторические записки, т. 90, 1972, с. 228 (таблица).

купечеству. Купцы, приезжавшие из центральных губерний России—Московской, Петербургской, Владимирской, торговали красным и мелочным товаром, лесом, солью и другими продуктами, скупая на Дону и Приазовье хлеб и скот¹.

Вплоть до середины XIX в. важнейшим стимулом развития внутренней торговли Приазовья и области войска Донского были постоянно возрастающие потребности армии и флота на юге России. Строительство многочисленных крепостей и укреплений на Кавказской линии, военных кораблей в Приазовье и Черном море, содержание военных гарнизонов и Кавказской армии требовали значительного количества хлебопродуктов, железа, леса, пеньки и других материалов. За первую половину XIX в. численность Кавказского корпуса возросла в 10 раз, достигнув в конце 50-х годов 200 тыс. чел. Соответственно увеличались и потребности войск в хлебе, составив 400 тыс. четвертей. Между тем в Кавказском крае можно было закупить лишь 50—60 тыс. четвертей². Для хранения казенного провианта правого фланга Кавказской армии на Дону были созданы Верхне- и Нижне-Подпольные пристани, откуда провиант развозили в армейские магазины. Грузооборот хлеба и хлебопродуктов через эти пристани с 1820 по 1861 г. возрос более чем в три раза. Во второй четверти XIX в. из области войска Донского и Приазовья для Кавказской армии было поставлено свыше 4,5 млн. пудов хлебопродуктов³. Кроме того Дон и степное Предкавказье являлись главными поставщиками скота и мяса для кавказских войск.

Царизм рассматривал торговлю с кавказскими народами как средство распространения своего политического влияния и орудие экономического подчинения Кавказа. Важную роль в этом играли «меновые дворы», которые со второй половины XVIII в. создавались возле крепостей и укреплений для продажи горцам соли, хлеба, проса, масла и других товаров. Среди владельцев этих дворов были и донские казаки, наживавшие в результате неэквивалентной торговли и связанных с ней злоупотреблений большие капиталы.

Внутренняя торговля области войска Донского и Приазовья развивалась в тесной связи с внешней торговлей. Превраще-

¹ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 1082—1083; оп. 3, д. 144, л. 855; оп. 1, д. 471, л. 223—223 об.; ф. 200, оп. 1, д. 47, л. 1—1 об.

² Фадеев А. В. Очерки..., с. 199; «Колокол», 1862, № 146. Переиздано: «Колокол», газ. А. И. Герцена и Н. П. Огарева, вып. 5. АН СССР, 1962, с. 1208.

³ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 785; Чеботарев Б. В. Приазовье во второй половине XVIII — начале XIX в. и его хозяйственное освоение. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д, 1965, с. 16.

ние пшеницы в основной экспортный хлеб России в первой половине XIX в. способствовало волежению казачьих, крестьянских и в особенности помещичьих хозяйств Дона и Приазовья во внешнеторговые операции, связанные с вывозом хлеба через порты Азовского и Черного морей¹. Из отдаленных северных и северо-восточных округов области войска Донского донские чиновники отправляли свой хлеб на волах до ст-цы Дубовской, продавая его там перекупщикам. Те, в свою очередь, переправляли хлеб через ст-цу Качалинскую вниз по Дону до Ростова². По данным Э. Шульмана, в 1819 г. основными поставщиками товарного хлеба на внешний рынок были помещики, на их долю приходилось 77% экспортируемого из области войска Донского хлеба, а казакам принадлежало до 75% хлеба, проданного на внутреннем рынке³.

Превращение области войска Донского и Приазовья в район торгового земледелия вызвало развитие винокуренной промышленности и значительное увеличение продажи хлебного вина. Только за 10 лет с 1822 по 1832 г. продажа вина возросла на Дону в 1,3 раза, а доход от нее войска Донского увеличился более чем в 2 раза⁴.

Значительные масштабы на Дону и Приазовье приобрела торговля скотом. Чаще скот продавали прасолам — купцам, приезжавшим из Москвы и Коломны. Закупленный скот они оставляли на лето в степях, а осенью отгоняли в Москву и Петербург. В начале XIX в. был создан «Донской скотопрогонный тракт», который просуществовал почти 100 лет. Он начинался в ст-це Казанской Донецкого округа, в Новороссии, на Кубани и в Ставрополье. Тракт делился на три ветви: первая шла от Егорлыкского карантинна на ст-цу Аксайскую, оттуда на Бахмут, Харьков до Москвы и Петербурга; вторая — от Куликова кордона через Первый Донской и Донецкий округа на ст-цу Казанскую или через Калмыцкое кочевье до Цимлянской, оттуда на Кагальницкую, Филипповскую и через города Тамбовского наместничества Липецк и Козлов на Москву; третья — от ст-цы Казанской через Рязанскую губернию, го-

¹ Золотов В. А. Южно-русский хлебный экспорт во второй четверти XIX в. — В кн.: Авторефераты научн.-исслед. работ за 1959 г. Ростов н/Д, 1960, с. 220—222; его же. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX в., с. 105.

² ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 520, л. 122—122 об., 124.

³ Шульман Э. Формирование капиталистического хозяйства на южных окраинах России в первой половине XIX в. Канд. дис. Ростов н/Д, 1972, с. 42.

⁴ ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 924, л. 1.

рода Козлов, Ряжск, Пронск, Коломну, Москву, оттуда через Новгород в Петербург¹.

Рост цен на крупный рогатый скот стимулировал разведение мясного скота в хозяйствах богатых казаков, крестьян, развитие скотоводческих ферм у помещиков. В 1850—1855 гг. ежегодная сумма от продажи крупного рогатого скота составляла 1,2 млн. руб.; овец—990 тыс. руб.; лошадей—730 тыс. руб.² В 1860 г. на долю проданного скота приходилось 66% общего торгового оборота, а на долю хлеба лишь 13%³.

Усиленное развитие торговли на Дону и Приазовье привело к увеличению торговых перевозок. Крестьяне ряда сел Приазовья—Батайска, Койсуга, Круглого—почти круглый год были заняты на чумацком промысле. Они перевозили хлеб, масло, сало, лес из Ростова в Таганрог и обратно, фрукты и соль из Крыма на Дон, хлебопродукты и снаряжение из Ростова на Кавказ для многочисленных гарнизонов. Наряду с крестьянами перевозками (морским извозничеством) занимались и казаки. В 1822 г. станичный атаман доносил Черкасскому сыскному начальству, что «некоторые из жителей Аксайской станицы имеют мореходные суда, коими извозничают по Азовскому морю»⁴. Для обслуживания постоянно прибывавших в Таганрог и Ростов иностранных судов, перевоза грузов из ст-цы Качалинской и обратно, а также в целях развития морского судостроения правительство стремилось стимулировать постройку торгового флота, предоставляя для этого ссуды. Строительство его велось в Таганроге и ст-це Аксайской⁵. В 1861 г. судоходством в Донской области занималось 242 чел., у которых было 215 мореходных судов и речных 79 «для извоза разных грузов вверх до Качалинской станицы и оттуда до Ростова и по Азовскому морю до Таганрога»⁶. Они перевозили хлеб, масло, железо, икру и другие грузы из Ростова, Нахичевани, Таганрога, Мариуполя, Феодосии в различные порты Азовского, Черного и Средиземного морей.

Для некоторых станиц извоз становился ведущей отраслью хозяйства, а для казаков—основным источником существования. Казаки ст-цы Татарской занимались перевозками соли

¹ Хозяйственно-статистический атлас Евр. России. Приложения. М.—Спб., 1863, с. 396, Военно-статистический сборник, вып. 4. Спб., 1871, с. 607.

² Краснов Н. Материалы... с. 368—369.

³ Хлыстов И. П. Дон в эпоху капитализма. Ростов н/Д, 1963, с. 237.

⁴ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 353, л. 27.

⁵ Филевский П. История Таганрога. М., 1898, с. 219.

⁶ ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 57, л. 3—7; ф. 200, оп. 1, д. 136, л. 8; СОВДСК, вып. 2, с. 52.

от Манычских соляных озер до Черкаска и Ростова, гоняли скот на ярмарки войска Донского и за его пределы, жители ст-цы Кагальницкой возили соль, хлеб, Мечетинской — соль¹.

Для обслуживания торговых перевозок в основном использовался вольнонаемный труд. Это способствовало развитию рынка рабочей силы, товарно-денежных отношений и ликвидации внутриобластной замкнутости.

Большое влияние на развитие торговли в Донской области и Приазовье оказывала политика царизма по отношению к донскому казачеству. Правительство, пытаясь предотвратить разложение и распад казачьей общины под воздействием буржуазных отношений, опираясь на права и привилегии донского казачества, проводило и в области торговли мероприятия, направленные на сохранение ее сословной замкнутости.

По мере развития товарно-денежных отношений сбыт продуктов мелкими партиями — характерный для области войска Донского в XVIII в. — в первой половине XIX в. становится все более затруднительным. Превращение Дона и Приазовья в район торгового земледелия и вовлечение его в систему все-русского рынка требовало крупного массового сбыта. В условиях мелкого производства проблема крупного сбыта на Дону могла быть решена только путем концентрации его в руках зажиточного меньшинства войскового сословия. Из среды казаков, занимавшихся торговлей, постепенно выделилась зажиточная верхушка, для которой обязательная воинская служба стала препятствием в расширении их торгово-предпринимательской деятельности. Как уже говорилось, при поддержке правительства и Войскового управления в 1804 г. было создано «Общество торговых казаков». Членами его могли быть только казаки с капиталом не менее 5 тыс. руб. Торговые казаки пользовались рядом привилегий, основной из них было освобождение от военной службы с внесением в течение 30 лет определенного ежегодного взноса в войсковой доход². Члены торгового общества обладали исключительным правом оптовой торговли в войске Донском.

С созданием общества торговых казаков наметились два основных направления в развитии внутренней торговли на Дону: крупная оптовая торговля, сосредоточенная в руках верхушки торгового казачества, и мелкая торговля, представленная в основном прасолами и иногородними купцами, скупав-

¹ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 343, л. 6; д. 353, л. 56—78.

² Савельев Е. П. Очерки по истории торговли на Дону. Новочеркасск, 1904, с. 40—41.

шими скот и другие продукты казачьего и крестьянского хозяйства. Численность казаков торгового общества в 1854 г. достигла 500 чел., а их капитал — 1 650 тыс. руб.¹

Царское правительство и войсковое правление старались оградить общество торговых казаков от конкуренции купцов, прибывавших на Дон из центральных и других губерний России. В 1835 г. указом Николая I было установлено «...чтобы никто из непринявших войск людей не был допускаем на постоянное жительство в войско Донское», а лица, находящиеся в войске Донском по служебным и другим обязанностям, не имели права покупать и строить дома и приобретать земельные угодья². Иногородние купцы имели право торговать «не по всему войску, а только в том округе, где получают свидетельство», а если пришлые купцы хотели торговать на территории всего Войска, то они должны брать «торговое свидетельство на каждый округ»³ и платить торговые сборы «отдельно по каждому округу», — отмечалось в постановлении Военного Совета иррегулярных войск за 1861 г.

Дальнейшее развитие и расширение торговли на Дону привело к появлению в обществе торговых казаков, специализировавшихся на продаже одного или нескольких видов товаров. Так, в 1820 г. среди членов торгового общества наметилась такая специализация: А. Денисов торговал шелковыми и бумажными товарами, И. Артикулов, А. Рудаков, В. Дудников — лесными товарами, Ф. Уголков — хлебом, Д. Корытин — канатами и бечевой, И. Плахов — кожевненным товаром, Ф. Архипов и А. Дружков — рыбой⁴.

В конце 50-х годов XIX в. крупнейшими хлеботорговцами в области войска Донского были братья Устиновы, сумма торговых операций которых достигала 75 тыс. руб. серебром в год. Крупным торговцем вином был П. П. Андропов, продававший его более чем на 20 тыс. руб. серебром в год. Наиболее значительную торговлю лесом вела семья Планидиных⁵.

Образование общества торговых казаков и юридическое закрепление его корпоративной замкнутости «Положением об управлении войском Донским от 26 мая 1835 г.» мешало включаться в торговлю лицам невойскового сословия и рядовым казакам, сковывало свободу предпринимательства и развитие торговли.

¹ СОВДСК, вып. 2, с. 52.

² Попов И. П. Материалы к истории Дона. Новочеркасск, 1900, с. 157.

³ ГАРО, ф. 200, оп. 1, д. 43, л. 9—9 об., 12 об.

⁴ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 717.

⁵ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 7, л. 5 об. — 9; ДВВ, 1861, № 5.

В Приазовье — в Ростовском уезде Екатеринославской губернии, Таганроге, Ростове, Нахичевани — ведущее место во внутренней торговле принадлежало армянским и греческим купцам. Стоимость товаров, которые привозили в Ростов, постоянно возрастала. Если в начале XIX в. она не превышала 400—450 тыс. руб., то в 1845 г. эта сумма возросла до 5 419 тыс. руб. К 60-м годам XIX в. объем внутренней торговли Ростова превысил 15 млн. руб, из них свыше 10 млн. руб. приходилось на хлеба. Главной статьёй внутриторговых оборотов Таганрога также являлась пшеница, вывоз которой за границу к 1856 г. превысил 650 тыс. четвертей¹.

Наряду с развитием ярмарочной торговли на Дону и Приазовье возникают постоянные формы торговли, свойственные капитализму — лавки, магазинны, склады, лабазы и гостиные дворы. В складах и магазинах Таганрога торговые казаки покупали промышленные товары, там же продавали хлеб, рыбу, сало и шерсть². С 1822 г. одной из основных форм торговли промышленными товарами в г. Новочеркасске стала продажа товаров в гостинном дворе. За период с 1822 по 1832 г. ежегодный товарооборот гостинного двора составил около 350 тыс. руб.³

Правительство, вынужденное считаться с развитием буржуазных отношений на Дону и Приазовье, в 1849 г. издало указ, которым было «высочайше разрешено... для удобного развития в Донском крае торговли и промышленности учредить в юрту Гниловской станицы, по обоим берегам р. Дон, торговую пристань, не изъемя оную из юрта станицы»⁴. По этому указу предоставлялись места для складов, магазинов, лабазов и торговли лицам войскового сословия. Но иногородние купцы также получали места на пристани, действуя через подставных лиц.

Значительное влияние на развитие внутренней торговли на Дону и Приазовье оказывали пережитки старины. В то время, как лица войскового сословия пользовались привилегией беспощлиного судоходства по Дону и торговли в пределах войска Донского, крестьяне и иногородние купцы платили высокий торговый сбор. Как отмечалось в сообщении войсковой канцелярии в 1819 г. в Воронежское губернское правление необходимо было взъяснить в пользу войска Донского «за пропльвшие в 1818 году по р. Дон две барки и одну полубарку,

¹ Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Указ соч., с. 52—53; Филевский П. История города Таганрога, с. 231.

² Филевский П. Указ соч., с. 217—219.

³ Статистическое описание земли донских казаков, с. 227.

⁴ ЦГВИА, ф. 40, оп. 35, д. 107, л. 3.

нагруженные казенным провиантом, пошлинных четыреста со-рок рублей денег»¹ с купеческой жены М. Клочковой и «за судоходство барок тысяча двести тридцать рублей денег»² с купца А. Иванова. Высокие пошлины за судоходство по Дону сдерживали расширение внутриторговых перевозок и экономическое развитие области войска Донского. Лишь в 1822 г. они были отменены «как отрицательно сказывающиеся на развитии торговли и промышленности и не составляющие значительного дохода»³.

На Дону в первой половине XIX в. оставался широко распространённым как неотъемлемая часть дореформенного развития области войска Донского ростовщический капитал. О его большом влиянии на общественно-экономическую жизнь можно судить хотя бы по тому, что правительство неоднократно вмешивалось в ростовщические операции путем установления заемного процента. При этом в указах 1754, 1786, 1806 г. подчеркивалось: «...кто из них (ростовщиков. — Авт.) впредь дерзнет брать более шести процентов, и в том обличены будут, у таковых же данные от них в наем деньги останутся у заемщика, а для казны все их имущества конфисковать, дабы в противность впредь чинить не дерзали, и во всем государстве, одинакой и равной процент состоять мог...»⁴.

Зачастую эти законы не выполнялись. Донские чиновники, зажиточная верхушка казаков осуждали деньги казакам, станицам и представителям других сословий, как отмечалось в заемных и залладных письма, «за указанные проценты»⁵, которые нередко доходили до 20—25% годовых. Кредит выдавался под заклад недвижимого имущества, крепостных крестьян, сдачу земельного участка в наем, под отработку и т. д.

Если в XVIII в. на Дону крупными ростовщиками были войсковые старшины, то в первой половине XIX в. в развитии ростовщического капитала отмечаются совершенно новые явления — превращение войсковой канцелярии и станичных правлений в крупнейших ростовщиков, осужающих деньги в основном станицам, донским дворянам и чиновникам. Так, в 1819 г. войсковая канцелярия отпустила подполковнику Миленцеву под проценты в залог его крепостных крестьян 2 500 руб., почмейстеру Летуновскому — 1 000 руб., уряднику Калашникову — 500 руб. В 1829 г. в войсковой канцелярии

¹ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 665.

² Там же, л. 1076.

³ ПСЗ, т. 38, № 29182.

⁴ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 472, л. 385—385 об.

⁵ Там же, д. 81, л. 2; д. 93, л. 1; д. 138, л. 1; д. 97, л. 1.

есаульской вдовой Е. Слюсаревой под залог 4 душ крестьян была совершена закладная на взятие в долг 600 руб. под проценты; на тех же условиях старшинская жена А. Ханженкова получила в войсковой канцелярии 3350 руб. ассигнациями и серебряной монетою под залог 25 душ крестьян мужского пола¹. Таких примеров можно привести много².

Ростовщики имели огромную власть в области войска Донского, хотя их собственный капитал был невелик. За просрочку «по закладной» ростовщики продавали имущество, дома, торговые лавки, винокуренные и рыбоспетные заводы займщиков. В 1820 г. войсковая канцелярия продала с аукциона торговую лавку с товаром урядника Воинова за неуплату долга. В 1824 г. войсковой старшина Иван Караичев продал рыбоспетный завод казака ст-цы Елизаветинской. Б. Лихолетова «за просрочку по закладной» казаку С. Корнееву за 1200 руб. ассигнациями³.

Широкое распространение ростовщического капитала и его большое влияние на социально-экономическое развитие области войска Донского в первой половине XIX в. было обусловлено прежде всего слабым развитием товарного производства, когда в экономическом отношении «деревня представляла из себя ...сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей...»⁴.

Ростовщический капитал сам не в состоянии произвести каких-либо кардинальных изменений: «...как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких мастеров-ремесленников <...> ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественные условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счет самого труда»⁵.

Таким образом, в дореформенный период на Дону и в Приазовье шел непрерывный процесс развития внутренней торговли, уровень которой определялся экономическим развитием

¹ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 297, л. 200; оп. 3, д. 377, л. 195 об., 212.

² Там же, оп. 1, д. 392, л. 5—5 об., 10—11 об., 17—19, 25 об.—27, 53 об.—54 об.; ф. 341, оп. 3, д. 408, л. 96, 98—98 об.; оп. 3, д. 377, л. 24, 36, 48, 59, 63 и др.

³ Там же, оп. 1, д. 297, л. 693; оп. 2, д. 127, л. 3—3 об. и т. п.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 381.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 143, 145.

этих местностей, политикой царского самодержавия на юге России и феодально-сословными интересами донского казачества.

§ 3. Развитие торговли в Ставрополье и на Кавказской линии

Включение Предкавказья в состав России превратило его в один из важных районов, снабжавших хлебом, мясом, рыбой, вином и другими продуктами многие губернии России, горские народы и даже вывозившие их за рубеж. Одновременно оно стало рынком сбыта промышленных товаров российского и иностранного происхождения.

Развитие внутригубернской, внутривойсковой торговли, вовлечение новых районов в товарное обращение во всероссийском масштабе, расширение меновых отношений с горскими народами и, наконец, вывоз сельскохозяйственной продукции за границу находились в прямой зависимости от увеличения населения и экономического освоения края. Расширение торговли вело к росту производительных сил в новых районах и способствовало укреплению экономики страны в целом.

Развитие товарно-денежных отношений с конца XVIII в. в России сказалось и на жизни Предкавказья. Подрывались основы хозяйственно-экономической замкнутости, патриархально-родовых отношений местных народов. Население этого огромного края вовлекалось в общественную и экономическую жизнь Российского государства.

Северокавказские народы издавна имели тесные торговые связи с русскими поселенцами в Ставрополье и на Кавказской линии. Источники свидетельствуют о том, что эти связи, хотя и были ограничены обменом предметами первой необходимости, носили довольно оживленный характер. Установление торговых взаимоотношений терских казаков и горских народов, несомненно, содействовало укреплению между ними дружественных отношений.

С открытием Кавказского наместничества торговля еще больше возросла. Однако Кавказская война и вызванное этим обострение взаимоотношений между горскими народами и царским правительством наносили огромный вред не только политическим, но и экономическим отношениям.

Русская буржуазия упорно изыскивала возможности сбыта своих товаров на окраинах страны, в только что присоединенных районах, в том числе и на Северном Кавказе. К этому

толкала ее ограниченность внутреннего рынка, бедность и неплатежеспособность ограбленного народа.

В развитии внутругубернской и внутривойсковой торговли во время создания Кавказского наместничества существовали немалые трудности. Они были обусловлены малолюдностью края и удаленностью его от основных районов, производящих товары промышленного производства, натуральным характером хозяйственной жизни переселенческого населения, сложностью политической обстановки и другими причинами.

Местное купечество было малочисленным и экономически слабым. В результате проверки в 1787 г. Екатерине II сообщалось, что «по новости Кавказской губернии... купечества еще мало и оно бедно»¹.

Предкавказье, являясь сельскохозяйственным краем, было важным потребителем промышленных изделий. В начале XIX в., по данным Ровинского, с Макарьевской ярмарки в России для Кавказской губернии были приобретены заграничные и русские ткани, сахар, чай, кофе, посуда стеклянная и металлическая, мишура, сапоги, башмаки и пр.², а вывозились туда виноградный спирт (20 тыс. сорокаведерных бочек), скот (на 700 тыс. руб.), сода из «соленых трав», мука, пшеница, просо и пр.³.

Потребность в кизлярских винах и нагульном скоте, славившемся вкусным мясом, все больше возрастала. Северокавказский скот был хорошо известен в Москве, Петербурге, Риге, Воронеже, Харькове, Саратове, Туле, Калуге и многих других городах. Овец отправляли в поволжские города, строевых лошадей — на пополнение кавалерии регулярных частей Кавказского корпуса и в другие районы империи.

Обычной формой торговли в Предкавказье в конце XVIII и первой половине XIX в. были ярмарки. Первые ярмарки появились при Ставропольской и Георгиевской крепостях в 1781 г., т. е. еще до открытия Кавказского наместничества⁴. Обороты ярмарочной торговли в отдельных случаях были для того времени значительными. Реализация более 50% товаров (в селах Московском, Медвеьем, Новогригорьевском) свидетельствовала о заметно возросшем уровне денежных отношений на Ставрополье.

К середине XIX в. ярмарочная торговля в Предкавказье

¹ ЦГАДА, ф. 23, д. 3, л. 9--10; ГАСК, ф. 235, д. 1, 1759—1804 гг., л. 126.

² Ровинский И. В. Указ. соч., с. 508.

³ Там же, с. 509—510.

⁴ Прохрителев Г. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ставрополь, 1925, с. 12.

достигла большого размаха. В Ставропольской губернии и на Кавказской линии в 1849 г. насчитывалась 41 ярмарка, из которых на 21 ярмарку в Ставропольской губернии было завезено товаров и пригнано скота и лошадей на 3 528 617 руб., а продано — на 1 170 307 руб.; на 29 ярмарках в Кавказском линейном войске торговый оборот в тот год составил 639 382 руб.¹

Рыночные связи к этому времени охватывают все слои населения, проникают в самые глухие районы края. Дворяне, казачья старшина и офицеры, мещане, крестьяне и казаки все больше и больше вовлекались в водоворот торговых отношений. Одновременно в этот процесс стали втягиваться горские народы.

Продажа и вывоз продуктов животноводства, земледельческого труда, рыбы из Ставропольской губернии и Кавказской линии были затруднительны из-за отсутствия удобных путей сообщения. Основная часть их проходила по сухопутью. Население центральных районов Предкавказья пользовалось сухопутными дорогами, и прежде всего Черкасским трактом, соединявшим Ставрополь с центром страны. Кроме того, имелись трактовые пути, соединявшие Кизляр с Астраханью и Царицыным, но они в первой половине XIX в. постепенно утратили свое былое значение.

Морские и речные перевозки по Каспийскому морю через Шандруковскую и Серебряковскую пристани, а затем по Волге, издавна связывали восточные районы Предкавказья, но по своему объему в значительной степени уступали сухопутным.

Перевозка товаров стоила дорого и требовала длительного времени. Так, товары, которые отправляли из восточных районов (Кизлярского уезда Ставропольской губернии) на Макарьевскую ярмарку в середине XIX в., достигали пункта назначения только через 3 месяца². Тем не менее в 1847—1852 гг. жители Ставропольской губернии и линейное казачество в среднем ежегодно продавали риса на 6 920 руб., вина — на 132 150 руб., рыбы из имений Всеволожского — на 200 тыс. руб., поташа — до 7 тыс. руб. и т. д. Появляются городские и сельские лавки, число которых в 1851 г. по губернии и на Линии достигло 1 081 с годовым оборотом 1 млн. руб. серебром.

Ставрополье, как известно, было крупным производителем товарного хлеба. Этим хлебом снабжались войска, расположен-

---

¹ Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967, с. 240—243.

² ГАСК, ф. 48, д. 12, л. 8—10.

ные на Кавказе, а часть его сбывалась в Черноморью горским и кочующим народам.

Большое место в торговле занимал скот, значительная часть которого продавалась во внутренние губернии России. Только в 1813—1814 гг. в Москву, Петербург и другие города было продано почти 19 тыс. голов крупного рогатого скота, более 71 тыс. овец и 2 тыс. лошадей¹.

В объяснении к статистическому описанию внешней и внутренней торговли за 1851 г. отмечалось, что ни одна губерния в России не доставляет столько скота в две столицы, как Ставропольская, скот там продают под названием черкасского².

В течение 1846—1850 гг. одна Ставропольская губерния ежегодно поставляла для продажи зерна, скота, семян, вина и другой сельскохозяйственной продукции на сумму более 2,5 млн. руб. В то же время население покупало ежегодно примерно на 1,6 млн. руб. товаров из внутренних губерний³. Таким образом, Ставропольская губерния в середине XIX в. поставляла на продажу различные виды продукции, стоимость которых почти на 1 млн. руб. превышала стоимость товаров, завозимых из внутренних губерний России.

Ставропольское купечество было в это время не только в городах, но и в отдельных селениях, станицах и на меновых дворах, где заводились лавки и торговые места. В целях поощрения купечества и привлечения к торговле мещан в 1846 г. по ходатайству кавказского наместника графа Воронцова купцам и мещанам, занимающимся торговлей, дана была льгота в уплате гильдейских и других платежей сроком на 5 лет. По истечении этого срока льгота была продлена на 3 года⁴.

Оптовой торговлей скотом для поставок в обе столицы занимались купцы, государственные крестьяне и мещане. Армянские купцы сосредоточили в своих руках торговлю «красными» и промышленными товарами для продажи их горским народам, а также внутри губерний, в казачьих станицах и на меновых дворах. Местное купечество было также тесно связано с подрядами на поставку провианта и частичного снаряжения для многочисленных в то время на Кавказе войск. К этому времени на Ставрополье насчитывалось 402 местных купца, из них к I гильдии принадлежало 22, ко II — 27 и III —

¹ ГАСК, ф. 87, д. 31, л. 27—39.

² Там же, ф. 101, оп. 1, д. 1831, л. 34—35.

³ Там же, 30—32.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 486, л. 9.

353. Купеческий капитал их в 1848 г. составлял 1 535 200 руб.¹.

Линейные казаки вели торговлю не только среди казачества, но и в городах: Ставрополе, Моздоке, Георгиевске и Кизляре. Согласно Положению 1845 г. о Кавказском линейном войске, линейным казакам разрешалось заниматься торговлей и промышленностью как в пределах своих земель, так и вне их².

Развитие торговли в Ставропольской губернии и в казачьих областях Кавказской линии, усиление обмена с внутренними губерниями России продукцией сельскохозяйственного производства, и прежде всего животноводства, свидетельствовало о росте производительных сил осваиваемого края и содействовало их подъему в целом по стране.

Говоря о торговле на Северном Кавказе, следует уделить особое внимание вопросам развития торговли между русскими переселенцами и местными горскими народами. К началу массового заселения края в этом деле был уже накоплен немалый опыт. Терские казаки с начала их поселения, т. е. с середины XVI в., завязывали тесные торговые отношения с соседними народами, которые лишь временами нарушались из-за внешнеполитических осложнений или внутренних неурядиц. Уже в XVII в. в крепости Терки имелись лавки и устраивались базары. Сюда горские народы пригоняли для продажи скот, лошадей, привозили овчины, сукна, металлические изделия и пр.³ Гребенские казаки поставляли на обмен соль, рыбу, домашние холсты, овощи, выменивая на них чекмени, бурки, башлыки, арбы, колеса и лошадей⁴.

В 30-х годах XVIII в. центр торговли перемещается в Кизляр, в котором до начала XIX в. сосредоточивалась почти вся торговля Предкавказья с народами Кавказа⁵. Через него шли торговые связи не только с северокавказскими, но и закавказскими народами и Персией⁶. В конце XVIII в. здесь имелось три торговых дома — русский, армянский и татарский⁷. Кизлярские купцы находились в постоянных и тесных связях с соседними народами, особенно с кумыкскими селениями⁸. В

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, л. 275, л. 19.

² Там же, оп. 6, д. 346, л. 3; ГАСК, ф. 8, оп. 12, д. 204.

³ Очерки истории СССР. XVII век. М., 1955, с. 915.

⁴ Полко И. Терские казаки с стародавних времен, с. 88.

⁵ Очерки истории СССР. XVIII в., вторая четверть. М., 1957, с. 447.

⁶ Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России, ч. 1. Спб., 1835, с. 151.

⁷ ЦГА ЧИ АССР, ф. 47, д. 1, л. 1—15.

⁸ История, география и этнография Дагестана. М., 1958, с. 68.

Дагестане и Закавказье закупались огромные партии шелка и других товаров (в начале XIX в. на 800 тыс. руб.), которые затем распространялись во многих губерниях России. Российских товаров продавалось ежегодно примерно на 500 тыс. руб.¹

В целях развития торговли с горскими народами, правительство еще в 1764 г. освободило кумыков и кабардинцев от уплаты пошлин при продаже и покупке товаров в Кизляре². В связи с увеличивающимся привозом товаров с 1771 г. стали брать пошлины только с покупателей. При этом подчеркивалось, чтобы горцам при проезде и выезде «ни малейшего озлобления чинено не было»³.

Вопрос об организации меновых отношений с горцами поднимался еще до открытия Кавказского наместничества. В 1780 г., например, предлагалось проводить меновую торговлю в таких пунктах, как Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь⁴. В указе от 9 мая 1785 г. об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости заводить города не только «для обуздания своевольных народов», но и для развития торговли с ними. В 1789 г. Екатерина II разрешила дагестанцам беспошлинно ездить для торговли с Кабардой по русской стороне⁵. В донесении Екатерине II 12 января 1793 г. генерал Гудович, командовавший в то время войсками на Кавказе, писал: «Горы закубанские изобилуют годными не только на дома, но и на корабли лесами» и просил «позволения закубанцам брать у нас соль. Можно было бы выговорить право рубить у них лес под их охранением»⁶. За соль на меновых дворах выменивали бурки, кожи, хлеб, мед, воск, лес, скот и даже пленных⁷.

Меновые дворы, по мнению правительства, должны были укрепить позиции России на Северном Кавказе. В 1811 г. на линии было открыто 6 меновых дворов (Наурский, Прохладненский, Константиногорский, Прочноокопский, Усть-Лабин-

---

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, 1823, с. 458.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 3. Спб., 1869, с. 106.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., т. 1, с. 484.

⁴ АКАК, т. 2, с. 11—12; Кумыков Т. X. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962, с. 25.

⁵ ПСЗ, т. 18, № 16810.

⁶ ЦГАДА, ф. 23, д. 37, л. 3—4; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 350, л. 1—2; д. 379, л. 4, 21, 29, 36; Русско-адыгейские торговые связи (1793—1860 гг.). Сб. док. Майкоп, 1957, с. 12—24.

⁷ Дебу. О Кавказской линии, с. 419—420.

ский и Лащуринский и 4 соляных магазина (Прохладенский, открытый еще в 1809 г., Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский). На их устройство предполагалось затратить 11 900 руб.¹ Уже в 1811 г. местные власти сообщали в Петербург, что торговля с горцами растет, население Кавказской губернии на хлеб меняет скот, воск, мед, арбы, лес и другие предметы. Однако горцы были стеснены в своих действиях обязательностью обмена своих товаров только на меновых дворах под непосредственным присмотром представителей царской администрации, длительным карантинным «очищением» (до 40 дней), постоянным повышением цен на соль и другие товары. Все это не могло удовлетворить ни горцев, ни русских и украинских новоселов.

Горцы, в частности кабардинцы, в связи с невыгодностью обмена на соль своих товаров, предпочитали покупать ее на деньги. Так, например, кабардинцами на Прохладенском меновом дворе с 1811 по 1822 г. было куплено за деньги 70 859 пудов (на 106 тыс. руб.), а выменено только 1 578 пудов². За 1849 г. на Бургустанском меновом дворе соли было продано на 697 руб. 97 1/2 коп., а выменено товаров — на 33 руб. 30 коп.³

Основная же масса горцев с целью покупки соли и других товаров искала непосредственные контакты (помимо меновых дворов) с русским населением. Остановить этот процесс властям было невозможно. Горцы в значительных размерах продавали лес. Чечены, например, сплавливали его в половодье по Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра, где собиралось от 500 до 800 плотов. За каждый плот в то время платили от 30 до 50 руб. серебром. В Кизляр ежегодно отправляли 5-6 тыс. арб кольев-торкал стоимостью по 3—5 руб. за арбу, за тысячу бочарных досок платили до 30 руб. серебром⁴; кизлярское виноделие и виноградарство не могло обойтись без этих материалов. Горцы, которые жили по границам с Кавказским линейным войском, закупали хлеб у казаков и ставропольских крестьян.

На левом фланге Кавказской линии «самая деятельная меновая торговля» шла в Кизляре, где привозные товары в 1846 г. оценивались в 70 тыс. руб. серебром, в Червленной —

¹ АЖАК, т. 4, с. 925—929; т. 5, с. 839.

² Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в., с. 79.

³ ГАСК, ф. 72, д. 12, л. 1—27.

⁴ Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 64.

более чем в 31 тыс., Известнобродской и Пятигорской — в 23 тыс. руб. и т. д.¹

Большую роль в развитии торговли между горцами, русскими и другими народами играли купцы из армян, греков, горских евреев и частично грузин. Они хорошо знали обстановку и нужды местных народов, их язык и являлись посредниками в торговле между русским и горским населением. Эти купцы, по словам современника, «проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, проводят торговлю с выгодами, доставляя горцам предметы: соль, табак, вино. В особенности же для употребления князей, узденей: круглые фески, цветной шелк и бумагу, одеяла, кофе, перец, пряности, душистое мыло, гребни, в большом же количестве седла, оружие всякого рода, свинец, сталь, ножи, подковы, косы»².

Армянские, а затем и русские купцы проникали во внутренние горские районы в центре и на правом фланге Кавказской линии. Так, ставропольские купцы Цырульников и Бабаев оставили свой торг на Прочноокопском меновом дворе и с декабря 1845 г. развернули мену красным товаром и стали вести торговлю за Кубанью. Среди русских купцов, торговавших с горскими народами, широкой известностью пользовался купец 3-й гильдии Иван Лебедев, который за 24-летний период вошел «в совершенную доверенность» и «вел обширный круг торговли, преимущественно с горцами», имел лучшую гостиницу, первые лавки во Владикавказе, Назране и на Сунже. Кроме того торговлю вели моздокский купец Антон Никитин, балашовский купец Иван Никонов и др.³

Однако русское купечество не в состоянии было развернуть широкую торговлю с горскими народами⁴. Оно делало в этом отношении лишь первые робкие шаги.

Горское население нуждалось в хлебе и в большом количестве товаров российского происхождения. Только за 9 месяцев 1815 г. в горские районы было «вывезено более 18 тысяч пудов разного хлеба»⁵. Нередко горцы закупали хлеб непосредственно у жителей, минуя меновые дворы. Стиснутые по-

¹ Газ. «Кавказ», 1847, № 11.

² Зубов П. Картина Кавказского края, ч. 2. Спб., 1834, с. 79.

³ ГАСК, ф. 79, д. 3777, л. 1; ф. 101, оп. 1, д. 353, л. 1—8; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 988, л. 1; ЦГА КБ АССР, ф. 48, оп. 1, д. 7, л. 1—7; ГАСК, ф. 20, д. 8, л. 2.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 300; ГАРК, ф. 249, оп. 1, св. 113, д. 749, л. 160.

⁵ Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, с. 47.

ясом меновых дворов с их жестокой регламентацией, горцы все решительнее выступали за отмену ограничений торговли, часто отказывались менять свои товары и даже покупать соль за деньги. Поэтому меновая торговля стала сокращаться. Кавказский комитет в июне 1845 г. вынужден был признать, что «торговля с горцами в настоящее время находится в совершенном упадке»¹. Несмотря на строгие запреты, горцы скрыто входили в непосредственные контакты с русским населением. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле»².

Складывавшаяся политическая обстановка на Кавказе, все более усиливавшийся кризис меновых отношений требовали серьезного пересмотра статуса торговли с горцами в здешнем крае. 9 февраля 1846 г. было принято новое положение о меновой торговле, значительно расширявшее круг горских товаров, которые допускали к беспощадной и свободной продаже. Меновые дворы были открыты в 11 пунктах.

Русские купцы, промышленники, «мещане-одиночки», пожелавшие участвовать в меновой торговле с горцами, пользовались определенными льготами и преимуществами. Однако и новое положение не дало заметного улучшения в меновых отношениях. Скоро меновые дворы стали передаваться отдельным дельцам-откупщикам. Например, в Ставропольской губернии откупы на торговлю солью, добычу каменного угля и ряд других товаров в течение 1853—1859 гг. находились в руках пятигорского купца 1-й гильдии Крутицкого³. Это была попытка найти выход из трудностей, связанных с меновой торговлей.

Введение системы откупов отражало колониальный характер политики царизма на Кавказе, являлось порождением феодально-крепостнических отношений и серьезно тормозило развитие экономики края.

Горское население принимало участие в ярмарочной торговле в русских городах, селениях и станицах, куда все больше поставлялось для них скота, изделий ремесла и продуктов питания. Особенно большой активности такая торговля достигает в конце 20-х годов XIX в. Так, на Моздокскую ярмарку в 1829 г. было завезено на 385 тыс. руб. товаров разного про-

¹ АКАК, т. 10, с. 572.

² ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 163, л. 23—24; оп. 2, д. 42, л. 2.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 781, л. 70—71.

⁴ ГА КЧАО, ф. 1, св. 1, д. 16, л. 6—7; оп. 4, св. 3, д. 65, л. 12—13.

исхождения. Из них более чем на 100 тыс. руб. товаров моздокских купцов, в том числе и горского происхождения. Значительное число товаров сосредоточивалось на Покровской ярмарке в Георгиевске¹. В мае 1834 г. сюда было пригнано 1 270 лошадей, 1 400 овец². Основным предметом торговли на Моздокских ярмарках в 1837 г. были лошади, пригоняемые кочевыми и горскими народами. В 1847—1848 гг. на ярмарки Ставрополя кабардинцы и кумыки пригоняли на 40 тыс. руб. лошадей и скота³.

При этом следует отметить, что товары российского происхождения горцы предпочитали турецким, персидским и другим. Хозяйственное тяготение горцев к России было, по общему признанию, очень сильным и немало беспокоило открытых врагов сближения их с русским народом. Главный смотритель над меновыми дворами Швецов писал, что свободная торговля горцев с русскими характеризовалась «обоюдною пользою продавца и покупателя», она сближала их между собою «тесною дружбою и хлебосольством»⁴.

Большим спросом у населения Кавказской губернии пользовались такие товары горцев, как бурки, черкески, украшения, пояса с серебряными и другими наборами и пр.

Развитие товарно-денежных отношений все больше втягивало горцев в общероссийскую экономику. И хотя шла нескончаемая Кавказская война и было невероятно много препятствий к экономическому общению горцев с русским населением, в их жизни происходили огромные перемены. Стремление приобрести российскую монету стало весьма заметным явлением в жизни большинства горских племен. В 1839 г. генерал Пулло сообщил из Чечни, что ежегодно до 40 тыс. горцев приходило на Сунженскую линию для сбыта своих продуктов и «звонкая монета усиливалась в обращении». Другой русский администратор в то же время сообщал, что горцы Западного Кавказа «узнали теперь цену деньгам и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров»⁵.

К середине XIX в. ногайцы продавали скота на сумму от 100 тыс. до 175 тыс. руб., от продажи шерсти получали до 30

¹ Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, с. 48—49.

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1596, л. 43.

³ ГАСК, ф. 444, д. 54, л. 18—19.

⁴ ЦГИА.Т, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 5.

⁵ Фадеев А. В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период. — «История СССР», 1957, № 1, с. 153.

тыс. руб. Туркмены продавали верблюжьей шерсти примерно на 50 тыс. руб. серебром¹.

Старые патриархальные и натуральные отношения во многих горских племенах ломались, хотя и шел этот процесс сравнительно медленно. Торговля с русскими, несомненно, способствовала прогрессу в экономике горцев. Среди горцев появляются свои купцы, которые активно участвуют в торговых операциях с русскими, заготавливают и скупают необходимые предметы у своих соплеменников, проявляя при этом немалые способности и в значительной степени содействуя приспособлению их хозяйства к возрастающим потребностям рынка. Горцы тянулись к развитию торговли с Россией несмотря на непрекращающиеся военные действия, сложность политической обстановки и злобную антирусскую пропаганду.

В первой половине XIX в., с началом широкого освоения края, было положено и начало производству продукции для поставки на внешние рынки. Главное место среди этих товаров принадлежало пшенице. Несмотря на существующие крепостнические отношения, отсутствие дорог, дорогостоящие перевозки хлеба и других видов продукции сельскохозяйственного производства, их поставка за границу через морские порты на Черном и Азовском морях увеличивается, особенно со времени основания Ейска и ряда других портов и пристаней. Развитие внешней торговли являлось свидетельством роста товарности хозяйства осваиваемых районов Предкавказья. Вместе с тем все это свидетельствовало о включении их в орбиту внешнеторговых связей России, росте и укреплении общегосударственной экономики.

§ 4. Торговля в Черномории

По мере заселения и экономического освоения Черномория, как и другие районы Предкавказья, постепенно втягивалась в систему всероссийского рынка. Главной фигурой в торговле был купец. В середине XIX в. в «Черноморском торговом обществе», учрежденном для 200 лиц, насчитывалось 114 купцов-капиталистов, Иногородних купцов, производивших торг на кубанской земле, было не менее 3 000 чел. Приезжали они из разных городов Европейской России, закупаая скот, шерсть, кожу и другие товары.

¹ Забудский В. Обзорение Кавказского края по северную сторону Главного хребта, т. 3, 1851. Рукопись. Ставропольская краевая библиотека.

Основной формой торговли в Черномории была ярмарочная. Трижды в году проводились ярмарки в Екатеринодаре: Благовещенская, Троицкая, Покровская¹. Из-за слабости экономических связей степных окраин с промышленным центром, дальности расстояния и плохих путей сообщения ярмарки Черномории организовывались кроме Екатеринодара в различных станицах в определенные сроки, по очереди, одна за другой, создавая, таким образом, непрерывный торг. Движение торговли на станичных ярмарках, как отмечено в отчете за 1859 год, не прекращалось фактически круглый год². В Старощербиновской, Куцевской, Уманской, Староминской и Калниболотской станицах Екатеринодарского округа торг проводился в феврале, марте, апреле, мае, июле, августе, октябре, ноябре с таким расчетом, чтобы купец, поторговав на одной, мог побывать со своими товарами и на другой ярмарке, деятельность последних свидетельствовала о развитии товарно-денежных отношений, проникновении рыночных связей в глубь кубанских степей, в слабозаселенные места, отдаленные от центров постоянной торговли. В сложившихся условиях ярмарки, во-первых, приближали рынок к потребителю, а во-вторых, создавали условия для реализации товаров мелкого производителя.

Реализация поступивших и проданных товаров на станичных ярмарках Екатеринодарского округа характеризуется следующими данными: в 1858 г. было привезено товаров на 390 тыс. руб., а продано — на 95 тыс., в 1859 г. эти цифры возросли соответственно до 416 тыс. руб. и 117 тыс. руб.³

С 1843 г. по 1858 г. на всех черноморских ярмарках стоимость проданных товаров возросла с 394 тыс. до 984 тыс. руб., или более чем в 2 раза⁴. На ярмарках было много крупного рогатого скота, овец, лошадей. Его закупали торговцы из России и отправляли в центральные районы страны. Чистая выручка от проданного скота ежегодно составляла более 223 тыс. руб. Стоимость скота на месте сильно колебалась: лошадь стоила от 10 до 50 руб., пара волов — от 30 до 60, корова — от 6 до 12, овца — от полутора до 2 руб.⁵ Вывозилось также много сырья: ежегодно до 10 410 кож на сумму до 21 тыс. руб. Овечьей шерсти в 1838 г. было продано 29 488 пудов на сум-

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 130—131.

² Там же, л. 94.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 94.

⁴ Фадеев А. В. Очерки экономического развития Черномории, с. 208; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 222.

⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1599, л. 29; ф. 574, оп. 1, д. 257, тетр. 1, л. 42 об.

му 179 тыс. руб. серебром. Простая шерсть продавалась от 1,5 до 5 руб., «шпанская» — до 8 руб. за пуд¹.

По ассортименту товаров на ярмарках Черномории можно судить, что в орбиту купеческой эксплуатации попадали казаки, крестьяне, скотоводы, рыболовы, ремесленники и горцы закубанских аулов.

Помимо ярмарок в ряде станиц Черномории, например Кущевской, Уманской, Бриньковской, Коневской, Староцербиновской и других, один—два раза в неделю действовали базары для местных жителей².

На ярмарках и базарах всегда было много местных казаков, крестьян, торговцев из внутренних губерний России и закубанских горцев с их товарами. Один из путешественников, М. Вагнер, побывавший на Кубани в 1843 г., писал, что на пятничном базаре в Екатеринодаре было необычайно много черкесов³.

В первые годы заселения Черномории казаками русско-адыгейские торговые связи осуществлялись с помощью меновых дворов⁴. Екатеринодарский меновой двор возник вместе с постройкой войскового града, т. е. в 1794 г. Впоследствии образовалось еще одиннадцать меновых дворов: Подмогильный, Константиновский, Малолагерный, Алексеевский, Великолагерный, Екатерининский, а на Старой и Новой линиях — Усть-Лабинский, Прочноокопский, Баталпашинский, Темиргоевский и Махошевский. С открытием двух последних меновых дворов торговля пошла в глубь гор. Помимо меновых дворов, располагавшихся по кордонной линии, торговля с горцами шла при помощи частных лиц и особых уполномоченных, вступающих в неэквивалентный обмен с черкесами в их аулах. Несмотря на серьезные препятствия (почти непрерывные военные действия, набеги горцев и ответные действия казаков и царских войск, турецкую контрабанду, негарантированность безопасности личности и сохранности товаров купцов), торговля не прерывалась. Она выходила за узкие рамки меновых дворов. Взаимная заинтересованность в товарообмене заставляла казаков и адыгов обходить меновые дворы и встречаться на русских ярмарках и базарах.

Крупным центром товарного обмена был Екатеринодар. В мае 1830 г. сюда на Троицкую ярмарку горцы привезли для продажи орехи, мед, воск, кожи, бурки, арбы, седла, пояса,

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1599, л. 22, 23; д. 2294, л. 221 об.

² Там же, д. 2285, л. 166, 206, 215, 217, 254.

³ Русско-адыгейские торговые связи. 1793—1760. Сб. док. Майкоп, 1957, с. 5.

⁴ Подробнее см.: Русско-адыгейские торговые связи, с. 6.

плети и др. На всю вырученную сумму (3 887 руб.) они закупили тут же соль, саржу черную, ситец, платки, замки, иголки, наперстки, зеркала, медные тазы, котелки, тарелки, чайные чашки, кружки, деревянную и глиняную посуду¹. С 1845 по 1849 г. горцы закупили и вывезли с ярмарок Екатеринодара проса на 70 тыс. руб. серебром. Из-за Кубани шло много леса: дубовые столбики, латы дубовые и берестовые, обручи разноразные для бочек, дубовые дрова².

Царские власти нередко использовали торговлю с горцами как средство политического давления на них. В 1831 г. были закрыты ближайшие к земле шапсугов три меновых двора, а два года спустя власти совсем уничтожили Бугазский меновой двор. Эти меры являлись экономическими «санкциями», направленными против «непокорных» горских народов.

Но казаки Черномории не меньше нуждались в меновой торговле, чем черкесы. В рапорте надворного советника Кодица войсковому правлению говорилось об этом: «Наблюдения мои открыли... что жители Черномории испытывают от этого гораздо большие невыгоды: шапсуги, как известно, могут, хотя с трудом, получать от турков через Суджук-Кале и другие места почти все то, в чем они имеют нужду, но живущие в Черномории, как в стране совершенно безлесной, лишаются с закрытием меновых дворов всякой возможности доставлять лес для самых необходимых, домашних потребностей; неудобство сие становится с каждым днем ощутительнее». Кодица просил начальство дать хотя бы временное «разрешение открыть мену с горцами в Великолагерном и Славянском меновых дворах»³.

В свою очередь уполномоченный «от общества шапсугского племени, расположенного жительством за Кубанью на речке Камлук, дворов до 150, Ногой Шеретль» явился в Екатеринодар «просить дозволить ему и черкесам того общества доставлять в город Екатеринодар для продажи через Алексеевское укрепление лес, а также кожи, сало, мед, воск, орехи, чеканки, бурки, черкесскую одежду и т. п. закубанские произведения». Была достигнута договоренность, что «транспорты будут проходить арб в 50 и лучше, когда они будут приезжать такими, либо еще с большими, а не меньшими, но не задерживать и меньшего количества арб»⁴.

¹ Шербина Ф. А. История, т. 2, с. 590; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1416, л. 57—58.

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1864, л. 38—39; д. 1416, л. 56 об.

³ Там же, д. 1255, л. 1—7.

⁴ Там же, д. 1864, л. 3, 10.

Трудовая масса закубанских горцев охотнее шла на торговлю с Россией, чем с Турцией. Об этом свидетельствуют источники Госархива Краснодарского края. В сентябре 1827 г. на Новоекатерининский меновой двор явилась группа шапсугов, живших на реках Иль, Хабль, Вогундыр, Антхыр и Абин. Шапсуги просили разрешить им свободную торговлю на русских меновых дворах, находившихся против территории шапсугов. Они считали более выгодным вести торговлю с Россией, нежели с Турецкой державой, по той причине, что «одни только достаточные (зажиточные. — Авт.) у них жители могут пользоваться меною от Анапы, доставляя им одно коровье масло, мед, воск; бедные же, не имея у себя таковых довольствий, должны для необходимых своих нужд в вымене от Анапы лишаться последнего своего имущества».

В прошении шапсугов раскрыты трагические стороны их торговли с Турцией, что, например, они, шапсуги, «при самых необходимых случаях принуждены будут пустить в продажу детей»¹.

Такие формы торговли не могли соединять народы и страны. Естественно поэтому, что закубанские горцы желали «пользоваться от России производством мены разному товару невозбранно без всякой обиды». Депутация шапсугских стариков, явившись вторично 24 октября 1827 г. на Новоекатерининский пост, заявила, что шапсуги отказываются от турецкого подданства и присяги, принесенной ранее турецкому паше в Анапе, желают к России быть приверженными»².

Закубанские горцы, не идеализируя «благодетельный» царских властей, тем не менее охотнее шли, как отмечено выше, на взаимовыгодную торговлю. За соль и товары мануфактурной промышленности они предлагали черноморцам лес, хлеб, произведения своего ремесла. За первые шесть месяцев 1841 г. только на Екатеринодарский меновой двор из-за Кубани поступило почти на 71 тыс. руб. товаров. С 1845 г. горцам был открыт доступ на русские ярмарки Черноморья. В мае на Троицкую ярмарку в войсковый центр из-за Кубани прибыло свыше 4 000 арб, 250 вьючных лошадей с разными товарами. «Мирных» и «немирных» черкесов в Екатеринодар съехалось значительно больше, чем коренных жителей города.

В отдельные годы (1802, 1811 1849) меновые дворы отдавались на откуп частным лицам. В 1849 г. откуп получил Александр Посполитаки. Он был одновременно откупщиком

¹ ГАКК, ф. 249, д. 1003, л. 77—77 об.

² Там же, л. 94—95.

винной монополии, рыболовных промыслов, соляной промышленности и мануфактурной торговли. Ростовщик получил этот откуп несмотря на возражение войскового правления, используя свои связи в торговой и административной сферах императорской России.

В Госархиве Краснодарского края хранится докладная записка Посполитаки главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом графу Воронцову от 24 февраля 1848 г. «О меновой торговле с горцами на кордонной линии»¹. Посполитаки убеждал Воронцова, что на 300-верстном протяжении кордонной линии по берегу р. Кубань производство торгова ведется плохо. Ежегодно сменяющиеся смотрели, как лица военные, не знакомые с коммерцией и условиями ее, не могли, как бы следовало, сблизиться с горцами, развить торговлю, не имея в руках достаточных капиталов. Критикуя меновые дворы, как казенные заведения, Посполитаки использовал статистические данные трехлетней торговли солью и другими товарами с закубанскими горцами. Допуская неточные и натянутые выкладки, он доказывал ничтожность для Черноморского войска от них «чистой пользы»: «...в год 369 руб. 85 коп. серебром»².

«Дабы оживить меновую торговлю, — продолжал Посполитаки, — дать ей настоящий ход, развить ее и подвергнуть тому благодетельному направлению, к которому она предназначена, значительно умножить выгоды войска, сблизить закубанских жителей с русскими и знакомить их с коммерческими предприятиями, полезно было бы предоставить торговлю эту откупному содержанию, потому что откупщик, как коммерческое лицо, легко и без затруднения найдет возможность распространить торговлю не только в меновых дворах, но даже за Кубанью и в недрах гор, в кругу тамошних обывателей, ... ознакомит их с приятностью роскошной жизни и вовлечет их в торговый круг промышленности»³.

Большие надежды Посполитаки возлагал на кредит, как «главный и сильный двигатель торговли». Он считал, что посредством агентов своих из армян и самих горцев постепенно приучит их к мирным занятиям и оседлой жизни, приобретет их доверие, научит их промышленности и торговле, наконец, в политическом отношении доставит правительству пользу, так как «будет возможность знать все их намерения и предприятия, в случае, ежели бы они были для нас враждебны...

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1893, л. 1—15.

² Там же, л. 4—4 об.

³ Там же, л. 5.

тогда легче и в пору могут быть приняты меры для отвращения и предупреждения оных»¹.

К докладной записке приложен «Проект кондиций»: Посполитаки готов был за 7 тыс. руб. в год взять на откуп меновые дворы Черномории сроком на 10 лет². Вопреки возражениям генерала Рашпиля и войскового прокурора³, Посполитаки получил в откуп меновую торговлю с горцами, правда, сроком на 8 лет вместо 10 и за 10 тыс. руб. арендной платы вместо 7 тыс. руб. Вскоре, однако, граф Воронцов получил от горцев ряд жалоб на Посполитаки, обиравшего и стеснявшего черкесов и казаков при меновой торговле. В январе 1852 г. торговля с горцами на Кавказе царским повелением была признана свободной и откуп войскового пайка пал сам собою⁴.

Исторически сложившиеся формы торговой деятельности черноморцев с горскими народами продолжали расширяться и крепнуть. Обменные операции черкесов с русскими развивались вопреки жестокой колониальной политике царизма, произвола военных властей, пропаганды наибов Шамиля и турецких эмиссаров. Меновая торговля не прекращалась до конца Кавказской войны, соединяя закубанских горцев, в том числе шапсугов, с русским народом⁵.

§ 5. Участие портов Азовского моря во внешней торговле России первой половины XIX века

Уже во второй половине XVIII в. происходит значительное расширение внешней торговли России. Внешнеторговые обороты страны увеличиваются с 60-х по 90-е годы в пять раз (с 21,3 млн. руб. до 109,6 млн. руб. в год). Это обуславливается развитием капиталистических отношений в экономике России, проникновением товарного производства в сельское хозяйство, усилением спроса на русское сельскохозяйственное сырье на внешнем рынке в связи с промышленной революцией в Англии. В конце XVIII в. значительно возрос и экспорт русского хлеба в результате увеличения городского населения в западноевропейских странах и повышения его потребностей в продовольствии, и в частности в хлебе.

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1893, л. 5—5 об.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 33.

⁴ Щербина Ф. А. История, т. 2, с. 604; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1893, л. 33 об.

⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1003, л. 77—96 об.

Утверждение России в XVIII в. на Черном и Азовском морях создавало широкие возможности для сбыта на внешнем рынке сельскохозяйственной продукции Украины, Дона и степного Предкавказья. Уже в 80-х годах XVIII в. в черноморские и азовские порты регулярно заходили турецкие, греческие, французские суда, грузившие здесь пшеницу.

Южные и юго-восточные губернии России, расположенные поблизости от Азовского и Черного морей, располагавшие крупными речными магистралями, плодороднейшими землями и благоприятными климатическими условиями для выращивания больших урожаев главной зерновой культуры — пшеницы, имели большие преимущества по сравнению с центральными губерниями страны в отношении производства и сбыта хлеба. Южные и юго-восточные губернии превращаются в основных поставщиков хлеба за границу.

Еще в 1826 г. автор статьи «Взгляд на хозяйственное и коммерческое состояние и на географическое положение Юго-Западного края России, принадлежащего к системе вод Черноморских» писал: «Знающему географию и статистику Российской довольно взглянуть на реки: Дунай, Прут, Днестр, Буг, Днепр, Дон, Кубань и на их системы, чтобы вообразить излишество продуктов, коими сие пространство лучшей и новой хлебородной земли в Европе станет снабжать запад ее посредством Черного моря и Средиземного»¹.

Уже в самом начале XIX в. черноморские и азовские порты начинают играть ведущую роль в экспорте пшеницы из России. В 1804 г. из 1690 тыс. четвертей пшеницы, вывезенной из России, на долю южнорусских портов приходилось 967 тыс. четвертей, т. е. около 60%². Среди этих портов на первом месте по вывозу пшеницы и других сельскохозяйственных продуктов находилась Одесса, основанная в 1796 г.

Второе место по удельному весу в оборотах южнорусской внешней торговли занимал Таганрог. Остальные порты не имели в 1-й четверти XIX в. сколько-нибудь крупного значения.

Быстрый рост внешнеторгового значения Таганрога начинается после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по условиям которого за Россией не только были закреплены Азов и Таганрог, но к ней отошли Керчь и Еникале. Россия получила выход из Азовского моря, право свободного плавания русских судов на Черном море и прохода их через Босфор и Дарданеллы. В 1776 г. в Таганрогском порту была

¹ «Вестник Европы», 1826, № 13, с. 278.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1481, л. 5.

открыта таможня. Первое время через Азовское море русоких товаров вывозилось мало, импорт преобладал над экспортом. Но с развитием товарно-денежных отношений в стране, с стремлением помещиков повысить доходность своих имений положение изменяется. Помещики поставляли на внутренний и внешний рынки всевозрастающее количество сельскохозяйственной продукции. Широкие возможности сбыта за границу хлеба и другой продукции через Азовское море привели к возрастанию торговой роли Таганрога.

В связи с возникшим предположением переноса таможни и карантин из Таганрога в Керчь противник этой идеи И. Флуки в специальной записке, посланной правительству в марте 1802 г. писал, что «...при существовании там (в Таганроге. — Авт.) карантин и таможни, сей порт со временем может поравняться со своими соперниками — Астраханью, городом Архангельском, Ригою и прочими богатейшими и великолепнейшими городами»¹.

В 1805 г. был образован Таганрогский таможенный округ, в состав которого вошли Керченская и Бердянская таможни с непосредственным подчинением Таганрогскому градоначальнику, а также Ростовская и Мариупольская таможенные заставы. Указом Александра I от 30 марта 1806 г. Таганрогу, как и Одессе, было предоставлено право складирования товаров — предметов внешней торговли². Уже в 1804 г. в Таганрогский порт прибыли 280 иностранных торговых судов.

Через Таганрог за границу хлеб отправляли из обширнейших и плодородных районов Приазовья, Дона и Волги. Большое количество хлеба доставлялось из волжских губерний. Суда с хлебом шли по Волге до Дубовки, затем хлеб по суше отправляли до ст-цы Качалинской и отсюда по Дону на судах в Ростов с его многочисленными хлебными складами. Из Ростова мелкие каботажные суда доставляли зерно в Таганрог.

В 1803 г. в специальной инструкции новому градоначальнику в Таганроге Дашкову министр коммерции Н. П. Румянцев писал: «Сообщение вод и многочисленность знаменитых ярманок, близ Таганрога существующих, удобствуют к доставлению сих товаров к порту; легкая же доставка продуктов иностранных в Москву, Воронеж, Орел, Тулу и на Макарьевскую ярмонку удобствует к обмену сих товаров на наши, а шоелику расход на отпускные товары более, нежели на привозные, и, следовательно, при сем порте более продажи неже-

¹ ЦГИА, ф. 1302, оп. 1, д. 30, л. 5.

² Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898, с. 219.

ли покупки, то при сей неминущей пользе Государству, открывается еще и та, что торг в Таганроге есть торг естественный, а не усилиями привлеченный, и распространения оного тем более требует возможнейшего попечения со стороны Правительства»¹.

Значительная часть хлебных грузов привозилась сюда на подводах из районов Юго-Восточной Украины, а также из Воронежской и Курской губерний. Н. Трегубов, около десяти лет прослуживший главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю, писал в 1806 г.: «Многие произведения сюда доставляются сухопутно летом из внутренней России, и доставка сия стоит гораздо дешевле, нежели в другие порты черноморские, потому что Таганрог не столь отдален от внутренних губерний»².

Правительство рассчитывало превратить Таганрог в крупный центр транзитной торговли. В инструкции Дашкову Румянцев писал: «Сверх сего какой бы новый источник сокровища открылся посредством транзитного торга товарами от Китая, Оренбурга и Каспийского моря, естьлиб через Таганрог могли разсылаться азиатские товары в полуденную Европу. Были примеры, что Китайка пока не вздорозжала на Кяхте, отпускалаь из Таганрога за море»³.

Через Таганрог проходили грузы из Турции в Персию и обратно. Эти грузы, состоявшие главным образом из шелковых и бумажных тканей, парчи, виноградных вин, риса и т. д., отправляли по Дону до ст-цы Качалинской, затем сушей в Царицын и оттуда по Волге в Астрахань⁴. Существовала и степная караванная дорога, связывавшая Таганрог и Астрахань (через ст-цу Пятиизбянскую). Однако транзитная торговля в Таганроге не получила значительного развития, так как основная масса товаров турецко-персидского обмена шла другими, более удобными, а главное не столь растянутыми караванными дорогами.

По сравнению с Одессой Таганрогский порт имел ряд неудобств. Он был значительно дальше от главных рынков сбыта. Таганрогская гавань не была приспособлена к приему крупных судов. Вследствие мелководья морские корабли не подходили вплотную к порту и зерно на них грузили в море с мелких, низкосидящих судов, что значительно удорожало по-

¹ ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 712, л. 2.

² Трегубов Л. Н. Замечания о Таганрогском порте. — «Вестник Европы», 1806, № 11, с. 215.

³ ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 712, л. 18.

⁴ Там же, д. 1086, л. 1—3.

грузочные работы. Наконец, на Азовском море навигация прекращалась раньше, чем в юго-западной части Черного моря. Все это, конечно, не могло не сказываться на оборотах таганрогской торговли.

В первой четверти XIX в. хлебный экспорт страны через южные порты почти целиком состоял из пшеницы. В вывозе ее эти порты играли главную роль в стране. Другие виды хлеба (рожь, ячмень) имели ничтожный удельный вес. Их вывозили в основном через балтийские порты. За пятилетие (1815—1819 гг.) из 7 902 тыс. четвертей пшеницы, вывезенной из России, на долю портов Черного и Азовского морей приходилось 6 284 тыс., в том числе на Таганрог — 1 143 тыс. четвертей. В следующем пятилетии (1820—1824 гг.) при общем вывозе из России 4 599 тыс. четвертей пшеницы из южных портов было отправлено 4 216 тыс., в том числе из Таганрога — 821 тыс. четвертей¹.

Развитие внешней торговли на юге России было задержано русско-турецкой войной 1806—1812 гг. и войнами с наполеоновской Францией. Турки во время войны либо не пропускали суда через проливы, либо взымали с них огромную плату, доходившую до 30 тыс. пиастров с каждого корабля, направлявшегося в русские порты². В это время экспорт пшеницы из портов Черного и Азовского морей резко сокращается: с 967 тыс. четвертей в 1805 г. он снижается до 225 тыс. в 1806 г. и 20 тыс. четвертей в 1807 г.³ После окончания этих войн экспорт страны через южные порты быстро растет и в 1815 г. достигает 563 тыс. четвертей пшеницы.

В 1816 г. многие страны Западной Европы поразил сильнейший неурожай. Огромный спрос на русский хлеб на внешнем рынке и повышение цен на него, временное снятие существовавших таможенных ограничений в Англии и Франции дали мощный толчок росту южнорусского хлебного экспорта. В Таганрог и другие южные порты хлеб доставляли из районов, удаленных от них на многие сотни верст. Все это приносило крупные доходы южнорусским помещикам и способствовало интенсивному развитию земледелия в степных просторах юга России.

В обстановке «хлебной лихорадки» происходила острая конкуренция между Одессой и Таганрогом. Одесские купцы стремились монополизировать внешнюю торговлю хлебом. По

¹ Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1815—1824 гг. Сиб., 1816—1825 гг.

² «Дух журналов», ч. 30, 1818, с. 222.

³ ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1481, л. 5.

их инициативе в 1817 г. начальник Новороссийского края Ланжерон собирался закрыть Азовское море якобы для развития там каботажного судоходства и внутренней торговли, и только вмешательство правительства помешало осуществлению этого проекта. Специальный царский рескрипт от 31 мая 1818 г. положил конец проектам Ланжерона¹. Разумеется, в данном случае правительство руководствовалось интересами не столько таганрогского купечества, сколько помещиков, владельцев хлеба, который вывозился через порты Азовского моря, и прежде всего Таганрог. Закрытие Азовского моря для внешней торговли при слабости русского каботажного судоходства привело бы к значительному падению хлебных цен в этом районе и доходов помещиков.

В 1818—1819 гг. экспорт хлеба из южных портов резко сократился, а в 20-х годах XIX в. наступил длительный застой в хлебной торговле, вызванный «восточным кризисом». Кризис ударил по материальным интересам помещиков южных районов страны, что явилось одной из главных причин активизации внешней политики царизма в это время. Нельзя, однако, согласиться с утверждениями некоторых историков о полном застое и упадке внешней торговли России через порты Черного и Азовского морей в 20-х годах XIX в. В 1820—1824 гг. из южных портов было вывезено 4 216 тыс. четвертей пшеницы (в том числе из Таганрога — 821 тыс. четвертей). Это было, правда, несколько меньше, чем в предшествующем пятилетии, когда было вывезено 6 284 тыс. четвертей (в том числе из Таганрога — 1 143 тыс. четвертей), но не дает основания говорить о полном упадке хлебного экспорта.

В первой половине XIX в. южнорусский хлебный экспорт почти целиком состоял из пшеницы. В первой четверти XIX в. удельный вес ее в хлебном экспорте достигал в различные пятилетия 39—99%. Рожь и ячмень составляли мизерную долю.

Из других сельскохозяйственных продуктов, которые экспортировались через порты Азовского моря в первой четверти XIX в., необходимо назвать сало, кожи, шерсть. Почти целиком они вывозились из Таганрога. В отличие от пшеницы все остальные статьи сельскохозяйственного экспорта не играли значительной роли.

Особое место в экспорте через азовские порты играло железо. Его доставляли к этим портам с Урала. Прежде чем железо попадало на морские корабли, оно проходило большой путь по рекам Чусовой, Каме, Волге до Дубовки. Отсюда уже

¹ Кузнецов И. А. Прошлое Ростова. Ростов н/Д, 1897, с. 46.

его отправляли в Ростов и Таганрог. Главными покупателями железа, вывозившегося из южных портов, были страны Ближнего Востока и Балканского полуострова.

В 1812—1814 гг. количество железа, вывезенного через азовские порты, составило 2 027 тыс. пудов, в 1815—1819 гг. — 2 016 тыс. пудов, в 1820—1824 гг. — 1 310 тыс. пудов¹.

Вывоз железа из Таганрога играл видную роль в общерусском экспорте его, составляя в отдельные периоды почти половину вывозившихся из страны черных металлов.

Привозная торговля имела сравнительно небольшой удельный вес во внешнеторговых оборотах азовских портов. На протяжении первой четверти XIX в. наблюдалось значительное превышение вывоза над ввозом в азовские порты.

Привоз в порты Азовского моря состоял из предметов потребления и роскоши — фруктов, вин, пряностей, оливкового масла, сахара, шерстяных, бумажных и шелковых тканей. Значительная часть этих товаров поступала на ярмарки не только Южной, но и Центральной России. Сырье в южные порты почти не ввозилось. Привоз готовых промышленных изделий: бумажных, шерстяных и шелковых тканей, красок, москательных и других товаров был невелик. Центром привозной торговли был таганрогский порт. Роль в ней других азовских портов была еще меньшей, чем в экспортной торговле.

Таким образом, внешняя торговля России через порты Азовского моря была в 1-й четверти XIX в. по преимуществу экспортной. Главную роль во внешнем товарообороте этих портов играл вывоз сельскохозяйственной продукции, и прежде всего хлеба. С ростом хлебного экспорта увеличивался удельный вес азовской торговли во внешнеторговых оборотах России. Если в 1802—1807 гг. вывоз из черноморских и азовских портов России составлял всего 6,4 % общерусского экспорта, то в пятилетие 1815—1819 гг. он достигает 16,6 % всего экспорта страны.

Вторая четверть XIX в. была временем быстрого роста хлебного экспорта из азовских портов. Это было обусловлено дальнейшим развитием сельскохозяйственного производства в южных районах страны и усилением спроса на русский хлеб на европейском рынке в связи с развитием промышленного капитализма в странах Западной Европы и ростом городского населения.

¹ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1812—1824 гг. Спб., 1813—1825.

Важное значение для роста южнорусской внешней торговли имело укрепление позиций России на Ближнем Востоке, Аккерманская конвенция 1826 г., Адрианопольский мирный договор и Ункяр-Искелесийский русско-турецкий договор 1833 г. явились крупными вехами усиления влияния России на Ближнем Востоке. Все эти договоры включали пункты об обеспечении русских внешнеторговых интересов в бассейнах Черного и Средиземного морей.

По-прежнему первое место по вывозу пшеницы из Южных портов страны сохраняла Одесса (две трети ее экспорта). Четверть экспорта южнорусского хлеба приходилось на Таганрог. Участие в экспорте остальных черноморских и азовских портов до начала 40-х годов оставалось незначительным.

Начавшаяся еще в первой четверти XIX в. острая конкурентная борьба между Одессой и Таганрогом, не прекращалась и в 30-х—50-х годах XIX в. Помещики Украины, одесское купечество настойчиво домогались закрытия Азовского моря и переноса торговли в Керчь, что неизбежно должно было подорвать хлебный экспорт через азовские порты, и прежде всего Таганрог. 10 октября 1821 г. в Керчи были открыты таможня и карантин, а с 1833 г. Азовское море было объявлено «практическим», т. е. закрытым для всех судов, не выдержавших карантин в Керчи. Однако попытки закрытия Азовского моря и переноса торговли из Таганрога в Керчь неизменно встречали серьезное противодействие со стороны таганрогского купечества. Один из современников, говоря о причинах краха этих попыток, писал, что «...безкапитальность и малочисленность керченских купцов, укоренившаяся с давних пор торговля в Таганроге, имеющем величайшее преимущество в огромных капиталах, в обширных и многочисленных магазинах, в возможности скорого сбыта привозных товаров и в плодородии окрестностей...» не позволяли Керчи занять ведущую роль в азовской морской торговле¹.

Но вскоре у Таганрога появился соперник, гораздо более серьезный. Этим соперником был Ростов-на-Дону. Еще в начале XIX в. к Ростовской пристани доставляли сельскохозяйственную продукцию из самых различных районов. «К Ростовской пристани, — говорится в одном из документов того времени, — ежегодно привозятся сухим путем произведения смежных Ростовскому уездов Екатеринославской губернии, Земли войска Донского и Кавказской области, а Доном при-

¹ Новороссийский календарь на 1841 г. Одесса, 1840, с. 294.

возьятся туда на барках произведения юго-восточных губерний и Сибири»¹.

Однако до 1836 г. Ростовский порт имел значение перевалочного пункта, откуда все грузы направлялись на каботажных судах в Таганрог. С учреждением в 1836 г. самостоятельной Ростовской таможни положение меняется. Экспорт из Ростова быстро растет. Вывоз хлеба из Ростова составил²: в 1836 г. — 6 300 четвертей; 1837 г. — 26 500; 1838 г. — 33 786; 1839 г. — 154 940 четвертей. С открытием таможни в Ростове с каждым годом росло число судов, доставлявших по Дону к ростовской пристани товары, которые затем отправляли за границу. Если в 1836 г. в Ростов прибыло всего 240 судов, то в 1845 г. это число достигло 2 046. В 1843 г. из Ростова было отправлено за границу 61,3 тыс. четвертей пшеницы, 101 тыс. четвертей льняного семени и 107 тыс. пудов шерсти³. В 1845 г. из Ростова было вывезено различных товаров на сумму 3 289 тыс. руб. серебром, а из Таганрога — на 2 272 тыс. руб. серебром⁴.

Таким образом, Ростов по экспорту значительно превзошел Таганрог. В 1845 г. в экспорте из Ростова наибольший удельный вес имели льняное семя (1 306 тыс. руб. серебром) и шерсть (828 тыс. руб. серебром). Неуклонно росла и доля хлеба, достигшая в 1846 г. 172 614 четвертей⁵. В 1846 г. в докладной записке кн. Воронцову «О торговле и торговцах г. Ростова-на-Дону», подготовленной Главным статистическим комитетом Новороссийского края, говорилось: «Город Ростов-на-Дону есть один из замечательнейших рынков для отпускной торговли нашего края и в этом отношении заслуживает особое внимание не только местных властей, но даже верховного правительства. Он не только важен для Новороссийских губерний, но служит драгоценным рынком для сбыта произведений Донской земли, Кавказской области, Черномории и, наконец, по Дону спускаемых из внутри Империи товаров»⁶.

Хотя по экспорту хлеба Ростов еще довольно значительно отставал от Таганрога, но перед ним открывались широкие перспективы, сулившие ему в будущем первенствующую роль среди портов Азовского моря в вывозе хлеба. В то время один из русских экономистов писал: «...Ростовский порт менее про-

¹ ГАРО, ф. 579, оп. 1, л. 303, л. 1.

² Кузнецов И. А. Указ. соч., с. 75.

³ ГАОО, ф. 3, оп. II, д. 20, л. 27; д. 78, л. 117.

⁴ Скальковский А. А. Ростов-на-Дону, ч. 1. — ЖМВД, 1847, кн. 7, с. 56.

⁵ Там же, с. 57.

⁶ ГАОО, ф. 3, оп. I, д. 20, л. 46.

чих Азовских портов отстоит от благословенных нив Волжского бассейна и что сии последние более прежнего будут в состоянии снабжать Европейские рынки избытком своих произведений, потому что предположенное Петром Великим соединение Каспийского моря с Черным в наше время пополняется железно-конною дорогою между Волгою и Доном и развитием пароходства по обеим рекам»¹.

В 1850 г. в Ростовский порт прибыло 2 076 и было отправлено 2 462 судна. Среди них большинство было каботажных. На долю Ростовского каботажа приходилась половина всего каботажа Азовского моря². Следовательно, значительную часть хлебных грузов в 40—50-е годы отправляли на каботажных судах из Ростова в Таганрог и другие азовские порта, а оттуда — уже за границу.

В 40-х годах повышается роль новых портов Азовского моря. Вывоз пшеницы из Мариуполя, составив в 1836 г. 106 тыс. четвертей, возрос в 1845 г. до 160 тыс. четвертей, а в 1847 г. достиг 467 тыс. четвертей. Значительное количество пшеницы вывозилось также через Бердянск. В 1845 г. отсюда было отправлено за границу 169 тыс. четвертей пшеницы³. Однако и во второй четверти XIX в. Таганрог сумел сохранить ведущее место в хлебном вывозе из азовских портов.

Важной вехой в развитии хлебного экспорта России через черноморские и азовские порты были 1846—1847 гг., когда западноевропейские страны, особенно Англию, постиг тяжелый неурожай. В 1846 г. из южных портов было вывезено 3 036 тыс. четвертей, а в 1847 г. — 5 006 тыс. четвертей пшеницы. Такого количества пшеницы до этого никогда не вывозилось через южные моря.

Большое значение для увеличения южнорусского хлебного экспорта имела отмена в Англии таможенных ограничений. Закон 1846 г., разработанный Р. Пилем, заменил систему переменных пошлин единой пошлиной на хлеб, ввозимый в Англию. К. Маркс отметил, что «ввоз из России в Англию вследствие отмены хлебных законов в огромной степени возрос»⁴. С этого времени и начинается непосредственный экспорт хлеба из южных портов в Англию.

По подсчетам Г. Неболсина, в 1845—1847 гг. было вывезе-

¹ Брун Ф. О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии в 1846 году. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 2. Одесса, 1848, с. 377.

² Кузнецов И. А. Указ. соч., с. 65.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 78, л. 23—24; д. 29, л. 39; д. 17, л. 88.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 522.

но пшеницы: из Таганрога и Ростова-на-Дону — 1 918 771 четверть, из Мариуполя — 825 833 четверти, Бердянска — 894 157 четвертей¹.

Во второй четверти XIX в. Россия столкнулась на европейских рынках с острой конкуренцией других экспортеров хлеба (США, Дунайские княжества, Левант и др.).

В 1825—1860 гг. вывоз ржи и ячменя хотя и увеличился, но по-прежнему занимал весьма скромное место в хлебном экспорте России через южные порты. Так, за все пятилетие 1845—1849 гг. из портов Черного и Азовского морей было вывезено лишь 147 тыс. четвертей ячменя и 958 тыс. четвертей ржи².

Хлеб из азовских портов вывозился главным образом в страны средиземноморского бассейна: Турцию, Францию, Италию, Грецию и др. К середине XIX в. быстро растет значение Англии как главного рынка сбыта хлеба из южных портов. Торговые договоры, заключенные после Крымской войны Францией (14 июня 1857 г.) и Англией (12 января 1859 г.) с Россией, отразили стремление буржуазии этих государств использовать победу в войне для получения новых выгод и преимуществ в торговле с нашей страной. В табл. 5 приводятся данные о том, куда и сколько (тыс. четвертей) вывозилось пшеницы в 1856—1860 гг. из азовских портов³.

В первой половине XIX в. экспорт России через порты Азовского моря почти целиком состоял из продукции сельского хозяйства. Исключением был вывоз железа. Основная масса экс-

Таблица 5

Страна, ввозившая пшеницу	Вывоз			
	Из Таганрога	Из Ростова	Из Бердянска	Из Мариуполя*
Англия	663	2738	441	295
Франция	849	33	541	517
Италия	1157	14	640	446
Триест	35	—	55	—
Турция	1321	66	112	57

* Данные о вывозе пшеницы из Мариуполя охватывают только 4 года (цифры за 1857 г. не приводятся).

¹ Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. 1, Спб., 1850, с. 54.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1845—1849 гг. Спб., 1846—1850.

³ Таблица составлена на основании годовых отчетов начальников таможенных округов: (ЦГИА, ф. 19, оп. 3, д. 1066—1070).

портируемого железа проходила через Ростовскую таможенную, куда его доставляли с горных заводов Урала.

Имея общую сельскохозяйственную структуру, экспорт из южных портов (как черноморских, так и азовских) заметно отличался от всероссийского экспорта, в частности от экспорта из балтийских портов, где ведущее место принадлежало техническим культурам, лесу, пушнине и другим товарам. В 1-й четверти XIX в. вывоз из южнорусских портов более чем на половину состоял из хлеба, в основном пшеницы. В 1823—1827 гг. на долю хлеба приходилось около 60% объема южного экспорта¹. И во второй четверти XIX в. удельный вес хлебного экспорта продолжал возрастать, достигнув в 1845—1849 гг. почти 70%².

Это было обусловлено специализацией южных районов на производстве пшеницы. С развитием капиталистических отношений она еще более усилилась. К середине XIX в. южные районы страны становятся крупнейшими производителями товарного хлеба. Наряду с ростом товарного земледелия значительного развития здесь достигает скотоводство. Продукция его, занимавшая второе место в южнорусском экспорте, также реализовалась на внутреннем и внешнем рынках. Наиболее важными продуктами животноводства в экспорте были животное сало, кожи (юфть, выделанные и невыделанные), овечья шерсть и сливочное масло.

Мыловаренная и свечная промышленность стран средиземноморского бассейна значительную часть сырья для своих предприятий получала из черноморских и азовских портов. В Англии русское сало также широко использовалось для производства всякого рода машинных смазок.

Быстро растет вывоз сала из Таганрогского порта. Если в 1835—1839 гг. из Таганрога было вывезено 39 тыс. пудов сала, то в 1840—1844 гг. — 119 тыс. пудов, а в 1845—1849 гг. — 538 тыс. пудов³.

В середине XIX в. с развитием товарного скотоводства на Дону и в Приазовье заметно увеличивается вывоз сала и из других азовских портов. Только из Ростова в 1845—1846 гг. ежегодно вывозилось его более 100 тыс. пудов⁴.

---

¹ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1823—1827 гг. Спб., 1824—1823.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1845—1849 гг.

³ Там же.

⁴ «С кальковский А. А. Ростов-на-Дону, ч. 1. — ЖМВД, 1847, кн. 7, с. 57.

Основная масса сала (от 63 до 83% всего его экспорта) направлялась в Англию. Так, в 1840—1844 гг. из Таганрога в Англию было вывезено 85 тыс. пудов сала (более 70%), а в 1845—1849 гг. — 515 тыс. пудов (т. е. 95% всего сала, вывезенного из Таганрога).

Видное место в экспорте продукции животноводства из азовских портов во второй четверти XIX в. приобретает вывоз кож (выделанных и сырых), который осуществлялся главным образом также через Таганрог.

Особенно значительным был рост экспорта кож до середины 30-х годов XIX в. В 1825—1829 гг. из Таганрога было вывезено 20 тыс. пудов, а в 1830—1835 гг. — 210 тыс. пудов кож¹.

Но после кризиса 1837 г. начинается постепенное сокращение русского экспорта кожи, которое продолжалось вплоть до Крымской войны. За 1840—1849 гг. вывоз сырых кож из Таганрога не превысил и 10 тыс. пудов². Это было обусловлено конкуренцией Америки и Австралии.

Сокращение экспорта кожи было вызвано также ростом ее потребления внутри страны в связи с развитием промышленности и расширением внутреннего рынка и все более усиливавшейся специализацией сельского хозяйства юга страны на производстве зерновых культур.

Другим продуктом животноводства, который вывозился из Южной России, главным образом из Таганрога, на международный рынок, являлось сливочное масло. Однако размеры его экспорта были незначительны: лишь в отдельные годы вывоз масла превышал 50 тыс. пудов, а обычно он не достигал 25—35 тыс. пудов в год.

Большой удельный вес в экспорте из портов Черного и Азовского морей принадлежал шерсти (до 50—65% всего вывоза шерсти из страны). Вывоз шерсти непрерывно возрастал на протяжении всей первой половины XIX в. В 1835—1839 гг. из России было вывезено 1 695 тыс. пудов шерсти, в том числе из черноморских и азовских портов 1 049 тыс. пудов, в 1840—1844 гг. соответственно 2 670 и 1 602 тыс. пудов, в 1845—1849 гг. — из страны было вывезено 2 353 тыс. пудов шерсти, в том числе из южных портов — 1 517 тыс. пудов³.

Как и в вывозе других видов сырья, в экспорте шерсти из азовских портов ведущее место принадлежало Таганрогу. Но

¹ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1825—1835 гг. Спб., 1826—1840.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1840—1849 гг. Спб., 1841—1850.

³ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1835—1849 гг. Спб., 1836—1850.

к середине XIX в. Ростовский порт значительно опережает в этом отношении Таганрог и другие южные порты. В 1844 г. из Ростова было вывезено за границу шерсти 156 728 пудов (на 680 938 руб.), в 1845 г.—168 643 пудов (на 827 790 руб.)¹.

Основную массу шерсти отправляли из южных портов в Англию и Францию. Так, в 1845—1849 гг. из 346 тыс. пудов шерсти, вывезенной из Ростова, 211 тыс. пудов было отправлено в Англию и 70 тыс. пудов во Францию.

Особое место в южнорусском экспорте занимало льняное семя. В первой четверти XIX в. оно, по существу, отсутствовало во внешней торговле Южной России. Еще в 1825—1829 гг. экспорт льняного семени из южных портов едва превышал тысячу четвертей. Усиленный вывоз его из черноморских и азовских портов начинается с 30-х годов и быстро растет на протяжении всей второй четверти XIX в. К середине XIX в. на долю южнорусских портов приходилось около 40% всего экспорта льняного семени. Таких стремительных темпов роста не знавала ни одна статья экспорта из Южной России.

Быстрое развитие машинного производства на Западе, особенно в Англии, вызвало усиленный спрос на смазочные материалы. Льняное масло находило также все более широкое применение в лакокрасочной промышленности (олифа), в производстве линолеума, клеенки и т. д. Растущая потребность западно-европейской промышленности в льняном масле и обусловила значительный спрос на льняное семя на внешнем рынке. В связи с этим в южных районах расширяются посевные площади масличного льна (лен-кудряш, лен-межеумок), который специально возделывался с целью получения льняного семени.

Однако в отличие, например, от пшеницы и шерсти льняное семя доставлялось к южным морским портам из весьма отдаленных районов. Так развитие черноморско-азовской морской торговли втягивало в систему мировых рыночных отношений глухие уголки России.

В 1830—1834 гг. из России было вывезено 2 799 тыс. четвертей льняного семени, в том числе из портов Черного и Азовского морей — 147 тыс. четвертей, в 1835—1839 гг. соответственно 3 914 тыс. и 667 тыс. четвертей, в 1840—1844 гг. — 5 327 тыс. и 1 172 тыс. четвертей, в 1844—1849 гг. — 5 898 тыс. и 2 059 тыс. четвертей².

¹ Скальковский А. А. Ростов-на-Дону, ч. 1. — ЖМВД, 1847, кн. 7, с. 69.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1830—1849 г. Спб., 1831—1850.

В южнорусском экспорте льняного семени важная роль принадлежала Таганрогу. Но значительная часть вывоза льняного семени приходилась и на другие порты Азовского моря. По мере увеличения производства масличного льна в различных районах юга страны быстро рос вывоз льняного семени через Ростов, Бердянск, Мариуполь и Ейск. Особенно стремительно возрастало значение Ростова, опередившего в этом отношении в 40—50 годах другие южные порта России. В 1842 г. из Ростова было вывезено 47 тыс. четвертей льняного семени, в 1853 г. — 350 тыс. четвертей и в 1859 г. — 293 тыс. четвертей¹. В Ростов-на-Дону грузы доставляли из самых различных районов страны. Он был центром, к которому лучами устремлялись дороги из Восточной Украины, Воронежской губернии, Поволжья и Кавказа. По мнению Ю. Гагенмейстера, в Ростов в конце 40-х годов только из Саратовской губернии доставлялось не менее 100 тыс. четвертей льняного семени².

Об удельном весе различных портов в экспорте льняного семени говорят данные за 1847 г. В этом году из портов Черного и Азовского морей было вывезено 729 тыс. четвертей льняного семени, в том числе из Одессы — 242 тыс., из Таганрога — 51 тыс.³, из Ростова — 310 тыс. и из Мариуполя — 75 тыс. четвертей⁴.

Главным покупателем русского льняного семени на внешнем рынке была Англия. На ее долю приходилось 40—50% всего русского экспорта этого технического сырья. В английские порты направлялась и большая часть льняного семени, вывезенного из портов Азовского моря. В 1845—1849 гг. из 942 тыс. четвертей льняного семени, вывезенного из Ростова, 760 тыс. четвертей было отправлено в Англию.

Видное место в азовском экспорте продолжало занимать железо. Как и раньше, железо доставляли к портам Азовского моря с Урала по рекам Чусовой, Каме, Волге и Дону. До 1836 г., т. е. до открытия Ростовской таможни, железо отправляли из Ростова на каботажных судах в Таганрогский порт и частично в Керчь. С открытием таможни железо вывозят за границу непосредственно из Ростова, который становится главным портом по вывозу железа на юге страны. В Ростове была учреждена специальная «Железная биржа», которой принадлежали

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 78, л. 419; д. 46, л. 61; д. 62, л. 11.

² Гагенмейстер Ю. О торговом и промышленном движении на Волге и ее бассейне. Спб., 1853, с. 139.

³ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1847 гг., с. 10, 41.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 38; д. 29, л. 39

в порту лучшие окладские помещения. В 1825—1829 гг. из портов Азовского моря было вывезено 1 220 тыс. пудов железа, в 1830—1834 гг. — 1 119 тыс. пудов, в 1835—1839 гг. — 972 тыс., в 1840—1844 г. — 791 тыс. и в 1845—1848 гг. — 873 тыс. пудов¹.

Из южных портов железо экспортировали главным образом в Турцию, в небольших количествах в балканские страны, Францию, Италию и Австрию. В самой Турции одним из главных рынков сбыта русского железа была Смирна, откуда его затем вывозили «...во внутрь Азии, в Египет и несколько на острова»² (острова Средиземного моря. — Авт.). Однако с каждым годом сбыт русского железа на внешнем рынке становился все более трудным вследствие конкуренции железа, выплавлявшегося в Англии и некоторых других европейских странах. Это железо, хотя и уступало по качеству уральскому (не случайно его ввозила и сама Англия), было значительно более дешевым. Причем Англия и Германия ввозили в Турцию главным образом готовые металлические изделия промышленного производства, которые были намного дешевле турецкой кустарной продукции, производившейся из русского железа.

Удельный вес других промышленных товаров в южнорусском экспорте на протяжении всей первой половины XIX в. оставался крайне незначительным.

Итак, в первой половине XIX в. основными статьями экспорта из азовских портов России были хлеб (пшеница), животное сало, кожа, шерсть, льняное семя и металл (железо). Структура южнорусского экспорта к середине XIX в. свидетельствует об установившейся специализации сельского хозяйства южных районов страны как важнейших производителей товарного зерна (пшеницы), шерсти и льняного семени.

Привоз товаров в южные порты во второй четверти XIX в. заметно уступал по значению экспорту. Удельный вес южных портов в общерусском привозе на протяжении всей первой половины XIX в. оставался незначительным. Причем тенденция к его увеличению была весьма слабой, хотя общая стоимость товаров, ввозившихся в южные порты, росла сравнительно быстро.

Во внешней торговле России через порты Черного и Азовского морей наряду с русским купечеством большую роль играл иностранный капитал.

¹ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1825—1849 гг.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 556, л. 113.

Царское правительство способствовало развитию внешней торговли России через порты Черного и Азовского морей прежде всего потому, что с ней были связаны материальные интересы значительной группы русских помещиков, фискальные интересы самого государства. Наконец, эта торговля была одним из условий экономического освоения обширных территорий на юге страны. Эта покровительственная политика включала в качестве одного из существенных моментов широкое привлечение к южнорусской внешней торговле иностранного торгового капитала, использовала связи его с внешними рынками сбыта русского хлеба. Купцам южных портов был предоставлен целый ряд льгот (пониженные таможенные пошлины, правительственные дотации на торговое судоходство и т. д.). Широкие возможности получения огромных прибылей при благоприятном отношении русского правительства к иностранному капиталу привлекли к южнорусской внешней торговле английских, французских, итальянских, греческих и других купцов. Развитию собственно российской торговли на зарубежных рынках сильно препятствовало отсутствие у России отечественного торгового флота.

Засилье иностранного купечества в южнорусской внешней торговле вело к тому, что огромная часть прибавочного продукта, создававшегося крестьянством России, присваивалось иностранцами и перекачивалась за границу.

Развитие внешней торговли Южной России, как и в целом всей страны, сковывалось господством крепостнических отношений. Сохранение натуральных устоев крепостнического хозяйства, отсутствие значительных капиталов и широкого рынка рабочей силы для капиталистической системы хозяйства, отсутствие парового транспорта и т. д. — все это ограничивало возможности роста внешнего товарооборота Южной России.

После падения крепостного права начинается новый этап южнорусской внешней торговли. Рост капитализма в сельском хозяйстве, связанный с ним быстрый подъем торгового земледелия создали прочную основу для дальнейшего развития внешней торговли Южной России.

Заключение

В истории хозяйственной жизни Дона и степного Предкавказья XVIII — первая половина XIX в. составляют важный этап. Еще в конце XVII в. Донская земля, населенная казачеством, была слабо обжита и плохо освоена, а огромные пространства степного Предкавказья находились за пределами государственной территории. Эти плодороднейшие земли с богатейшими возможностями для развития прежде всего сельского хозяйства находились под угрозой непрерывных набегов со стороны соседних государств и кочевых народов.

В течение XVIII в. освоение территории Дона и Предкавказья шло по разным направлениям. Стремясь обеспечить выход к Азовскому и Черному морям, что составляло жизненно необходимую задачу для России XVIII в.¹, а также создать нормальные условия для хозяйственного освоения огромной юго-восточной окраины России, правительство вело непрерывные войны с Турцией, ее вассалом Крымским ханством, искавшими со своей стороны поддержки у феодальных владельцев кавказских народов и освободительного движения вольнолюбивых горцев.

По этой причине главной силой, которая осуществляла заселение и освоение огромных пространств Дона и Предкавказья, являлось казачество. На протяжении XVIII — первой половины XIX в. за счет вольной колонизации, перевода казачьих полков с Дона, Волги и Запорожья, создания Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск, а также в силу естественного прироста населения численность казачества Дона и Предкавказья быстро выросла. Путем заселения казачеством этого края правительство стремилось не только укрепить свои позиции на государственных рубежах с помощью сравнительно дешевой военной силы, но и убрать из центральных губерний наиболее опасный в социальном отношении состав населения, который не раз, особенно в период крестьянских войн XVII—XVIII вв., служил основой в борьбе против феодально-крепостнического гнета.

Важное место в освоении края правительство отводило помещичьей колонизации. Значительные массивы земель были розданы российским помещикам в Приазовье и на Ставрополье. Однако стремление насадить крепостнические порядки таким путем особенных успехов не принесло. Удельный вес поме-

¹ Mark x K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 87.

щичьего хозяйства, основанного на труде крепостных крестьян, в целом по региону был сравнительно невелик.

Значительно в большем числе, чем помещицы крестьяне, по указам правительства переселялись в Предкавказье, особенно на Ставропольские земли, государственные крестьяне, прежде всего однодворцы.

Для более быстрого освоения отдельных районов Предкавказья правительство пыталось основать на его территории поселения английских и немецких колонистов. Но немногочисленные поселения такого рода, несмотря на предоставление колонистам больших льгот, из-за национально-кастовой и хозяйственной замкнутости не сыграли заметной роли в хозяйственном освоении края. Политика правительства, направленная на заселение огромных пространств юго-восточной окраины России, проводилась зачастую насильственными методами и влекла за собой разорение многих крестьянских хозяйств, а нередко и гибель населения. Однако благоприятные природные условия и возможность получить хотя бы видимость свободы от крепостнического гнета привлекали крестьянство и казачество на эти земли. В условиях непрерывной борьбы с соседями крестьяне и казаки Дона, Ставрополя и Кубани за сравнительно короткий срок освоили огромную территорию юго-восточной России.

Благоприятные климатические и почвенные условия способствовали быстрому развитию в регионе всех важнейших отраслей сельского хозяйства. И, хотя это тормозилось политикой самодержавия, стремившегося в казачьей среде сохранить «особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»¹ и поддерживавшего крепостников-помещиков, а также условиями непрерывной борьбы с соседями, талантливый народ не жалел сил для хозяйственного освоения края и за короткий срок добился значительных успехов.

Одной из ведущих отраслей хозяйства было животноводство. Для его развития не требовалось большого количества людей, что было очень важно на первых порах, когда население было сравнительно редким, и особенно казачьих хозяйств, где большая часть мужчин находилась в различных походах. Почти в каждом казачьем и крестьянском хозяйстве имелся рогатый скот, овцы, свиньи, домашняя птица. Животноводство было широко развито и хозяйствах богатых казаков, старшин и помещиков, которым торговля рогатым скотом, овцами и овечьей шерстью, а особенно конями приносила большие до-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 219.

ходы. Распространению животноводства способствовали благоприятные условия для сбыта скота и продуктов животноводства на внутренних рынках Российской империи.

Отраслью, имевшей не меньшее, а в отдельных районах края и большее значение, было земледелие. На протяжении долгого времени в силу разных причин оно было экстенсивным, с примитивной техникой. И тем не менее в течение XVIII — первой половины XIX в. Дон и Предкавказье стали районом страны, который не только обеспечивал своим хлебом быстро увеличивавшееся население, но и успешно торговал им. Хлеб был одним из важнейших продуктов, который покупали горские народы Кавказа.

Третьей по значению отраслью хозяйства на Дону, в Приазовье и во многих других районах Предкавказья было рыболовство. Рыбные промыслы Азовского бассейна по размерам улова в 50-х годах XIX в. занимали второе место в России. И несмотря на стремление самодержавия и войсковых властей превратить рыбные промыслы в условия обеспечения казачьей службы, а потому опраждавших их от проникновения в эту отрасль представителей неказачьих слоев населения именно здесь с особенной быстротой рвались крепостнические путы и утверждались новые буржуазные формы хозяйственной жизни.

Остальные отрасли промышленности на Дону и Предкавказье развивались очень медленно, причем главным образом те, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции — мукомольное, кожевенное, шерстомойное, маслобойное, винокуренное и т. п. производства. Кроме того, на Дону добывали уголь, в ряде мест — соль, на Таманском полуострове со второй четверти XIX в. — нефть. Некоторое развитие получило и кирпичное производство.

Большинство предприятий были очень мелкими по размеру, с числом работников в 5—10 человек. Только с конца XVIII в. в отдельных местах стали зарождаться мануфактуры.

Развитие промышленности, хотя и слабое, способствовало зарождению и укреплению городской жизни. Уже в первой половине XIX в. становятся центрами ремесла и торговли такие города, как Ростов, Таганрог, Ставрополь, Георгиевск, Пятигорск, Екатеринодар и другие более мелкие города. Дон и степное Предкавказье постепенно втягивались в орбиту всероссийского рынка. Во многих населенных пунктах регулярно устраивались ярмарки, куда везли свои товары не только крестьяне и казаки из ближайшей округи, но купцы из более отдаленных мест.

Утверждение России в XVIII в. на берегах Черного и Азовского морей создавало широкие возможности для сбыта за пределы страны сельскохозяйственной продукции (в первую очередь пшеницы). Но это, со своей стороны, способствовало дальнейшему хозяйственному развитию Дона и степного Предкавказья.

Итак, развитие экономики в результате освоения огромной части предкавказских земель за сравнительно короткий период времени изменило лицо этого края. Появились многочисленные села, станицы, хутора и новые города. Быстро росло население. Были подняты веками пустовавшие целинные земли, выращены тучные стада скота, бесчисленные табуны лошадей, разведены богатые сады, виноградники, рисовые поля, поставлены рыбные заводы и начата разработка полезных ископаемых: каменного угля, серебра, свинца, нефти и пр. Все это было поднято руками русских и украинских переселенцев, крестьян и казаков, тяжелым и упорным трудом труженников.

Несмотря на то, что освоение края происходило в условиях отсталых феодально-крепостнических отношений, рост в нем производительных сил был большим вкладом в дело общероссийской и мировой экономики. Неограниченно велики были перспективы развития производительных сил Северного Кавказа. То огромное дело в их подъеме, которое выпало на долю русских переселенцев, было лишь исходным началом использования всех возможностей, которыми располагало в то время Предкавказье.

Рост экономики, использование более передовых методов во всех видах хозяйственной деятельности края имели неосценимое значение для развития производительных навыков, знакомство с новыми культурами и методами труда сближали кавказские народы с русскими переселенцами, обогащали их духовно и, несмотря на все трудности военного времени, создавали благоприятные условия для совместных усилий в трудовых делах дальнейшего подъема экономики преобразенного края.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВРП — Архив внешней политики России.
АГС — Архив государственного совета.
АКАК — «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».
«Акты Лищина» — «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным».
ВУА — Военно-ученый архив.
ГААО — Государственный архив Астраханской области.
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
ГА КЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области.
ГАОО — Государственный архив Одесской области.
ГАРО — Государственный архив Ростовской области.
ГАСК — Государственный архив Ставропольского края.
ДАИ — «Дополнения к актам историческим».
ДВВ — «Донские войсковые ведомости».
ДД — «Донские дела».
ДОВ — «Донские областные ведомости».
ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел».
ЖМГИ — «Журнал Министерства государственных имуществ».
КЗТКМ — «Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея».
ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи».
Сб. РИО — Сборник «Русского исторического общества».
СОВДСК — «Сборник областного войска Донского Статистического комитета».
ТОВДСК — «Труды областного войска Донского статистического комитета».
Тр. ВЭО — «Труды Всероссийского этнографического общества».
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГА КВ АССР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР.
ЦГА ЧИ АССР — Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Маркс К. — 3, 67, 189, 215, 223
 Энгельс Ф. — 3, 67, 189, 215
 Ленин В. И. — 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 52, 57, 64, 104, 158, 189, 224
- Аглинцев, п. — 122
 Александр I, имп. — 39, 51, 99, 148, 208
 Алена, есаула — 131
 Андронов П. П., торговый к. — 186
 Антипов А., и. — 140
 Апраксин И. И., гр., ф. — 65
 Аршев, п. — 122
 Аршевы, п. — 122
 Арсеньев К., и. — 15, 39, 105
 Арслан-Гирей, крымский феодал — 29
 Артикулов И., торговый к. — 186
 Архипов Ф., торговый к. — 186
 Астахов Н. Л. — 137
 Ауслер П. У., и. — 65
- Бабаев, куп. — 197
 Батыр-Гирей, хан — 29
 Безбородко, канцлер — 61
 Белинский В. Г. — 10
 Белый Э., а. — 67
 Бентковский И. В., и. — 8, 44, 55, 59, 60, 61, 71, 121, 125, 167
 Бирзе А. М., и. — 162
 Бобони, сардинец — 223
 Бобриков, п/полк. — 41
 Богданович И. Ф., и. — 52
 Богословский М. М., и. — 178
 Богучарский В., и. — 10
 Болгарский, сенатор — 108
 Болдырев, к. — 140
 Бринк И. Ф., ген. — 23
 Бровкович Д. А., и. — 145, 149
 Броневский В. Б., и. — 9, 87
 Бронтон, м. — 63
 Брун Ф. О., эк. — 215
- Буерак, а. — 69
 Булавин К. А. — 65
 Бурносова, старшина — 131
 Бутков П. Г., и. — 8, 27, 58, 120, 195
- Вагнер М., путешественник — 202
 Варваши, таганрогские дв. — 149
 Васильев И., ст. — 36
 Васильев Сафар, богатый армянин — 120
 Васильчиков, кн. — 43
 Вейнберг Л. Б., и. — 175
 Вербицкий, войсковой ст. — 131
 Вердеревский, ген. — 112
 Верзлин, ген-майор, наказной а. Кавказского линейного войска — 55
 Вернес де, ген. — 20
 Веселицкий П. П., русский резидент в Крыму — 29
 Власов, войсковой наказной а. — 138
 Воинов, урядник — 189
 Волан де, инженер — 146
 Волоцкий, начальник Ставропольской губ. — 115
 Ворошилов И. М., г., канцлер — 19, 61, 62, 69, 163, 164, 205—206, 214
 Всеволожские, п. — 62, 119, 166, 192
 Вяземский А., юн. — 61, 62
- Гагенмейстер Ю. О., эк. — 220
 Гаджи-Наби-Юсуф-оглы, нефтяник-специалист — 170
 Галушкин, к. — 140
 Герман, п/полк. — 24
 Герцен А. И. — 182
 Гильденштедт И. А., акад. — 8, 78, 79, 80, 83, 85, 88, 135—136, 137, 177
 Гмелин С. Г., акад. — 8, 87, 88, 176—177
 Голицын С., кн., посланник в Испании — 94

¹ Указатели составил Н. А. Мининков. Сокращения, принятые в именном указателе: а. — атаман, акад. — академик, г. — граф, ген. — генерал, дв. — дворянин, е. — есаул, и. — историк, имп. — император, к. — казак, кн. — князь, куп. — купец, м. — миссионер, п. — помещик (помещица), помещики, полк. — полковник, п/полк. — подполковник, ст. — старшина, ф. — фельдмаршал, ц. — царь, эк. — экономист.

- Голобуцкий В. А., п. — 8, 12, 13, 85, 124, 156
 Головатый А., войсковой судья — 67, 71
 Горчаков, кн., ген. — 40
 Греков Степан, ст. — 81
 Грищенко Н. П., и. — 120, 122, 196
 Гудович, ген. — 195
 Гусельщиков, сотник — 172
 Давкони, темиргоевские князья — 65
 Данилевский Н. Я. — 153, 155
 Дашков, градоначальник в Таганроге — 208, 209
 Девлет-Гирей, хан — 21
 Денисов А., войсковой а. — 101, 138
 Денисов А., торговый к. — 186
 Дмитриенко И. И., издатель — 15, 81
 Добролюбов Н. А. — 10
 Дорошенко Кузьма, крестьянин — 163
 Дружинин В. Г., п. — 76
 Дружинин Н. М., и. — 3, 42, 45, 59, 106, 110, 144, 145
 Дружинина Е. И., и. — 22, 39, 40, 94, 98
 Дружков А., торговый к. — 186
 Дубровский, к. — 140
 Дудников В., торговый к. — 186
 Думин А., к. — 176
 Дьячкин, ген-майор — 48, 108
 Дюк де Ришелье, ген.-губернатор — 167
 Екатерина II, имп. — 24, 26, 30, 37, 53, 57, 68, 191, 195
 Епифанов Большой Федор, к. — 176
 Ефимов, куп. — 164
 Ефремов Данила, ст. — 81
 Ефремов Степан, войсковой а. — 83, 176
 Житков Андрей Ефимов, к. — 176
 Жуков Василий, крестьянин — 126
 Заблоцкий-Десятовский А. П., эк. — 45
 Загоровский В. П., и. — 73
 Закревский А. А., московский губернатор — 142
 Зан-Оглу-Магмет-Гирей, турецкий уполномоченный — 30
 Захарьянц Г. Н., и. — 20, 144, 145, 179, 187
 Зеленин Д. К., и. — 79
 Зенковский п/полк. — 131
 Золотов В. А., и. — 8, 12, 99, 181, 183
 Зундель, француз — 223
 Иван IV Грозный, ц. — 6, 65
 Иванов А., куп. — 188
 Игнатович И. И., и. — 12, 44, 57
 Иловайский А., а. — 24, 36
 Иловайский Алексея, е. — 176
 Иловайский Д., и. — 10
 Иловайский Дмитрий, ст. — 81, 98
 Иловайский И. Б., и. — 8, 12
 Иловайский Николай, донской дв. — 108
 Иловайский Петр, донской дв. — 108
 Иноземцев Г. А., и. — 20, 144, 145, 149, 179, 187
 Исаев И., премьер-майор — 35
 Кабузан В. М., и. — 40, 45, 53
 Калантаровы, п. — 62, 119
 Калашников, урядник — 188
 Калмыков М., и. — 98, 108
 Канкрин Е. Ф., министр финансов — 101
 Каранчев Иван, войсковой ст. — 189
 Карамзин Н. М., и. — 9
 Каранлин Марк, крестьянин — 126
 Карасев А. А., и. — 12
 Картушин, поручик — 138
 Кательников Е., к., и. — 36, 77
 Кауфман П. А., и. — 58
 Кафенгауз Б. Б., и. — 135, 173, 175, 180
 Киреев, ген.-лейтенант — 41
 Кириллов А., и. — 146
 Киселев П. Д., ген., министр государственных имуществ — 42, 59, 106, 110, 144, 145
 Ключкова М., купеческая жена — 188
 Ключевский В. О., и. — 8
 Ковалевские, п. — 38, 97
 Кодинец, надворный советник — 203
 Кологривов, майор — 94—95
 Константинов А. Д., русский резидент в Крыму — 23
 Корнеев С., к. — 189
 Корнилович А. — 73
 Короленко П. П., и. — 9
 Корчин Н. М., и. — 145, 149
 Коротин Д., торговый к. — 186
 Косой Кузьма, раскольник — 75
 Котляревский, войсковой ст. — 131
 Коц Е., и. — 40, 44, 45
 Кочубей, кн. — 96
 Краснов, донской дв. — 108
 Краснов И., и. — 9, 42
 Краснов Н., и. — 15, 42, 50, 51, 52, 103, 104, 105—106, 107, 109, 110, 111, 139, 141, 144, 146, 154, 180, 184

- Краснощекоев, донской дв. — 108
 Крейс (Крюйс) К., адмирал — 78, 87
 Крикунов В. П., и. — 8, 12, 61, 62
 Крутицкий, куп. — 198
 Крым-Гирей, хан — 19
 Кузнецов И. А., и. — 144, 145, 148, 211, 214, 215
 Кумыков Т. Х., и. — 195, 196
 Кушнарв К. С., капиталист — 143—144
 Ланжерон, г., губернатор — 167, 211
 Лебедев В. И., и. — 74
 Лебедев Иван, куп. — 197
 Левицкий, торговый к. — 140
 Леонов С., ст. — 35
 Летуновский, почтмейстер — 188
 Литвинов Иван, крестьянин — 164
 Литвинов Яков, крестьянин — 164
 Лихолетов Б., к. — 189
 Лишин А. А., ген.-майор — 15, 81, 84, 85, 137, 154, 177, 178
 Лобанов-Ростовский, кн. — 108
 Ловчиков, воевода, — 90
 Логиннов Осип, крестьянин — 90
 Лоскут И., полк. Булавина — 65
 Луковкин, п/полк. — 41
 Луковкин А., полк. — 35
 Любомиров П. Г., и. — 120
 Лященко П. И., эк. — 80, 88
 Майволодов, п. — 123, 126
 Макаров, бригадир — 23
 Максимов, ассесор — 140
 Мандрыкин, к. — 176
 Манков Василий, ст. — 81
 Мария Темрюковна, жена Ивана IV — 65
 Маркевич И., и. — 10
 Марков К. В., и. — 12, 42
 Мартынов, ген.-майор — 41
 Мартынов, донской дв. — 108
 Мартынов, ст. — 83, 98
 Мартынов Д., полк. — 36
 Маслаковец Н. Н., ген.-майор — 52
 Махнова Г. П., и. — 40
 Медем, ген. — 20
 Милентьев, п/полк. — 188
 Минаев Ф., а. — 75, 76
 Минюкий А. С., и. — 118
 Могилевцев Н., и. — 56
 Мороховец Е. А., и. — 57
 Наполеон I, имп. Франции — 95
 Науменко Марк, к. — 131
 Неболин Г., статистик и эк. — 16, 194, 215—216
 Недосекин В. И., и. — 16, 65
 Некрасов, а. Булавина — 65
 Никитин Антон, куп. — 197
 Николай I, имп. — 55, 143, 186
 Никонов Иван, куп. — 197
 Новосельский А. А., и. — 173—174
 Ногой Шеретль, шапсуг — 203
 Номикосов С., статистик — 16, 104, 108, 145
 Нурадын, хан — 65
 Огарев Н. П. — 182
 Оливieri, полк. — 140
 Орлов В., а. — 40
 Орлов Петр, войсковой е. — 176
 Орлов-Денисов, г. — 98, 108
 Остроухов П. А., и. — 181
 Паллас П. С., акад. — 8
 Павин Н. И., г. — 22
 Парохия Евдоким, директор Черноморского войскового овчарного завода — 133
 Пашков Николай, крестьянин — 126
 Пеленкины п. — 38
 Петерсон, м. — 63
 Петр I, ц., имп. — 17, 65, 87, 94—95, 122, 178
 Писарев В. И., и. — 12
 Писаревский Г., и. — 37
 Планидины, торговые к. — 186
 Платов М. И., г., ген. от кавалерии, а. войска Донского — 51, 98, 99, 108
 Платов И., торговый к. — 186
 Плеханов Г. В. — 10
 Попко И. Д., и. — 9, 118, 119, 121, 124, 134, 194
 Попков, таганрогский градоначальник — 95
 Попов, хорунжий — 131
 Попов В. С., и. — 88
 Попов И., и. — 48, 143
 Попов И. П., и. — 186
 Порожня, п/полк. — 168
 Посполитаки Александр, откупщик — 204—206
 Потемкин Г. А., кн. — 14, 24—25, 28, 30, 112
 Потто В., и. — 27
 Прозрителев Г., и. — 8, 58, 121, 191
 Пронштейн А. П., и. — 8, 13, 16, 38, 46, 50, 161
 Протопопов В. А., эк. — 104
 Пугачев Е. И. — 9
 Пулло, ген. — 199

- Пустынникова Прасковья, казачья
 жена — 176
 Пушкаренко А. А., и. — 89
 Радченко Моисей, крестьянин — 163
 Разин С. Т. — 74
 Райзер В. В., командир Кубанского
 корпуса — 28
 Рали, владелец шерстомойки — 148
 Рашии А. Г., и. — 53, 93
 Ращпиль, ген. — 206
 Ребров, п. — 62, 164
 Ребров А. Ф., действительный член —
 113, 116, 123, 126
 Ребровы, п. — 119
 Ригельман А. И., ген.-майор — 37
 Ровинский И. В., эк. — 8, 112, 113,
 118, 122, 191
 Розен, барон, командующий Особым
 Кавказским корпусом — 171
 Рознер И. Г., и. — 13
 Романус, ген. — 19
 Романо де А. Л. — 78, 84, 87, 98, 136
 Романович-Словатинский, и. — 45
 Ростованов, п. — 126
 Рубинштейн Н. Л., и. — 173
 Румянцев Н. П., министр коммер-
 ции — 208, 209
 Румянцев П. А., г., ф. — 23, 27
 Рыбаков Б. А., и. — 64
 Рындзюнский П. Г., и. — 443
 Савелов Л. М., и. — 9
 Савельев А. М., и. — 9
 Савельев Е. П., и. — 42, 175, 185
 Савилов Иван, к. — 86
 Савилов Никита, отставной сотник —
 86
 Салтычиха, п. — 12
 Сафиянопуло, таганрогские дв. — 149
 Сахаров П. П., и. — 8, 12
 Семевский В. И., и. — 57
 Семенов А. В., и. — 104
 Семернин П. В., и. — 20, 144, 145, 179,
 187
 Сербинов, к. — 143
 Серебряковы, п. — 119, 122
 Сивков И. В., и. — 92
 Синельников, п. — 96
 Снявнины, п. — 38
 Скальковский А. А., и. — 34, 35, 181,
 214, 217, 219
 Скаржинские, п. — 62, 126
 Скарманг, владелец шерстомойки —
 148
 Слюсарев, п/полк. — 108
 Слюсарев И. Ф., войсковой ст. — 41
 Слюсарева Е., есаульская вдова —
 189
 Смирнов, сотник — 41
 Смирнов Н. А., и. — 22
 Соловьев С. М., и. — 10, 19, 33
 Стащук Н. И., и. — 8, 12
 Стечкин Степан, к. — 85
 Струков, к. — 140
 Струмилин С. Г., эк. — 106
 Суворов А. В., г., генералиссимус —
 22, 26—28, 30, 66—67
 Сулин Андрей, ст. — 81
 Сулин И., и. — 8, 35, 42
 Сухаревский, к. — 140
 Сухороков В. Д., и. — 73, 74
 Сысова, ген.-лейтенантша — 126
 Тандыкин Лармон, к. — 137
 Тарумовы, п. — 119
 Темрюк Айдарович, кн. — 65
 Тенгоборский Л. В., эк. — 101, 104
 Тоценко Л. Т., и. — 153
 Уголков Ф., торговый к. — 186
 Ульянов И. С., полк. — 49
 Устиновы, п. — 126
 Устиновы, торговые к. — 186
 Устюгов Н. В., и. — 13
 Уткин, сотник — 48
 Фадеев А. В., и. — 8, 12, 13, 26, 64,
 69, 71, 117, 123, 124, 125, 126, 182,
 199, 201
 Фелицын Е. Д., и. — 8, 54, 67, 68
 Филатов, к. — 176
 Филевский П. П., и. — 184, 187, 208
 Филонова А., и. — 49
 Фомин, е. — 140
 Фомин, ст. — 98
 Фурсовы, таганрогские дв. — 149
 Халыбов Артем, приазовский армя-
 нин — 96
 Ханжонковы, казацьи а. и ст. — 38
 Хачалауридзе Г. В., и. — 63
 Хлыстов И. П., и. — 184
 Цырульников, куп. — 197
 Чалхушьян Г. Х., и. — 144, 148
 Чебогарев Б. В., и. — 182
 Чекменев С. А., и. — 8, 12, 13, 16, 192
 Чепига З., а. — 67, 71
 Черкасов Егор, мещанин — 171
 Черная, есаулла — 131
 Чернушкина, подполковница — 41

Чернышев, г. — 61
Чернышевский Н. Г. — 10
Чернышов И., к. — 85
Чертопрахов Степан, казачий сын — 137
Шабельские, п. — 97
Шагин-Гирей, хан — 22—23, 26, 28—30
Шап-Гирей, п. — 123
Шамиль — 51, 206
Шафонский А., топограф — 78, 80
Швецов, главный смотритель над мезновными дворами — 199
Шелукова Н. М., и. — 52
Штигли, барон — 96
Штукенберг И. Ф., статистик — 15, 102, 107, 115, 138
Шульга И. Г., и. — 174
Шульгин М., и. — 31

Шульман Э., и. — 105, 183
Шульц, полк. — 27

Шекатов А., географ — 77
Щербина Ф. А., и. — 8, 9, 154, 168, 170, 172, 203, 206
Щербинин Е. А., русский представитель в Крыму — 22

Эмс, владелец шерстомойки — 148

Юсуф-Амир-Бек-оглы, нефтяник-специалист — 170

Якоби, астраханский губернатор — 24—25, 27, 112

Янов, полк. — 48

Янов И., депутат — 36

Яцунский В. К., и. — 161, 104, 135

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

Абин, р. — 204
Австрия — 3
Адыгея — 66
Азия — 221
Азов, г. — 17, 18, 20, 24, 33, 38, 89, 90, 96, 159, 178, 207
Азово-Моздокская укрепленная линия — 25—27, 54
Азовский бассейн — 35, 151, 154, 155, 156, 157, 181, 225
Азовское море — 17, 18, 20—21, 34, 37, 66, 68, 70, 127, 142, 150, 153, 155, 156, 157, 160, 170, 171, 178, 183, 184, 200, 206, 207, 208, 223, 226
Айдар, р. — 5, 33
Аксай, р. — 35, 88, 146
Аксайюкая, ст. — 88, 142, 181, 184
Александровка, с. — 62
Александровская, кр. — 25, 54
Александровский у. и окр. — 57, 113—114, 122
Александровское, с. — 126
Алексеевская, ст. — 135

Алексеевское, укр. — 203
Америка — 218
Анапа, г. — 204
Англия — 17, 66, 142, 206, 210, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221
Андреевская, кр. — 25
Анны Святой кр. — 18
Антхыр, р. — 204
Архангельск, г. — 208
Астраханская губ. — 44, 46, 112, 165
Астрахань, г. — 114, 118, 192, 208, 209
Ахтарское, оз. — 170
Бабуковская, ст. — 54
Баку, г. — 170
Балашов, г. — 106
Балханий п-ов — 212
Балкария — 196
Барсуковская, ст. — 54
Батайск, с. — 44, 93, 184
Баталпашинская, ст. — 54
Бахмут, г. — 19, 100, 183

¹ Условные обозначения: г. — город, губ. — губерния, кр. — крепость, обл. — область, оз. — озеро, окр. — округ, п-ов — полуостров, р. — река, с. — село, сл. — слобода, ст. — станция, у. — уезд, укр. — укрепление, я. — ярмарка.

- Бахмут, р. — 33
 Бахмутский у. — 39
 Бахчисарай, г. — 29
 Безопасное, с. — 59
 Бейсуг, селение — 171
 Бекетей, с. — 62
 Бекешевская, ст. — 54
 Белгородская губ. — 32, 81
 Белоглинское, с. — 133
 Беломечетинская, ст. — 54
 Бердянск, г. — 38, 215, 216, 220
 Березовая, р. — 34
 Бессарабия — 37, 120
 Бессарабская обл. — 167
 Бессергеновская, ст. — 87
 Бирючий Кут — 146
 Ближний Восток — 212, 213
 Блудияловский, городок некрасовцев — 65
 Большая, р. — 34
 Большая Кабарда — 179
 Большая Янисала, с. — 98
 Большой Лог — 86
 Борисоглебск, г. — 106
 Босфор, пролив — 207
 Бринькозская, ст. — 202
 Бугазское оз. — 170
 Буг Южный, р. — 22, 67, 207
 Буджак — 37
 Бузулук, р. — 5, 33, 88, 135
 Букановская, ст. — 84
 Бурган-Маджары, с. — 62
 Бургустанская, ст. — 54
 Быстрая, р. — 34
 Ведерниковская, ст. — 84
 Великокороссия — 53, 72, 78, 158, 174
 Венгрия — 3
 Верхне-Гниловская, ст. — 6
 Верхне-Кундрюченская, ст. — 87
 Верхне-Курморская, ст. — 36, 77
 Верхне-Михалевская, ст. — 33
 Верхне-Чирская, ст. — 33
 Вешенская, ст. — 83
 Владикавказ, г. — 197
 Владимировка, с. — 62, 119, 164
 Владимировка, сл. — 113, 116
 Владимирская, губ. — 31, 182
 Вогулдыр, р. — 204
 Волга, р. — 25, 44, 50, 54, 62, 178, 179, 192, 208, 209, 211, 215, 220, 223
 Волго-Донская переволока — 33
 Волжский бассейн — 215
 Воронеж, г. — 191, 208
 Воронежская губ. — 31, 32, 42, 44, 60, 67, 110, 175, 177, 209, 220
 Воронежская, ст. — 68
 Второй Донской окр. (начальство) — 40, 41, 47, 49, 107, 110, 180, 181
 Галиция — 158
 Георгиевск, г. — 194, 195, 199, 225
 Георгиевская кр. — 25, 27, 54, 191
 Георгиевский у. (окр.) — 57, 60, 113—114, 118, 119, 122
 Германия — 158, 221
 Главный Кавказский хребет — 200
 Гниловская, ст. — 181
 Голубинский, городок некрасовцев — 65
 Городищенская, сл. — 39
 Гостомли, с. — 106
 Гребенское казачье войско — 118, 122
 Греция — 158, 216
 Григориополь — 97
 Грозная, креп. — 55
 Грузия — 43, 47, 63
 Грузская, р. — 34
 Грушевка, поселок — 140—141
 Грушевка, р. — 50, 140—141
 Грушевский рудник — 50, 140—141
 Грушевский, х. — 35
 Грязная, р. — 68
 Гундоровская, ст. — 84, 140
 Дагестан — 51, 194—195
 Дарданеллы пролив. — 207
 Дербент, г. — 118
 Дербетев улус — 81
 Деркул, р. — 33, 34
 Джалга, оз. — 166
 Дмитрия Ростовского кр. — 14, 18, 19, 20, 21, 35, 36, 37, 85, 147, 148, 177
 Днепр, р. — 18, 21, 22, 207
 Днестр, р. — 207
 Добринская, ст. — 84
 Дон, р. — 5, 6, 18, 19, 20, 21, 22, 26, 33, 37, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 54, 56, 57, 74, 76, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 98, 138, 142, 145, 147, 150, 155, 156, 157, 160, 175, 178, 182, 183, 188, 207, 208, 209, 213, 214, 215, 220, 223
 Дон, Донская земля, Донское войско, Донской край — passim

- Донецкая, кр. — 18
 Донецкий окр. — 40, 42, 47, 49, 140, 183
 Донская кр. — 25
 Дубовка, пристань — 144, 179, 208, 211
 Дубовская, ст. — 50, 183
 Дунай, р. — 207
 Дурновская, ст. — 86
 Европейская Россия — 92, 100, 156, 184, 200
 Египет — 221
 Егорлык, р. — 6
 Егорлыкская, ст. — 47
 Ейск, г. — 159, 167, 171, 200, 220
 Ейский городок — 67
 Ейский залив — 68
 Ейский округ — 71, 129, 132
 Ейский редут — 37
 Екатериноград, г. — 195
 Екатериноградская кр. — 25
 Екатеринодар, в. — 67, 70, 134, 167, 171, 201, 202, 203, 204, 225
 Екатеринодарский окр. — 71, 129—132, 201
 Екатеринослав, г. — 97
 Екатеринославская губ. — 5, 42, 67, 94, 110, 144, 187, 213
 Еланчик, р. — 34
 Елец, г. — 75
 Елизаветинская, ст. — 6, 157, 189
 Еникале, кр. — 22, 207
 Есауловская, ст. — 33
 Эссендукская, ст. — 54
 Ея, р. — 5, 6, 19, 22, 66, 67, 68
 Железноводск, г. — 55
 Закавказье — 66, 117, 118, 121, 195
 Закубань — 21, 64, 66
 Западельская, сл. — 39
 Заплавский, х. — 35
 Запорожье, Запорожское казачье войско — 5, 9, 32, 37
 Земля Войска Донского — см. Дон, Донская земля, Донское войско, Донской край
 Зимовейская, ст. — 33
 Золотовская, ст. — 87, 107
 Известнобродская, ст. — 197
 Изюм, г. — 89
 Иловлинская, ст. — 84
 Иловля, р. — 5, 33, 88
 Иран — 53
 Испания — 95
 Италия — 158, 216
 Кабарда — 22, 195, 196
 Кавалерка, р. — 68
 Кавказ — passim
 Кавказская губ. (обл.) — 6, 57, 58, 60, 62, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 121, 123, 125, 191, 196, 199, 213, 214
 Кавказская, ст. — 68
 Кавказская укрепленная линия — 6, 44, 47, 50, 53, 55, 58, 111, 115, 118, 123, 124, 162, 163, 165, 182, 190, 192, 196, 197
 Кавказские Минеральные Воды — 63
 Кавказское линейное войско — 55—56, 124, 164, 165, 166, 194, 196, 223
 Кавказское наместничество — 58, 121, 190, 191
 Кагальник, с. — 19, 37, 93
 Кагальницкая, ст. — 47, 185
 Кагальницкая ст. на Дону — 183
 Казанская, ст. — 5, 84, 183
 Калитва, р. — 33, 34
 Калниболотская, ст. — 201
 Калниболотский юрт — 133
 Калуга, г. — 191
 Калужская губ. — 81
 Кальмиус, р. — 5, 20, 42, 98
 Кама, р. — 211, 220
 Каменская, ст. — 34
 Камлук, р. — 203
 Камышеватая, р. — 68
 Карасунский Кут, мыс — 68
 Карачай — 162
 Каспийское море — 54, 96, 192, 209, 215
 Качалинская, ст. — 50, 144, 179, 183, 184, 208, 209
 Керменчик, с. — 98
 Керченский пролив — 21
 Керчь, г. и кр. — 22, 159, 207, 208, 213
 Киев, г. — 18
 Киевская губ. — 67
 Киевская Русь, Киевское государство — 17
 Кизляр, г. — 6, 53, 119, 120, 121, 164, 165, 192, 194, 195, 196
 Кизлярский у. (окр.) — 57, 60, 62, 114, 117, 118, 119, 122, 163, 192
 Кинбурн — 22
 Кирпили, р. — 66, 68

- Кисловодская, ст. — 54
 Клецкая, ст. — 84
 Козлов, г. — 183, 184
 Койсуг, с. — 44, 93, 184
 Коломна, г. — 183, 184
 Коневская, ст. — 202
 Конские Воды, р. — 18
 Константиновская, колония — 63
 Константиновская, ст. — 107
 Константинополь г. — 97, 178
 Копыл, кр. — 23, 65, 66
 Кочетовская, ст. — 87
 Краснодарский край — 6, 169, 204, 205
 Криворожье, сл. — 42
 Кривянский, х. — 35
 Круглое, с. — 44, 184
 Крым, п-ов, — 6, 19, 21, 22, 23, 28, 30, 35, 64, 67, 97, 120, 134, 170, 177
 Крым, Крымское ханство — 22, 23, 24, 26, 28, 30, 37, 72, 158, 223
 Крым, с. — 97
 Крынка, р. — 34, 35
 Кубанская укрепленная линия — 27
 Кубанское ханство — 21
 Кубань, р. — 6, 18, 21, 23, 26, 27, 29, 30, 36, 37, 45, 50, 54, 56, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 127, 152, 156, 170, 197, 203, 204, 205, 207
 Кубань, Кубанское казачье войско — 9, 42, 13, 14, 16, 44, 45, 50, 130, 152, 153, 154, 157, 159, 160, 161, 183, 192, 202, 224
 Куго-Ея, р. — 68
 Куликов, кордон — 183
 Кума, р. — 6
 Кумаская, с. — 62
 Кумское, оз. 166
 Кумшацкая, ст. — 107
 Кумылженская, ст. — 84
 Кура, р. — 25
 Курдюковская, ст. — 119
 Курская губ. — 31, 42, 44, 45, 57, 58, 60, 106, 209
 Курское наместничество — 80
 Кушевская, ст. — 201, 202
 Кяхта, г. — 209

 Лаба, р. — 50, 65, 66, 67
 Лабинская укрепленная линия — 55
 Лакедемоновка, с. — 37
 Ларга, р. — 22
 Ларс, с. — 55
 Левобережная Украина — 32, 37, 174
 Левокумский район — 66

 Лестницкое, с. — 126
 Липецк, г. — 183
 Луганская, ст. — 5, 33, 34, 84
 Луганская я. — 181

 Маджарские озера — 166
 Малая Бейсужка, р. — 168
 Малка, р. — 6, 25, 162
 Малороссия — 10, 37, 38, 78, 81, 98
 Маныч, р. — 6, 47
 Манычские озера — 136, 140, 144, 185
 Марнуполь, г. — 37, 38, 147, 159, 184, 215, 216, 220
 Марнупольский у. — 39, 92, 93, 96, 97
 Мартыновка Сальская, сл. — 36
 Марьинская кр. — 25, 27
 Маслово Кут, с. — 62, 119
 Махинская, ст. — 47
 Медведица, р. — 5, 33, 75, 76, 81, 88
 Медвежье, с. 126, 191
 Мелиховская, ст. — 87, 107
 Мертвый Донец, р. — 88
 Мечетинская, ст. — 47, 185
 Мигулинская, ст. — 83
 Миус, р. — 18, 20, 34, 35, 42, 49, 50, 88, 140
 Миусский окр. (начальство) — 34, 35, 40, 41, 42, 47, 48, 49, 81, 87, 91, 92, 96, 98, 99, 102, 103, 105, 108, 179, 180, 181
 Михайловская, ст. — 5, 84
 Михайловское, с. — 58
 Моздок, г. — 24, 53, 194
 Моздокский у. (окр). — 57, 60, 114, 118, 122, 163, 164
 Моздокская укрепленная линия — 61
 Москва, г. — 14, 50, 65, 75, 87, 137, 142, 148, 175, 177, 178, 183, 184, 191, 193, 208
 Московская губ. — 31, 81, 142, 182
 Московская кр. — 25
 Московская Русь — 64
 Московское, с. — 191

 Нагольная, р. — 34, 35
 Назрань, с. — 197
 Нальчик, г. (селение) — 55
 Нахичевань, Нахичевань-на-Дону — 35, 37, 48, 97, 143, 144, 145, 146, 147, 181, 184, 187
 Невинномысская, ст. — 54
 Некрасовская, ст. — 65
 Несветай, с. — 37

- Несмеяновка, сл. — 39
 Нижне-Гвизловская, ст. — 6
 Нижне-Кундюренская, ст. — 6
 Нижне-Чирская, ст. — 87
 Нижний Дон — 33, 35, 81, 87, 179
 Николаевка, с. — 37
 Николаевская, колония — 63
 Николаевская, ст. — 54
 Новгород, г. — 184
 Ново-Георгиевская, ст. — 54
 Ново-Марьянская, ст. — 54
 Ново-Полтавская, сл. — 54
 Новогладковская, ст. — 119
 Новогригорьевское, с. — 191
 Новоскатерининский пост — 204
 Новомосковск, г. — 100
 Новопокровская, ст. — 133
 Новороссийская губ. — 147
 Новороссия — 11, 39, 40, 45, 96, 183
 Новочеркасск, г. — 87, 88, 101, 107,
 143, 144, 146, 180, 181, 187
- Одесса — 167, 207, 208, 209, 210, 213,
 220
 Оренбург, г. — 209
 Орел, г. — 208
 Орловская губ. — 31, 60, 106
 Осетия — 162
 Оскол, р. — 5
 Островская, ст. — 5
 Остроуховская, ст. — 84
 Очаков кр. и г. — 18, 22
- Павловская, кр. — 25, 27, 66
 Павлоградский у. — 39
 Палагиада, (Пелагиада) с. — 58
 Палагиадская (Пелагиадская) во-
 лость — 120
 Паробочевская, ст. — 119
 Пензенская губ. — 42
 Пензенский у. — 65
 Первый Донской окр. — 40, 47, 49,
 81, 82, 107, 110, 140, 179
 Персия — 118, 179, 194, 209
 Петербург, г. — 50, 63, 69, 114, 183,
 184, 191, 193, 196
 Петербургская губ. — 182
 Петровская волость — 120
 Платнировская, ст. — 167
 Плоская, р. — 68
 Позолжье — 143, 147, 220
 Подонье — 75, 76, 77, 82, 87
 Покр-Сала, с. — 37
 Покровское, с. — 37
 Полтава, г. — 100
- Полтавская губ. — 42, 44, 45, 60
 Польша — 3, 74, 158
 Поповка, х. — 140
 Португалия — 223
 Прасковья, с. — 119
 Предкавказье — 57, 60, 61, 116, 117,
 118, 123, 124, 125, 126, 162, 163,
 164, 166, 167, 182, 190, 191, 194,
 200, 207, 223, 224, 225, 226
- Приазовье — 17, 18, 19, 20, 26, 28,
 30, 36, 37, 39, 40, 44, 46, 50, 86,
 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98,
 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 111,
 135, 139, 143, 145, 146, 149, 151, 178,
 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187,
 189, 208, 217, 223, 225
- Прикубанская укрепленная линия —
 68
 Прикубанье — 21, 26, 30, 66
 Пронск, г. — 184
 Прочно-Окоп, кр. — 68
 Прочноокопская, ст. — 68
 Прощальная балка — 168
 Пруссия — 142
 Прут, р. — 207
 Пятигорск, г. — 117, 166, 228
 Пятигорская, ст. — 197
 Пятигорский у. (окр.) — 62, 63, 113,
 116, 119, 123, 126, 164
 Пятиизбянская, ст. — 33, 209
- Раздолье, с. — 119
 Раздорская, ст. — 87, 107
 Рига, г. — 208
 Рим, г. — 3
 Роговская, ст. — 131
 Российское централизованное госу-
 дарство — 64, 150, 173
 Россия, Российская империя — passim
 Ростов-на-Дону, г. — 18, 20, 34, 35,
 38, 44, 48, 96, 97, 103, 105, 143,
 144, 145, 146, 147, 148, 159, 176,
 179, 181, 183, 184, 185, 208, 211,
 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219,
 220, 225
- Ростовская кр. — см. Дмитрия Ро-
 стовского кр.
 Ростовская таможенная застава —
 208, 217
 Ростовский у. — 5, 93, 97, 104, 187,
 213
 Ряжск, г. — 184
 Рязанская губ. — 31, 60, 81, 183
- Садон — 162

- Сал, р. — 5, 46, 47
 Сальские степи — 84
 Сандатовская волость — 120
 Саратов, г. — 191
 Саратовская губ. — 42, 44, 106, 110, 142
 Саратовский у. — 65
 Северное Причерноморье — 19, 94, 98
 Северный Кавказ — 11, 16, 25, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 112, 122, 125, 126, 162, 190, 194, 195, 197, 199, 226
 Северо-Западный Кавказ — 23, 24, 26, 28, 65, 67, 68
 Северский Донец, р. — 5, 33, 34, 42, 50, 76, 88, 98, 140
 Серебряковская пристань — 192
 Сибирь — 39, 45, 144, 172, 214
 Силезия — 94
 Симбирская губ. — 31
 Сиротинская, ст. — 137
 Славянск-на-Кубани, г. — 65
 Славшевская, ст. — 84
 Слободская Украина — 32, 95
 Смирна, г. — 221
 Средиземное море — 184, 207, 213, 221
 Ставрополь г. — 68, 192, 194, 195, 199, 225
 Ставрополье — 12, 13, 14, 16, 44, 45, 50, 53, 111, 115, 116, 117, 119, 162, 163, 164, 165, 183, 190, 191, 192, 193, 223, 224
 Ставропольская губ. — 6, 15, 59, 61, 62, 115, 117, 119, 120, 121, 123, 124, 163, 164, 165, 166, 167, 191, 192, 193, 194, 198
 Ставропольская кр. — 25, 54, 191
 Ставропольский край — 6, 66, 76
 Ставропольский у. (окр.) — 57, 58, 60, 62, 113, 114, 115, 122, 123, 125, 126, 164, 166
 Старо-Марьевское, с. — 58
 Старогладковская, ст. — 119
 Старокорсунская, ст. — 127
 Староминская, ст. — 201
 Старомышастовская, ст. — 131
 Старотитаровская, ст. — 127
 Старочеркасская ст. Старочеркасск — 35, 47, 52, 101, 146
 Старощербиновская, ст. — 201, 202
 Старые Маджары, с. — 63
 Суджук-Кале, кр. — 26, 203
 Султан-Сала, с. — 37
 Султанский, аул — 63
 Сунжа, р. — 45, 50, 196, 197
 Сунженская укрепленная линия — 55, 199
 США — 216
 Таврическая губ. (обл.) — 91, 95, 96, 101
 Таганрог, г. — 6, 20, 21, 36, 37, 38, 48, 89, 96, 100, 105, 138, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 159, 179, 181, 184, 187, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 225
 Таганрогский залив — 5, 6
 Таганрогский окр. — 35, 42
 Таганрогское градоначальство — 5, 15, 147
 Таманский окр. — 71, 129, 132
 Тамань, кр. — 23, 28, 29
 Тамань, Таманский п-ов. — 6, 22, 28, 29, 30, 64, 66, 67, 68, 134, 170, 228
 Тамбовская губ. — 31, 42, 81, 106
 Тамбовское наместничество — 183
 Татарская, ст. — 52, 184
 Темерник, р. — 97
 Темжбекская, ст. — 68
 Темнолеская, ст. — 54
 Темрюк, кр. и г. — 23, 159
 Терек, р. — 6, 45, 53, 54, 64, 120, 121, 162, 164, 196, 198
 Терская обл. — 120
 Терский городок — 53
 Терско-Моздокская укрепленная линия — 66
 Тихая, р. — 34
 Томузловка, р. — 25
 Триест, г. — 216
 Троицкое, с. — 37
 Тузлов, р. — 35, 146
 Тула г. — 177, 191, 208
 Тульская губ. — 42, 44, 81
 Турция — 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 30, 36, 53, 64, 65, 66, 67, 72, 74, 150, 158, 178, 204, 216, 221, 223
 Украина — 3, 11, 19, 20, 38, 39, 40, 51, 53, 56, 65, 71, 72, 78, 80, 96, 106, 174, 207, 213
 Украинская линия — 18
 Уманская, ст. — 201, 202
 Урал — 147, 211, 217
 Уруп, р. — 66
 Усть-Быстринская, ст. — 87
 Усть-Лаба — 6, 68

Усть-Лабинская, ст. — 68
Усть-Медведицкая, ст. — 83, 84
Усть-Медведицкий окр. (начальство) — 40, 41, 45, 47, 49, 105, 107, 108, 110, 180, 181
Усть-Хоперская, ст. — 84

Феодосия, г. — 184
Филипповская, ст. — 183
Франция — 3, 17, 107, 158, 210, 216, 219

Хабль, р. — 204
Харьков, г. — 183, 191
Харьковская губ. — 67, 110, 142, 143
Харьковское наместничество — 79
Херсонская губ. — 42, 45, 120
Хопер, р. — 5, 25, 33, 43, 75, 81, 88
Хоперский окр. — 40, 45, 47, 49, 180, 181

Царицын, г. — 58, 179, 192
Царицынская укрепленная линия — 33
Цимлянская, ст. — 87, 107

Чалтырь, с. — 37
Челбасы, р. — 68
Червленная, ст. — 119, 196
Черкасск, столица Войска Донского до 1805 г. — 45, 85, 87, 98, 137, 175, 176, 177, 178, 185
Черкасский округ — 40, 42, 47, 49, 52, 92, 106, 107, 180
Черкасский тракт — 192

Черниговская губ. — 42, 44, 67
Черное море — 15, 17, 18, 20, 53, 68, 127, 153, 178, 182, 183, 184, 200, 207, 210, 211, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 226

Черноземное казачье войско; Черноморье — 6, 9, 13, 44, 68, 69, 70, 71, 85, 114, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 144, 152, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 193, 200, 203, 205, 206, 214, 223

Черный Рынок, с. — 62, 119
Чечня — 199.
Чирянский, городок некрасовцев — 65
Чусовая, р. — 211, 220

Шандруковская пристань — 192
Швейцария — 158
Швеция — 74
Шелкозаводская, ст. — 119
Шотландская, колония — 63

Щедринская, ст. — 119

Эльбузда, р. — 5

Южная Россия — 65, 78, 81, 146, 180, 181, 212, 218, 219, 222
Южная Украина — 39, 45

Ялта, с. — 37
Ярославская губ. — 31
Ясенское гирло — 85
Ясенское оз. — 170

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (А. П. Пронштейн)	3
<i>Глава первая. Дон и степное Предкавказье в составе Российской империи. Их заселение и освоение</i>	17
§ 1. Степное Предкавказье в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII века. Включение Приазовья и Правобережной Кубани в состав России (С. А. Чекменев, Т. М. Феофилактова, Б. В. Чеботарев)	17
§ 2. Заселение Донского края в XVIII веке (А. П. Пронштейн)	31
§ 3. Начало заселения и хозяйственного освоения Приазовья в XVIII веке (Б. В. Чеботарев)	36
§ 4. Заселение и хозяйственное освоение области войска Донского и Приазовья в первой половине XIX века (А. И. Агафонов)	38
§ 5. Заселение Кавказской линии и Ставрополя в XVIII — первой половине XIX века (С. А. Чекменев)	53
§ 6. Начало заселения кубанских земель в XVIII — первой половине XIX века (В. И. Недосекин)	64
<i>Глава вторая. Сельское хозяйство Дона и степного Предкавказья</i>	72
§ 1. Характеристика сельского хозяйства на Дону в XVIII веке (А. П. Пронштейн)	72
§ 2. Развитие земледелия и сельскохозяйственных промыслов Приазовья в XVIII — начале XIX века (Б. В. Чеботарев)	89
§ 3. Сельское хозяйство Дона и Приазовья в первой половине XIX века (В. А. Золотов, А. И. Агафонов)	100
§ 4. Земледелие и животноводство в Ставрополе и на Кавказской линии (С. А. Чекменев)	111
§ 5. Сельское хозяйство Черноморья (В. И. Недосекин)	126
<i>Глава третья. Промышленное производство на Дону и в степном Предкавказье</i>	135
§ 1. Промышленность Донской земли и Приазовья в XVIII — первой половине XIX века (А. П. Пронштейн, В. А. Золотов, А. И. Агафонов).	135
§ 2. Рыбные промыслы казачьих областей Азовского бассейна (Л. Т. Тоценко).	150
§ 3. Развитие промышленности в Ставрополе и на Кавказской линии (С. А. Чекменев)	162
§ 4. Промышленность Черноморья (В. И. Недосекин).	167
<i>Глава четвертая. Внутренняя и внешняя торговля</i>	173
§ 1. Развитие внутренней и внешней торговли на Дону в XVIII веке (А. П. Пронштейн).	173

§ 2. Развитие внутренней торговли на Дону и в Приазовье в первой половине XIX века (А. И. Агафонов)	180
§ 3. Развитие торговли в Ставрополье и на Кавказской линии (С. А. Чековцев)	190
§ 4. Торговли в Черномории (В. И. Недосекин)	200
§ 5. Участие портов Азовского моря во внешней торговле России первой половины XIX века (В. А. Золотов)	206
З а к л ю ч е н и е (А. П. Пронштейн, С. А. Чековцев)	223
Список принятых сокращений	227
Именной указатель	228
Географический указатель	233

ДОН И СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ XVIII — первая половина XIX века

(Заселение и хозяйство)

Редактор Паламарчук А. Б.

Технический редактор Бочковая Г. Я.

Корректоры Надеждина Т. А., Ким В. А.

Обложка Силкина В. В.

Изд. № 39/1020. Сдано в набор 23.11.76. Подписано к печати 04.03.77. ПК 01671. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 1. 15,0 физ. п. л., 13,95 усл. п. л., 15,1 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 177. Цена 2 р. 44 коп.

Издательство Ростовского университета, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Типография им. М. И. Калинина Ростовского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-я Советская, 57.